

**Т5
Л858**

Т. Г. Голева, И. А. Подюков,
Л. Г. Пономарева, А. В. Черных

**ЛУПЬИНЦЫ: ИСТОРИЯ,
КУЛЬТУРА, ЯЗЫК
Этнолингвистический
сборник**

Пермь 2011

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический университет»
Институт языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа
Центр этнолингвистики народов Прикамья ПГПУ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА

Выпуск VIII

Т.Г. Голева, И.А. Подюков, Л.Г. Пономарева, А.В. Черных

ЛУПЬИНЦЫ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК
Этнолингвистический сборник

Пермь

2011

УДК 811.511.1:39
ББК Т529(236)+Ш166.42
Т 782 1858

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.М. Белавин;
доктор филологических наук, профессор С.С. Шляхова

Авторский коллектив

Т. Г. Голева, канд. ист. наук, сотрудник Центра развития образования Пермского края;
И. А. Подюков, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой общего языкознания Пермского государственного педагогического университета, руководитель Центра этнолингвистики народов Прикамья ПГПУ;
Л. Г. Пономарева, канд. филол. наук, ассистент Пермского государственного педагогического университета;
А. В. Черных, д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН
Научный консультант — канд. филол. наук, доцент А. С. Лобанова

Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / ред. кол. : А. С. Лобанова, А. М. Белавин. Вып. VIII.
Голева Т. Г. Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник / Т. Г. Голева, И. А. Подюков, Л. Г. Пономарева, А. В. Черных. — Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2011. — 142 с. + Прил. (102 с.) + Вклейка 8 л.: ил.

ISBN 978-5-85218-557-0

В монографии представлено комплексное исследование языка и традиционной культуры одной из этнографических групп коми-пермяков, расселенных в поречье р. Лупья Гайнского района Коми-Пермяцкого округа. Исследование раскрывает историю изучения культурно-языкового своеобразия мысовско-лупинского ареала в XIX–XXI вв. и историю формирования этнической группы лупинцев. В нём дано описание мысовско-лупинского диалекта коми-пермяцкого языка, анализируются особенности русской речи жителей края. Работа опирается на полевые исследования, проведенные авторами в 2000-х гг., архивные изыскания.

Издание предназначено этнографам, фольклористам, лингвистам.

УДК 811.511.1:39

ББК Т529(236)+Ш166.42

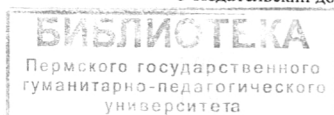
Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

Редакционная коллегия серии: доктор исторических наук, профессор А. М. Белавин;
канд. филол. наук, доцент А. С. Лобанова

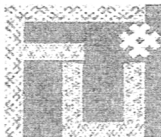
*Исследование и издание осуществлено по заказу Департамента внутренней политики
Администрации губернатора Пермского края в рамках реализации и на средства целевой
краевой программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края*

ISBN 978-5-85218-557-0

- © Администрация губернатора Пермского края, 2011
- © Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г.,
Черных А. В., 2011
- © ФГБОУ ВПО «ПГПУ», 2011
- © Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2011

940814

Оглавление

Введение.....	4
Раздел 1. ЛУПЫНЦЫ КАК ОСОБАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА.....	6
1.1. Из истории изучения лупынцев.....	6
1.2. История коми-пермяцких поселений по р. Лупья.....	30
1.3. Лупья как территория активных межэтнических контактов.....	42
1.4. Вера и религиозно-мифологические представления лупынцев.....	50
Раздел 2. МЫСОВСКО-ЛУПЫНСКИЙ ДИАЛЕКТ.....	80
2.1. Из истории изучения лупынских говоров.....	80
2.2. Дialeктные особенности местных говоров	87
Раздел 3. РУССКАЯ РЕЧЬ СОВРЕМЕННЫХ ЛУПЫНЦЕВ.....	121
3.1. Фонетические и грамматические особенности русской речи лупынцев.....	124
3.2. Особенности словообразования и словоупотребления в русской речи лупынцев.....	135
Приложение 1. Словарь мысовско-лупынского диалекта.....	143
Приложение 2. Материалы к словарю «Особенности мысовско-лупынской ономастики».....	202
Приложение 3. Русские диалектные заимствования в живой лупынской речи.....	222
Приложение 4. Лупынская речь. Тексты.....	231

Введение

Предлагаемое издание «Лупьинские коми-пермяки» – это коллективная монография, раскрывающая историю формирования, особенности языка, культуры и быта одной из интереснейших этнографических групп коми-пермяцкого народа, проживающей на самом севере Пермского края – в поречье р. Лупья Гайнского района. Монография – итог длительных экспедиционных исследований авторов. В основу книги положен полевой лингвистический, фольклорный и этнографический материал, который собирался авторами с 2000 по 2010 г. в деревнях и поселках севера Гайнского района. Монография призвана показать во всей яркости и своеобразии культурно-языковую традицию лупьинских коми-пермяков. Выбор для монографического исследования лупьинской группы коми-пермяцкого народа, обладающей специфической, во многом уникальной духовной культурой, отражает одно из основных направлений отечественной этнографии и этнолингвистики: проведение комплексного и системного анализа локальных вариантов традиционной культуры.

Монография открывает серию изданий, посвященных локальной традиции отдельных этнических групп народов Прикамья. В разделе «Лупьинцы как особая этнографическая группа коми-пермяцкого народа» представлены очерки «Из истории изучения лупьинцев», «История коми-пермяцких поселений по р. Лупья», «Лупья как территория активных межэтнических контактов», «Вера и религиозно-мифологические представления лупьинцев»; в разделе «Мысовско-лупьинский диалект» — научные очерки «Из истории изучения лупьинских говоров», «Диалектные особенности местных говоров». Кроме того, отдельно дана общая характеристика фонетических и грамматических особенностей русской речи лупьинцев, описаны особенности словообразования и словоупотребления в русской речи лупьинцев. Завершают издание четыре приложения, в которых представлены: 1) Словарь мысовско-лупьинского диалекта; 2) описание

особенностей мысовско-лупьинской ономастики; 3) материалы к словарю «Русские диалектные заимствования в живой лупьинской речи»; 4) Лупьинская речь. Тексты. Описание традиционной материальной культуры населения края (хозяйство, промыслы, ремёсла, быт, традиционный костюм, кухня и т.д.), духовной культуры (религиозные традиции, календарные праздники и обряды, семейная обрядность, хозяйственная магия), фольклора будет осуществлено в следующем выпуске.

К настоящему времени лупьинцы — наименее исследованная группа коми-пермяцкого народа. Несмотря на давний и значительный интерес к их самобытной культуре, пока не проводилось комплексного лингвистического и фольклорно-этнографического исследования языка, фольклора, обрядности, верований и представлений лупьинцев. Выход настоящей книги, как надеются авторы, позволит заполнить данную лакуну. Важность этого описания связана еще и с тем, что в настоящее время старых коми-пермяцких деревень на реке Лупья почти не сохранилось, от них остались только три небольшие деревни Мысы, Сойга и Конопля. Коренное население сосредоточилось в лесных поселках Жемчужный, Верхний Будым, Шордын, Кебраты. Жизнь в поселках, естественно, вызвала значительные разрушения многих элементов традиционной культуры лупьинских коми-пермяков, и этот необратимый процесс в скором времени может привести к тому, что уже через несколько лет фиксация этнографических и лингвистических реалий станет невозможной. Поэтому именно сейчас как никогда актуален интерес к этой стремительно меняющейся, исчезающей культуре, к описанию особенностей местной речи.

При подготовке книги использован уникальный фотографический материал из собрания Пермского краевого музея, Российского этнографического музея, полевые фотоматериалы В. А. Оборина, В. Н. Белицер, фотографии, сделанные авторами.

Авторы приносят слова благодарности старожилам лупьинских деревень и поселков Жемчужный, Мысы, Конопля, Сойга, Кебраты, Шордын, Будым, всем, кто охотно делился своими знаниями и гостеприимно встречал

участников экспедиций. Особая благодарность за оказанную помощь в организации и проведении полевых исследований администрации Гайнского муниципального района, а также Надежде Прокопьевне Златиной, директору Мысовской общеобразовательной школы, передавшей авторам книги свои многолетние наблюдения за особенностями культуры, языка и быта лупьинцев и мысовлян.

Раздел 1. ЛУПЬИНЦЫ КАК ОСОБАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА

1.1. Из истории изучения лупьинцев

Первые опубликованные сведения о жителях северной части Гайнского района относятся к концу XVIII в. Исследователь, будущий академик Московской и Петербургской академий наук И. И. Лепехин в 1771 г., проезжая с научной экспедицией через северные районы Коми-Пермяцкого округа, записал в д. Селище Косинской волости предание о чудском богатыре Пере, проживавшем некогда в 50 верстах от с. Гайны. По данной версии народного рассказа, Пера указал дорогу в Сибирь и снабдил нужными припасами одного из московских «торгашей», после чего слава об «отменной силе чуденина» дошла до царя. Государь Иван Васильевич приказал прибыть Пере в Москву, а затем наградил грамотой на земли и шелковыми сетями. И. И. Лепехин первым предположил, что название народа «пермяки» произошло от имени богатыря, при этом отметил, что «они на своем языке не зовут себя пермяками, но коми-утир»¹.

В XIX в. появляется целая серия исторических, краеведческих, публицистических и этнографических работ, в которых раскрываются

¹ Лепехин И. И. Дневные записки доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Спб., 1780. Ч. 3. С. 195-196. Считается, что этноним *коми-утир* (или *утюр*) переводится как «люди Камы»).

особенности истории и культуры населения бассейна р. Лупья. Сведения о лупьинских поселениях можно найти в трудах Н. Попова, А. Е. Теплоухова, Х. Мозеля, А. Дмитриева, В. Шишонко, А. Ф. Теплоухова, И. Н. Смирнова.

В 1840 г. беллетрист-этнограф П. Мельников, путешествуя по разным местам России, проезжал и по территории, населенной коми-пермяками. В своих «Дорожных записках» он вместе с повествованием о собственных впечатлениях и наблюдениях обращается к преданию о Пере-богатыре, напечатанному И. И. Лепехиным¹. П. Мельников опровергает приведенную И. И. Лепехиным версию о происхождении названия народа от имени богатыря, так как термин «Пермь» встречается еще в новгородских грамотах, датированных периодом до правления Ивана Грозного. В основу зафиксированного И. И. Лепехиным сюжета народного эпоса, по мнению исследователя, легло реальное открытие дороги в Сибирь Артюшкою Бабиновым, который получил за это «грамоту безданную и безпошлинную».

Одним из ранних описаний, в которых содержатся сведения о лупьинских пермяках, следует считать «Этнографические заметки» Н. Попова, священника Гайнского прихода, выполненные в 1848 г. по заданию Русского географического общества². Позднее этнографический очерк Н. Попова был опубликован в «Журнале Министерства внутренних дел»³. Автор достаточно подробно описывает культуру и быт населения вверенного ему прихода в Гайнской волости Чердынского уезда. Некоторые сведения, приводимые Н. Поповым, собраны им в деревнях по р. Лупья, однако в заметках они встроены в общую канву повествования о жителях прихода, поэтому невозможно точно отнести их к лупьинским деревням прихода. В описаниях Н. Попова дана характеристика особенностей местного жилища и его

¹ Мельников П. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1840. Т. XIII. С.88-89.

² Попов Н. Географические, статистические и этнографические сведения, собранные в 1848 г. в селе Гайнском Чердынского уезда // Архив Русского географического общества. Разряд XXIX. Оп.1. Д.72.

³ Попов Н. Этнографические заметки о пермяках // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 39. 1852. С. 456-464.

интерьера, мужского и женского костюма, пищи, семейных и календарных праздников и обрядов. Характеризуя местные обычаи, Н. Попов отмечал, что хотя пермяки не любят новизны, однако между ними сохранилось мало обычаев или обрядов языческих. К собственно лупьинским материалам Н. Попова можно отнести упоминание бытования преданий о Пере-богатыре и указание на то, что некоторые лупьинцы до настоящего времени ведут свою родословную от богатыря и его братьев. Приведем отрывок из этих заметок, посвященный Пере-богатырю:

«Впрочем есть в нашем приходе в деревне вверху отстоящей от села Гайны на север в семидесяти верстах на вологодской грани одно семейство разделившееся уже на три дома по фамилии Мизевы, известные своей необыкновенной силой. У них отец был Семен, который ставил двадцати пяти пудовый нагруженный в сани мукой воз без помощи товарищей. Будучи крепкого телосложения он был совершенно здоров и не имел совершенно никакого болезненного припадка. До самой смерти, постигшей его на сто пятнадцатом году, от него же по неосторожности. Дед их Калина жил до ста двенадцати лет, у Калины дед был Антип, а у Антипа братья по прозвищу Пера и Мизя. Все они из рода пермяков и говорили на пермяцком наречии. По их словам Пера и Мизя будто бы ходили на поединок в Москву по требованию царя. Какой именно царь, этого они не помнят. Известно только что за победу на поединке царь наградил Перу шелковыми сетями для птицеводства и рыболовства и грамотой которую их дед отдал в Чердынь для переписывания по ветхости и так в бывшем прежде пожаре, оные грамоты затерялись»¹.

Среди работ середины XIX в. особое внимание заслуживает небольшой очерк А. Е. Теплоухова «Лесохозяйственное описание Чердынского уезда», в одном из разделов которого, посвященного описанию р. Лупья и лесных дач, приводятся интересные сведения о хозяйственных занятиях и быте здешнего населения. А. Е. Теплоухов, в частности, отмечает: «Народонаселение по ней

¹ Попов Н. Географические, статистические и этнографические сведения, собранные в 1848 г. в селе Гайнском Чердынского уезда

[р. Лупья] весьма малое, всего четыре деревни, а именно Верх-Лупья, Сойга, Конопля и Нижняя Лупья, исключая Верх-Лупьинцев, все они занимаются поставкою дров и оследника в Дедюхино и хлебопашеством, а первые исключительно промышляют звероловством и также сеют хлеб...»¹. Подробно автор останавливается и на особенностях земледельческого хозяйства, а также характеризует этнический состав населения Лупьи: «все они принадлежат к пермякам»². И хотя описание лупьинцев А. Е. Теплоухова нельзя назвать достаточно полным и подробным, долгое время эти сведения, скорее всего основанные на личных наблюдениях, оставались востребованными, за неимением других материалов об этой территории. Данные А. Е. Теплоухова о лупьинцах приводят в своей работе о Пермской губернии Х. Мозель³ и В. Шишонко, комментируя сведения писцовых книг о Лупьинском поречье⁴.

В конце XIX в. историю, быт и народную культуру коми-пермяков изучал профессор Казанского университета И. Н. Смирнов. Точные его маршруты по территории Пермской губернии остались неизвестными. Скорее всего, он не бывал в верховьях реки Лупьи, но мог использовать другие источники о лупьинских деревнях и включил их в свой очерк. В частности, в монографии И. Н. Смирнова встречается указание на то, что в д. Луп Гаинской волости, как и в некоторых других поселениях, к Рождеству «приводят живых баранов, пускают на несколько минут в часовню, где животное бежит, и затем режут и часть съедают сами, часть отдают нищим»⁵.

В контексте исторических исследований о Пермском Прикамье сведения о лупьинских деревнях, истории их возникновения, составе населения приводятся в трудах пермских историков В. Шишонко и А. Дмитриева.

¹ Теплоухов А. Е. Лесохозяйственное описание Чердынского уезда / Перм. губ. стат. ком. - Пермь: Перм. губ. тип., 1856. С.20.

² Там же. С.21.

³ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния. Спб., 1864. Ч.2. С.192.

⁴ Шишонко В. Пермская летопись. I период с 1263-1613. Пермь, 1881. С.240-241.

⁵ Смирнов И. Н. Пермяки: историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Импер. Казанском ун-те. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 2. С.252.

Наиболее ценным в работах названных авторов является публикация и анализ ранних документов, прежде всего писцовых книг XVI-XVII вв. – в первых переписях Перми Великой, в которых содержатся материалы о лупьинских деревнях¹.

Вновь к преданию о легендарном жителе Лупьи Пере-богатыре обращается в начале XX столетия коми писатель и ученый К. Ф. Жаков. В этнографическом очерке «По Иньве и Косе» исследователь приводит новые варианты народного сказания, включающие сюжеты о борьбе Перы с лешим, и о его победе в поединке с царским врагом². Остальные материалы К. Ф. Жакова касаются характеристик хозяйствования и народной культуры иньвенских и косинских коми-пермяков, сведения о лупьинцах им больше не приводятся.

В конце XIX – начале XX в. значительный вклад в изучение лупьинских коми-пермяков внес Александр Федорович Теплоухов (1880-1943). Интерес А. Ф. Теплоухова к истории и этнографии края также не был случайным — он продолжил дело отца и деда, активно занимавшихся историей, археологией и этнографией Пермского Прикамья³. Наиболее плодотворный период в сборе полевого материала и изучении этнографии коми-пермяков Пермского края приходится на период 1910-1912 гг., на материалах, как отмечает сам А. Ф. Теплоухов, «знакомства с пермяками Чердынского уезда, среди которых я жил три лета» (1910-1912)⁴. Интерес к этнографии коми-пермяков Александра Федоровича именно в этот период обусловлен несколькими обстоятельствами. По служебным обязанностям в это время А. Ф. Теплоухов занимался таксацией (оценкой) лесов на севере Прикамья, что давало возможность одновременно

¹ Шишонко В. Пермская летопись

² Жаков К. Ф. По Иньве и Косе. Этнографический очерк // Живая старина. 1903. Вып. 4. С.409–421.

³ Теплоухов Ф. А. «Кабала», или прошение лесному царю (из пермяцких суеверий) // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. комитетом. Пермь, 1895. Т. 3. С. 291-299; Теплоухов Ф. А. Народное празднество "Три Елочки" в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. ком. Пермь, 1892. Т. 1. С. 138-148.

⁴ Теплоухов А. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губ. земства. Пермь, 1916. Вып. 2. С. 122-137.

изучать и быт народов этого района, в том числе коми-пермяков¹. Кроме того, с 1910 г. начинается активное сотрудничество Александра Федоровича с Этнографическим отделом Русского музея. В начале 1910 г. он обращается с предложением о сотрудничестве по комплектованию этнографических коллекций по Пермской губернии к сотруднику Этнографического Отдела А. Миллеру². По заданию Этнографического отдела в 1910-1912 гг. А. Ф. Теплоуховым была приобретена коллекция предметов традиционного костюма и быта коми-пермяков, поступившая в Русский музей в 1912 г. (РЭМ № 2895). Существенным дополнением коллекции стали поступившие в 1914 г. в Этнографический отдел музея 72 фотографии, иллюстрирующие многие явления традиционной культуры коми-пермяков начала XX в. (РЭМ № 2794). Другая, не менее интересная и значительная часть этнографической коллекции А. Ф. Теплоухова поступила в фонды Пермского краеведческого музея.

В настоящее время коллекция А. Ф. Теплоухова по традиционной культуре коми-пермяков РЭМ и ПКМ является одним из самых значительных собраний начала XX в. Среди материалов большое место занимают те, что собраны в деревнях по р. Лупья. Особый интерес представляет материал по традиционному костюму. А. Ф. Теплоухов выделял мужскую одежду лупьинцев среди остальных костюмов коми-пермяков Чердынского уезда, отмечая такие характерные для них черты, как бытование белых орнаментированных мужских запонов, узорных мужских чулок, четырехугольных шапок, кроме того, отмечал, что они «в одежде имеют много зырянского...»³. Существенным дополнением к собранию предметов являются фотографии, на которых отражены хозяйственные занятия лупьинцев, наиболее полно и детально раскрыты комплексы традиционного костюма.

¹ Николаев С. Ф. Лесоводы Теплоуховы // Летописец: Сборник памяти С.Ф. Николаева (1912-2002). Пермь, 2007. С. 173-175.

² Чувьуров А. А. К истории формирования фотоколлекций по народам коми в собрании РЭМ [Электронный ресурс] // <http://www.komi.com/pole/publ/museum/2.asp>

³ Чувьуров А. А. К истории формирования фотоколлекций по народам коми в собрании РЭМ

Самой известной и наиболее значимой из этнографических исследований ученого представляется работа «Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения» (1916), основанная на полевых материалах и наблюдениях¹. Это исчерпывающее изучение форм, особенностей бытования и ареалов распространения традиционных головных уборов коми-пермяков. К сожалению, лупьинские материалы представлены в данной статье крайне фрагментарно. Собранный материал по традиционной культуре коми-пермяков не нашел, как нам кажется, полного отражения в публикациях А. Ф. Теплоухова. Однако созданная А. Ф. Теплоуховым источниковая база, представленная в музейных собраниях, в том числе раскрывающая особенности культуры и быта коми-пермяков р. Лупья, до сих пор востребована исследователями.

Исторические и этнографические сведения о лупьинских деревнях в начале XX в. были собраны и опубликованы И. Я. Кривошековым в его энциклопедическом издании «Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии». И. Я. Кривошеков обобщил и систематизировал значительный пласт исторического, статистического и другого материала из разнообразных источников, в том числе и личных наблюдений, бесед с корреспондентами из разных селений. В словарных статьях содержится информация о нескольких лупьинских деревнях – Верх-Лупья, Мысы, Сойга, Пурга, Ручиб, Харин. Для каждого поселения отмечено место расположения в уезде, количество дворов, общественных учреждений. Кроме того, приводятся известные исторические сведения о поселении, указан этнический состав его жителей, а в ряде статей описаны хозяйственные занятия населения, некоторые этнографические особенности их быта. В труде И. Я. Кривошекова были обобщены все имеющиеся к тому времени исторические, статистические и этнографические сведения о лупьинских деревнях. На начало XX в. «Словарь...» представил наиболее полную

¹ Теплоухов А. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения

информацию об этом регионе. Из наиболее интересных данных И. Я. Кривошекова следует отметить подробную характеристику роли земледелия и охоты в хозяйстве лупьинцев. Исследователь отмечает бытование преданий о богатырях, описывает обычай жертвования баранов в д. Верх-Лупья.

Для более полного представления о труде И. Я. Кривошекова приведем его описание д. Верх-Лупья: «Верхъ-Лупья – д. на р. Лупье притоке р. Камы, вблизи самой границы Вологодской губернии, Гаинской волости, от волостного правления в 60 верстах и от уездного города в 220 верстах. По переписи Перми Великой в 1623/4 гг. дер. Верх-Лупья имела 10 дворов жилых и 2 пустых. Из исповедных росписей Гаинской церкви от 1819 года тоже видно, что селение это существовало и в нем было 7 дворов. В «Памятной книжке Пермской губ.» на 1880 г. г. Гасабов в дер. В.Лупье указывает, что жителей было 76 мужского пола и 73 женского пола человек зырян, далее он говорит: «они в физическом отношении сходны с пермяками и в нравственном и гражданском отношениях постепенно сливаются с русскими, с которыми находятся в постоянных сношениях. – Они хотя не совсем опрятны и сохранили много суеверия, но кротки, простодушны, трудолюбивы, в чем резко отличаются от сродных с ними пермяков». А. Ф. Теплоухов, исследовавший жизнь верхлупьинцев, утверждает, что их неправильно причисляют к зырянам, они такие же пермяки, как и все остальные жители Гаинской волости. В исследовании экономического быта в уезде в 1886 г. селение это не зарегистрировано, хотя в нем упоминаются Верх-Лупьинское и Мысовское сельские общества обруселых зырян. В селении хранится земская школа и православная часовня в честь пророка Ильи, в которой находится особо чтимая икона его. С иконой бывает крестный ход 6 января в с. Гайнское. Во время крестного хода в Крещение из Гаинской церкви на Каму многие из жителей-инородцев по обещанию ходят на иордань в одной рубашке, несмотря ни на какие морозы. В 1886 г. священник села Петр Знаменский сообщает автору, что иньвенские пермяки из Соликамского уезда к 20 июля приводили в Верх-Лупью живых баранов, но

уже тогда наблюдалось, что этот обычай стал видоизменяться, баранов стали привозить к 6 января, когда пути сообщения являлись более удобными. «В Верх-Лупье находится чудское городище, с которым связано предание, что в городище жил зырянский богатырь Мизь, многочисленные потомки которого с фамилией Мизевых и поныне живут в Юксеевской и соседних с ней волостях. Эта финская легенда до некоторой степени указывает, что историческая связь чуди не совсем порвана с нынешними пермяками-коми, отрицающими в большинстве случаев свое родство с чудью. Хотя этот единичный факт не дает еще права на обобщения, но подтверждает, что жители селения прямые потомки чуди существуют и поныне. Нельзя оставить без внимания и общность остатков религиозного языческого культа, сохранившегося поныне в виде привоза баранов из Соликамского уезда на Лупью, было бы не логичным допустить мысль, что соликамские пермяки, не имея ничего общего с лупьинскими потомками богатыря Мизя, стали через четыре столетия спустя, выполнять обряды, завещанные предками. За пережитки языческого культа верхлупьинцев и поныне соседние селения зовут *«Баранниками»*. Средства к жизни население извлекает от земледелия. Высеваемые здесь хлебные злаки страдают от ржавчины и уборка хлеба происходит в большинстве случаев во время заморозков, так коротко здесь лето. Главные средства к существованию извлекаются от охоты, которая производится артелями: на лосей, оленей и медведей, а также белку и рябчика. Дворов в селении 58, в них жителей обоего пола 357 человек»¹.

Трудами А. Ф. Теплоухова и И. Я. Кривошекова завершается период дореволюционной истории изучения лупьинцев. Вновь фольклорные и этнографические исследования на р. Лупья были возобновлены только в середине – второй половине XX в., большая их часть связана с научным интересом к языку, фольклору и традиционной культуре народа и выполнена в контексте исследований, посвященных всему коми-пермяцкому народу.

¹ Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 261-262.

Исследования, касающиеся истории и культуры лупьинских коми-пермяков, в XX в. развивались по нескольким направлениям: 1) изучение народного эпоса, значительная часть текстов которого фиксируется у лупьинских коми-пермяков; 2) изучение традиционной материальной и духовной культуры; 3) изучение лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка.

В середине и второй половине XX в. заметно возрос интерес к коми-пермяцкому фольклору, в том числе и к эпическому жанру. Так, в 1940 г. собирателем фольклора А. Крутецким были опубликованы новые предания о двенадцати подвигах лупьинского богатыря, записанные им от Пимена Матвеевича Яркова¹ (в них, правда, ни разу не упоминается поречье Лупьи как место проживания Перы, а сам богатырь называется сыном Кудым-Оша²). Данная публикация была подвергнута суровой критике. Д. И. Гусев считал приведенные тексты слишком искаженными, он связался с автором публикации, и тот признал этот факт, но продолжал утверждать об истинности их записи от коми-пермяцкого старожила³. Четыре варианта преданий о Пере-богатыре, два из которых записаны на территории Республики Коми, один – в Коми-Пермяцком округе, и последний взят из журнала «Коми му» (1926. № 5), были опубликованы в 1938 г. в книге «Фольклор коми народа»⁴ (1938), анализ данных произведений приводит в своей работе М. Н. Ожегова⁵.

Отдельный сборник текстов преданий о Пере с их анализом был составлен и опубликован исследователем коми-пермяцкой истории, этнографии и фольклора Д. И. Гусевым по итогам совместных экспедиций Московского

¹ Крутецкий А. А. Коми-пермяцкие руноязы «Кудым-Ош и его сын Пера-богатырь» // Дружба народов. 1940. № 5. С.269-298.

² Утверждение о том, что Пера - сын Кудым-Оша и дочери мансийского вождя (по легендам же Пера — сын красавицы Пармы) впоследствии будет повторяться многими исследователями.

³ Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре /Сост. Д. И. Гусев. Кудымкар, 1956. С.72-73

⁴ Фольклор коми народа. Архангельск, 1938.

⁵ Ожегова М. Н. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар, 1961.

государственного университета и Коми-Пермяцкого краеведческого музея¹ (1947-1953). Сборник содержит более сорока новых текстов, записанных на русском языке в разных районах Коми-Пермяцкого округа, у язьвинских коми-пермяков и коми-зырян Усть-Куломского района Республики Коми. В книге все предания разделены по группам, в зависимости от места их записи. Восемь преданий были получены от жителей д. Верх-Лупья и д. Мысы. Участники экспедиций зафиксировали бытование народного эпоса и в среде русских крестьян близлежащих деревень Гайнского района. Кроме этого в сборнике приводятся ранее публиковавшиеся предания К. Я. Жакова, И. Я. Кривощекова², В. П. Белдыцкого³, Т. В. Сторожева⁴ о богатырях Пере и Пеле и сводный вариант предания о Пере-богатыре в художественно-литературной обработке автора. Д. И. Гусев первым изучил историю собирания преданий, их распространение, выявил их исторический контекст и основные мотивы. Согласно выводам исследователя, «коми-пермяцкие предания о Пере-богатыре прошли длительный путь развития, в них есть три слоя, связанные с разными конкретно-историческими периодами жизни коми-пермяков. В каждый из этих исторических периодов народные сказители через предания о Пере-богатыре передавали вековые думы и чаяния родного народа. Самый архаичный слой преданий, повествующий об охотничьей жизни Перы-богатыря и его борьбе с Лешим и Водяным, восходит к периоду существования у коми-пермяков патриархального родового строя (X-XIV вв.). Последующий слой преданий отражает исторически сложившуюся дружбу коми-пермяков с русскими: в этом слое преданий рассказывается о походе Перы-богатыря в Пермь или Москву с целью оказания братской помощи русскому войску в защите русской земли от «идолища на колесе». Эти мотивы преданий

¹ Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре.

² Кривощеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. С.629-630.

³ Белдыцкий В. П. По реке Вишере // Ежегодник Пермского губернского земства. Вып. IV Пермь, 1916. С.43-46.

⁴ Сторожев Т. В. Коми-пермяцкий фольклор: дореволюционный и советский. Кудымкар, 1948. С.13-14.

сложились в период присоединения Верхнего Прикамья к Русскому государству и в первые века после этого события (XV-XVII вв.). Поздний слой преданий отразил борьбу трудовых прикамских русских и коми-пермяцких народных масс против крепостников Строгановых (XVII-XIX вв.). Эти мотивы преданий рассказывают о борьбе Перы-богатыря против графа Строганова, пытавшегося присоединить земли северных районов к своим владениям»¹.

В историко-этнографическом очерке «Коми-пермяцкие народные предания “Пера-богатырь”» Д. И. Гусев рассматривает историю севера Гайнского района и даёт анализ текстов устного поэтического творчества. При этом большую часть очерка он отводит характеристике народных сказителей, выделяя среди них группы по национальному и географическому (место проживания) признакам. Для нас интерес представляет описание лупьинской группы сказителей: «Широкой, имеющей древние традиции, является группа сказителей о Пере-богатыре в коми-пермяцких селениях по реке Лупье (деревни: Верх-Лупья, Мысы, Тошиб, Сойга и другие). Лупьинские сказители сохраняют все мотивы сказания о Пере-богатыре, за исключением его борьбы со Строгановыми. Отсутствие этого мотива объясняется тем, что прямого влияния Строгановы на население по реке Лупье не имели. В преданиях лупьинских сказителей о Пере-богатыре выделяются особенности коми-пермяцкого устного творчества. Лупьинские сказители, как и другие группы сказителей, считают родиной Перы-богатыря реку Лупью, где он жил на парме подле старой, ныне заброшенной, деревни Мёд-горт (по-русски это название переводится “другая деревня”). Среди лупьинских сказителей можно отметить, как лучшего мастера, 80-летнего колхозника деревни Верх-Лупья Мизёва Матвея Семёновича и 98-летнего колхозника деревни Мысы Мизёва Алексея Яковлевича. Характерно, что сказитель Мизёв М. С. при передаче преданий о Пере-богатыре, не отклоняясь от их основной сюжетной линии, вносит каждый раз в них новые детали и художественные обороты. Это легко обнаруживается

¹ Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. С.7.

при чтении приводимых нами двух вариантов преданий о Пере-богатыре, один из которых был записан от Мизёва М. С. в 1951 г., а второй – в 1952 г.»¹.

Стоит отметить, что при анализе текста Д. И. Гусевым затрагивается проблема этнической принадлежности Перы, так как в приводимых им преданиях он называется то коми-пермяком, то зыряннином, проживавшим в с. Воч. Распространение преданий на пограничных с коми-пермяками территориях Республики Коми и порой затруднительная этническая идентификация героя указывают на исторически сложившиеся культурные связи лупьинских коми-пермяков и коми-зырян названного района.

Как отмечает автор и составитель сборника, в ходе полевой работы участниками экспедиции были записаны не только предания о Пере-богатыре, но и рассказы о разбойниках, о чуди, Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче, Ермаке Тимофеевиче и других; песни, частушки, сказки, пословицы, поговорки, загадки², которые не были опубликованы. Вероятно, среди этого собрания коми-пермяцкого фольклора, которое хранится в Московском государственном университете, есть и тексты, записанные от жителей лупьинских деревень.

Вслед за Д. И. Гусевым на эпический жанр коми-пермяков обращает внимание коми-пермяцкий фольклорист и литературовед М. Н. Ожегова. В книге «Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа» (1961) автор выделяет целый раздел, посвященный преданиям о Пере-богатыре³. Характеризуя народный эпос, М. Н. Ожегова опирается на заключения, сделанные Д. И. Гусевым, и проводит собственный анализ своеобразия преданий «как художественных народных произведений». Прежде всего исследовательница обнаруживает, что для изображения коми-пермяцкого героя и его подвигов используется художественный прием гиперболизации, который позволяет показать идеальный образ коми-пермяка и ярко описать негативные черты его противников. Вместе с тем, как отмечает М. Н. Ожегова, образ

¹ Коми-Пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. С.81.

² Коми-Пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. С.5.

³ Ожегова М. Н. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. С.28.

богатыря остается реалистичным, благодаря тому, что его жизнь и деятельность, согласно повествованиям, проходят в обычной крестьянской среде. Автор останавливается на художественных способах передачи положительных качеств героя – правдивости, независимости, веселого нрава. В структуре и в мотивах повествования преданий о Пере-богатыре М. Н. Ожегова обнаруживает общие черты с русским и карельским эпосом, а также с жанром побывальщин.

В 1971 г. М. Н. Ожегова публикует сборник «Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре», в котором собраны ранее публиковавшиеся и новые варианты сказаний¹. Из новых вариантов преданий о Пере в сборник включены тексты, зафиксированные писателями и исследователями коми-пермяцкого фольклора С. И. Караваевым, В. В. Климовым, Л. С. Грибовой, И. В. Зыряновым, студентами Пермского педагогического института в 1950-60-е гг. от жителей разных деревень округа. М. Н. Ожегова группирует тексты по основным мотивам, в результате получается шесть тематических разделов: 1) предания о помощи богатыря русским в борьбе с татаро-монгольскими завоевателями; 2) предания о борьбе Перы с графом Строгановым; 3) предания о жизни Перы в условиях севера лесного края; 4) предания о борьбе Перы с мифологическими существами; 5) Пера, Пеля и Полюд; 6) предания на сюжет «Пера-богатырь и христианская религия». Итак, автором сборника предпринята попытка более полного охвата текстов преданий; нововведенные ею произведения устного творчества дополнили варианты ранее известных текстов и открыли новый тематический цикл сюжетов (Пера и христианская религия).

Еще один вариант рассказа о самопогребении Перы как акте противоборства царской власти и о находке его останков приводит в своей статье В. А. Оборин², изучавший археологические памятники по р. Лупье в 1958 г. По мнению автора статьи, в отличие от коми-пермяцкого эпоса о

¹ Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971.

² Оборин В. А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. С.120.

Кудым-Оше, который фиксировался главным образом в южных районах Коми-Пермяцкого округа, «создается четкое представление, что предания о Пере сложились в другом районе – в южных районах Коми АССР и на севере Коми-Пермяцкого округа»¹. В. А. Оборин делает ценное замечание о том, что в преданиях встречается много заимствований из русского фольклора, в них «в большей степени, чем в сказаниях о Кудым-Оше, встречается объяснение происхождения конкретных топонимов, сохранившихся до сих пор»². По мнению исследователя, занесенные в Верхнее Прикамье первыми русскими поселенцами легенды о чуди слились с местными коми-пермяцкими преданиями о богатырях (Кудым-Оше и Пере-богатыре). В некоторых вариантах сказаний Пера-богатырь становится противником чуди, сохранившей старую веру, он получает грамоту от самого царя, и его имя меняется на христианский манер: «Чудь была в старинные года. Жила она на Лупье. Там у чуди был богатырь, его звали Перфилий, а пермяки звали его Перой»³. В других вариантах Пера, как и остальная чудь, выступает противником царской власти и погрывает себя в землянке⁴. Исследование В. А. Оборина дает новые аналитические сведения о значении эпоса в жизни народа и отражении в нем его истории.

Тексты преданий о Пере-богатыре (уже в меньшем количестве) были включены и в более поздние издания коми-пермяцкого фольклора и фольклора народов коми – это сборники «Жили-были» (1990), «Куда же вы уходите» (1991), «Заветный клад» (1997), «Сотворение мира» (2005), «Отзвуки прошлых веков» (2005), «Парма – земля чуди» (2009)⁵. Большинство фольклорных

¹ Оборин В. А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа. С.118.

² Там же С.119.

³ Там же С.119-120.

⁴ Там же С.120.

⁵ Оласö да вöласö - Жили-были: коми-пермяцкие сказки, легенды, сказания, сказы, предания, былички и бывальщины на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1990. С.256-257; Кытчö тійö мунатö – Куда же вы уходите: коми-пермяцкие сказки, песни, частушки, детский фольклор, заговоры, малые жанры фольклора / Сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1991. С.256-257; Заветный клад: избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия. Кудымкар, 1997; Му пуксьöм – Сотворение мира / Авт.-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2005; Важ кадлön

текстов были записаны за пределами территории лупьинских поселений, т.е. главный их персонаж – Пера-богатырь – стал общенародным коми-пермяцким героем. Предания не только восхваляют Перу-богатыря, но и отражают объективные исторические процессы, проходившие как на территории лупьинских деревень, так и Коми-Пермяцкого округа в целом, содержат информацию о духовной культуре народа и развитии хозяйственного комплекса.

Помимо народного эпоса фиксировались и другие жанры устного творчества лупьинских коми-пермяков. Они (правда, в небольшом количестве) представлены в сборнике «Куда же вы уходите». В их числе шуточная песня «Ай, кошши» ('Ай, ищи'), детские потешки «Трунчи» и «Тпрунтчи», а также хозяйственный заговор. Тексты записаны коми-пермяцким писателем, собирателем и исследователем фольклора В. В. Климовым в деревнях Конопле и Мысы¹.

В 1947-1948 гг. на территории Коми-Пермяцкого округа в Гайнском, Кочевском и Юсьвинском районах полевые изыскания проводила известнейший этнограф-исследователь народов Поволжья и Прикамья В. Н. Белицер. Вера Николаевна собрала обширный материал о хозяйственных занятиях, материальной культуре и традициях коми-пермяков, который был использован ею в книге «Очерки по этнографии народов коми»². Во время экспедиционной работы В. Н. Белицер проводилась фотофиксация предметов материального быта, народного творчества и жизни лупьинских коми-пермяков. Часть фотографий вошла в «Очерки», а полная их коллекция и полевые записи хранятся в архиве Института этнологии и антропологии РАН³. Темы фотофиксаций – природная среда, поселения, постройки, хозяйственная

олангор – Отзвуки прошлых веков: из эпоса коми-пермяков. Кудымкар, 2005; Парма – земля чуди: Правда и мифы. Кудымкар, 2009.

¹ Кытчö тійö мунатö – Куда же вы уходите.... С.58, 77, 163-164.

² Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: АН СССР, 1958.

³ См.: Электронный фотоархив Института истории и этнологии РАН. URL: <http://photo.iea.ras.ru/index.html>

деятельность и ремесла, одежда, транспортные средства, музыкальные инструменты, портреты людей и т.д.

Исследовательнице удалось достаточно глубоко изучить обычаи лупьинской группы коми-пермяков. В своем труде В. Н. Белицер отмечает сходство строительных традиций лупьинцев с таковыми у коми-зырян, указывает на межэтнические браки между ними, на приверженность старообрядчеству. Автор характеризует одну из замечательных традиций жителей д. Мысы — укреплять на крышах построек или на шестах около домов резных деревянных птиц. Подобные же орнитоморфные фигуры исследовательница наблюдала в с. Гайны, деревнях Большая и Малая Мочго Коми-Пермяцкого округа, в Сысольском, Усть-Куломском, Железнодорожном и Удорском районах Республики Коми¹. «Для изготовления фигуры птицы, — как отмечает Вера Николаевна, — обычно использовали естественный сук дерева с развилкой в две противоположные стороны, иногда к деревянной птице прикрепляли хвост и крылья из соломы. В настоящее время скульптуры птиц, как и коньки, имеют исключительно художественное значение; птицы же на шестах служат для практических целей, являясь флюгером»².

Отступая от темы изучения истории и культуры лупьинских коми-пермяков, отметим, что впервые внимание подобным резным изображениям уделил сотрудник Пермского краеведческого музея А. Сыропятов в 1924 г.³. Он описал увиденные им фигуры птиц в коми-пермяцких поселениях и в деревнях Чердынского и Пермского уездов. Большинство фигур похожи на водоплавающих птиц (пермяки их обычно и называют «утками»). Население, по свидетельству А. Сыропятова, воспринимало их лишь как своеобразное украшение. Работавшему же в 1916 г. среди пермяков Усольского уезда землемеру В. П. Обрядину мобилизованный в войска «пермяк» объяснил, что

¹ Белицер В. Н. Очерк по этнографии народов коми. С.212.

² Там же С. 212.

³ Сыропятов А. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С.45-51.

он делает птицу для того, чтобы о нем не забывали дети¹. Автор предполагает, что в прошлом они имели значение предметов религиозного культа, проводит сравнение с изображениями археологических литых находок и с почитаемыми предметами угорских народов (манси и ханты). Данной версии придерживается в дальнейшем и Л. С. Грибова, используя при изучении предметов пермского звериного стиля фольклорные материалы, которые подтверждают почитание пермскими народами водоплавающих птиц².

Возвращаясь к работе В. Н. Белицер, отметим ее внимание к свадебной обрядности лупьинских коми-пермяков, сведения о которой ей удалось записать в деревнях Конопля и Верх-Лупья. По наблюдениям исследовательницы, в свадьбе данной территории на тот момент сохранялись архаичные элементы, уже исчезнувшие в других местах. Например, утром на второй день свадьбы «молодых будил дружка или тысяцкий и часто при этом обливал их водой. После пробуждения молодых вели в баню. Молодая раздевала мужа, а дружка обливал молодого сметаной. Молодая в свою очередь должна была быстро обтереть его. Этим как и многими другими обычаями, <...>, испытывались ловкость и проворство женщины»³. Исследовательница отмечала: «В Мысовском сельсовете Гайнского района сравнительно недавно, лет 15-20 назад, существовал весьма своеобразный пережиток родовых отношений. При разъезде гостей невесту и жениха прятали в голбец, якобы для того, чтобы невесту не могли увезти обратно в родительский дом»⁴. Автором приводится также интересный пример свадебного обычая лупьинцев обсыпать молодоженов вместо зерна пухом, с приговорками «сколько пуха, столько богатства». Эта традиция объясняется тем, что в северных районах население мало занималось земледелием⁵.

¹ Сыропятов А. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. С.47.

² Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975. С. 86.

³ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. С.307.

⁴ Там же С.308.

⁵ Там же С.307.

В. Н. Белицер зафиксированы также некоторые сказания. Например, сказание о том, что древние богатыри были обращены Николаем угодником в камни за похвальбу и за то, что решили поделить Русскую землю. «Недалеко от р. Лупьи лежат эти двенадцать камней-богатырей, но перед войной эти камни оживут и снова превратятся в богатырей, которые станут на защиту своей родины». В д. Верх-Лупья ею также записан вариант сказания об Илье Муромце (хранится в фондах Института этнографии АН СССР).

К описанию культуры лупьинцев обращался советский писатель, искусствовед, собиратель и исследователь народного творчества Юрий Андреевич Арбат (Арбат-Яковлев, 1905 — 1970), автор ряда книг о прошлом и настоящем русского народного искусства, о судьбах художников («Шесть золотых гнезд», «Народное декоративное искусство», «Путешествие за красотой», «Русская народная роспись по дереву», «Северный корень», «Звонкое чудо»). В лупьинских местах писатель впервые побывал в конце 1930-х гг. Ю. Арбат даёт яркие описания святочных гаданий на Цветье, свидетелем которых он стал. Естественно, что в духе советского времени многие факты традиционной культуры он описывает как «нелепые суеверия», «отсталые дикарские обычаи». В книге приводится много фактов, раскрывающих особенности патриархальной жизни Мысов и Верх-Лупьи: «За два года до моего приезда в Верх-Лупью привезли в Гайны налог... керенками, а делегат комсомольской конференции, попав в Кудымкаре в парикмахерскую, сбежал при виде зеркала». Далее автор отмечает, что в Мысах единственная обладательница зеркала ворожея Митеиха: «Она, как может, извлекает доход из него. Безработицы ей пока опасаться нечего: народ здесь любит гаданье и верит ворожее. При всяком несчастье бабы и даже бородатые мужики с поклоном идут к Митеихе».

В очерке «В плену болот» приводятся свидетельства местных жителей о таком древнем обычае, как гадание в Цветье: «Весь народ на поляне: гадают. Сейчас цветье. Есть у нас такое время, которое народ считает самым страшным в году: зимнее цветье. Если подсчитать по календарю, то это — через полгода

после цветения ржи, примерно на русские святки. Тогда чуды появляются на земле. — Чуды... Как бы это объяснить... Раньше, еще давно, на этих землях жил такой народ — чудь. Попы велели им сжечь деревянных богов и верить в Христа, Илью-пророка и Николу-угодника. А они не соглашались и решили умереть. Выкопали большую яму или пещеру, забрались туда, а потом обрушили землю на себя и погибли. Но бывают такие дни, когда они вылезают из-под земли и вредят тем, кто принял новую веру. Тогда в цветье их возле церквей “топчут конями”, “бьют нагайками”, и “чуды бегут от людей”. Но это происходит днем. А ночью в цветье, как вот сегодня, “слукаются”. Это значит гадают, пытаются узнать, что произойдет в новом году. Выйдут на речку или на поляну, в центре палку воткнут — обычно это «ожег» — деревянная кочерга, которой в печи дрова шевелят. А то еще в избах подметут и сор с собой прихватят, высыплют возле кочерги на разостланную коровью шкуру. Сядут вокруг и «слукаются», другими словами, слушают. Кто что услышит, тому то и суждено. Если человек услышит “гурст”, ну, шум, что ли, вроде скребет кто. Значит, год будет голодный, это мыши беспокоятся. Кто многие голоса народа услышит — у того дом сгорит. А вот если колоколец кому послышится — быть в его семье свадьбе. Если шелестит что — ну, к примеру, снопы — значит, ожидай урожайный год...».

Колоритны описания того, как в свое время лупьинцы восприняли многие реалии христианской культуры. «На божнице в углу... к моему удивлению, стояли не обычные иконы, а... дощечка, покрашенная красной краской. ... Председатель Изосим Иванович ... снял с божницы дощечку, окрашенную красно-коричневой краской, которой обычно красят скамьи и столы: “Баба это моя. Иконы-то нет, так она отнесла к попу, тот выкрасил, вот и молится”. Жена, сердито насупясь и что-то бормоча, смотрела на мужа. Ей явно не нравилось вольное обращение со “святыней”.

Интересны записи о здешних охотничьих и рыбацких обычаях и поверьях — вера в заговоренные ружья, которые не стреляют, рассказы о заговоренной охоте, во время которой белка двоятся в глазах охотника, о заговоренных

собаках, теряющих след, рассказы рыбаков о том, что «и по пуду рыбин лавливали, и по два аршина, а один старик уверял, что обнаружил на щуке старинную золотую серьгу с царским двуглавым орлом».

Журналист описывал бытующие в крае суеверия верх-лупьинской глуши как проявление отступающей старины. Объясняя их сохранение, он говорит: «Мыс и Верх-Лупья — это своеобразные острова. Они сжаты болотами и непроходимыми лесами, заключены в тесное кольцо. Ездить некуда. Поля близко. Посевов мало. Отсюда необычайнейшее явление: телег в Мысах нет совсем. Хлеб в снопах, лен и еще кое-что возят на волокушах». Отмечая черты новой жизни, Ю. Арбат рассказывает о создании на Лупье колхозов («Лупьинцы ... решили организовать колхоз у себя. Уставов не было — выдумали сами. Записалось 16 хозяйств, в большинстве бедняцких. Назвали колхоз “Югыт-Туй”, “Светлый путь”).

Ю. А. Арбат еще раз навестил лупьинские края через сорок лет — в 1969 г. Итогом этой поездки стали очерки о жизни поселка Жемчужный, строительстве лесоучастков и развернутой сети узкоколейных дорог, о происшедших за четыре десятилетия изменениях в жизни лупьинцев и в судьбах тех, кого автор встречал в Мысах и на Лупье в 1930-е годы¹. Завершая описание, Ю.А. Арбат говорит, что постепенно жители Верх-Лупьи выехали в Гайны — «сделали это сообща и так же сообща обосновались на окраине районного центра. Теперь там поселок Верх-Лупьинский. Нашлось только пять древних и упрямых старожилов, которые сказали: Здесь дома наших отцов и дедов, здесь их домовины, и мы доживем век тут же».

Фольклорные произведения, исторические предания, описания обрядов и традиций лупьинских коми-пермяков содержатся в отчетах и материалах экспедиционной этнографической работы коми-пермяцкой исследовательницы Л. С. Грибовой. Сбор информации на территории Гайнского района, в том числе в поселениях по р. Лупье, проводился Л. С. Грибовой в 1960 и 1964 гг. Источники хранятся в архивах Коми-Пермяцкого краеведческого музея

¹ Арбат Ю. Сорок памятных зарубок. М: Советская Россия, 1970.

(г. Кудымкар) и Коми научного центра (г. Сыктывкар)¹. Большая их часть – это предания о древнем народе чуди и Пере-богатыре, вошедшие в разные сборники фольклора и использованные Л. С. Грибовой при изучении темы древнего искусства и мифологических представлений народа². Кроме этого интерес представляют сведения о топонимике, об истории края, обычаях лупьинцев и др., к примеру: «Мэдгорт и Верх-Лупья самые древние деревни. Мысы и Сойга младше, а Конопля совсем молодая деревня...»³; «Здесь повсеместно люди жили. Повсеместно находятся места старых кузниц. Поля были везде, теперь уже лесом заросли. Хлеб замерзал на корню. Родился больше ячмень, рожь»⁴; «В Мысах Гайнского района рассказывают, так бывало, подменное дитя (вежём кага) положат на хлебную лопату и засунут в печь, как хлеб жарится. Если не вежём, не сгорит. Одна только погубила дитя, уголовное дело было в 1943-44-м годах. В Мысах же подменных под корытом рубили»⁵.

Успешными были полевые исследования в лупьинских деревнях в 1980-е гг. этномузыковедов. Н. И. Жуланова в рамках исследования фольклора и музыкального исполнительства коми-пермяцкого народа проводила изучение музыкальных традиций в д. Мысы, п. Жемчужный, д. Сойга, д. Конопля Гайнского района. Главным объектом изучения в лупьинских деревнях стала традиция игры на многоствольных флейтах – пэлянах⁶. Большая часть

¹ АКПКМ. Ф. 2. Грибова Л. С. Отчет историко-этнографической экспедиции Коми-Пермяцкого краеведческого музея. Июль-август 1960 г. АKNЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6-2. Отчет об этнографической экспедиции в Коми-Пермяцкий автономный округ, 1964 г. Полевая тетрадь. Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Личный фонд Л. С. Грибовой. Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям. Этнографический материал, собранный в Пермской области.

² См.: Грибова Л. С. Отчет историко-этнографической экспедиции Коми-Пермяцкого краеведческого музея.

³ АKNЦ УрО РАН. Ф.11. Оп.1. Д.54. Л.109.

⁴ Там же Л.109.

⁵ Там же Л.50.

⁶ Жуланова Н. И. Пэлян — поющая трава (о коми-пермяцких флейтах Пана) // Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков. Кудымкар, 2000. С. 197-198; Жуланова Н.И. «Порядок сделали, голоса ладят» (изготовление музыкального инструмента: ритуальная модель) // Голос и ритуал. М., 1995. С. 155-161. Жуланова Н. И. Инструмент, музыкант и музыка в традиционной культуре. Коми-пермяцкие многоствольные флейты // Музыкальная академия. М., 1997. № 3. С. 156-164; Жуланова Н.И. Флейта Пана в деревенском быту коми-пермяков // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 43—54; Жуланова

собранных материалов легла в основу монографического исследования о флейтах в коми-пермяцких традициях. Фольклорист отмечает, что в Мысовском сельсовете Гайнского района в 1947—1950 гг. дудки были весьма широко распространены, на них играли не только замужние женщины и девушки, но и девочки лет 8—10. Чаще играл кто-либо один на 8—9 дудках одновременно, держа их обеими руками. Более длинные дудки располагались по бокам, короткие — в середине. Называя этот инструмент и связанные с ним культурные комплексы и представления одним из стержневых, «несущих» элементов этнической культурной системы, и то, что пэляны для коми-пермяков – это исключительно женский инструмент, Н. И. Жуланова делает предположение, что функционирование коми-пермяцких пан-флейт тесно связано с половозрастным членением традиционного общества. Инструмент является одним из устойчивых социокультурных знаков-маркеров полового статуса. В деревнях по реке Лупье (там, где находится центр пэлянской традиции) считается не зазорным девушке или женщине играть на гармонии, баяне, аккордеоне. Там это воспринимается как норма, тогда как в других районах, где женская флейтовая традиция не породила столь же развитых форм музицирования, женщины-гармонисты встречаются чрезвычайно редко. Лупьинские женщины, стало быть, сохранили за собой одну из ранних культурных функций, дополнительно освоив еще и другой инструмент – гармонь.

В 1990-е гг. полевые исследования в коми-пермяцких деревнях проводил Г. И. Мальцев. Материалы, собранные в лупьинских деревнях, нашли отражение в монографиях автора по народной медицине коми-пермяков¹. Среди информаторов, отмеченных в исследованиях, упоминаются жители деревень Мысы, поселков Шордын и Жемчужный².

Н.И. Многоствольные флейты в традиционной культуре коми-пермяков. М: «Композитор», 2008. 212с.: ил.

¹ Мальцев Г.И. Народная медицина коми-пермяков конца XIX – начала XX в. На коми-пермяцком и русском языках. Кудымкар, 2004. 288 с.

² Там же. С. 195-202.

Полевые исследования авторов, положенные в основу данной монографии, также отчасти были проанализированы и опубликованы в авторских статьях и монографиях, посвященных коми-пермяцкому народу. Особенности хозяйственных занятий лупьинцев, их отдельные обрядовые комплексы были рассмотрены А. В. Черных в монографии «Народы Пермского края»¹ в разделах о коми-пермяцком народе. И. А. Подюковым были исследованы особенности бытования эпической традиции на Лупье² (как сохранились и как трансформировались в современных условиях предания об одном из легендарных предков коми-пермяцкого народа Пере-богатыре). Т. Г. Голева, опираясь на полевые этнографические и фольклорные материалы о верованиях лупьинцев начала XXI в., исследовала мифологические рассказы лупьинцев, состав мифологических персонажей в местной традиции – в общем контексте мировоззрения коми-пермяков³. Ею отмечены характерные для лупьинской группы черты, во многом связанные с особенностями быта лупьинцев и с влиянием старообрядческой культуры. В частности, Т. Г. Голева отмечает своеобразие в ритуале приношения даров лесному духу в случаях пропажи животных или блуждания людей («Лупьинские коми-пермяки считают обязательным отнести три вещи: хлеб/рыбный пирог, крашеное яйцо, красный пояс/красные повязки для лаптей»); отмечается вариативность обозначения духов-помощников колдунов: «На севере Гайнского района лупьинские коми-пермяки называют таковыми как лесного, так и бесов, шишиг, кикимору. Такое многообразие номинаций, не присущих другим территориям, свидетельствует об иноэтничном или инокультурном влиянии на мифические представления данной локальной группы». Влиянием старообрядчества автор объясняет сходство местных традиций со старообрядческой культурой коми-зырян в запрете на употребление в пищу зайчатины: «Коми-пермяки Лупьинского куста деревень Гайнского района, как и коми-зыряне

¹ Черных А.В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь: Пушка, 2007.

² Подюков И.А. О нынешнем состоянии эпических преданий о Пере-богатыре // Арт. 2010. №2, 2010. С. 128 – 134.

³ Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011.

старообрядческих согласий, не употребляли в пищу мясо зайцев, так как считали их “собаками лешего”.

1.2. Из истории коми-пермяцких поселений по р. Лупья

Лупьинские коми-пермяки – самая северная этнографическая группа коми-пермяцкого народа, проживающая в бассейне реки Лупья и ее притоков в Гайнском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Главной особенностью группы, выделяющей ее на фоне остального народа, является своеобразный лупьинский диалект коми-пермяцкого языка. Значимы и культурно-бытовые особенности, обусловленные в первую очередь суровыми природно-климатическими условиями края а также отдаленностью от крупных сельских центров. Очевидна и специфика хозяйственного уклада лупьинцев — развитость охоты, собирательства и рыбной ловли. В религиозной картине мира наблюдается сильнейшее влияние старообрядчества, поскольку издавна в этих местах селились беглые русские староверы. Лупьинские коми-пермяки, находясь в непосредственной географической близости от территории проживания южной верхневыхегодской группы коми-зырян и активно контактируя с последними, испытали сильное влияние коми-зырянских традиций. Уникальность данной территориальной группы подчеркивает и тот факт, что до настоящего времени здесь ощутимо проявляет себя эпическая традиция (именно в верховьях реки Лупьи, по преданиям, находится родина известного героя эпического фольклора коми-пермяков – Перы).

Этническая история лупьинских пермяков насчитывает несколько столетий. Реконструкция ранних этапов формирования данной группы с привлечением археологического материала пока не проводилась. В то же время на р. Лупье выявлено несколько археологических памятников: Мысовское (Лупьинское) городище, которое располагается в 5,5 км от д. Мысы в местечке

Савиншорсай, Верх-Лупьинский, Модгортский и Тошибский могильники¹. О находках «чудских изделий» в районе д. Верх-Лупья и об урочище «Старая деревня» близ д. Сойга впервые пишет И. Я. Кривошеков, он же ссылается на г. Спицина, относившего здешние археологические древности к X-XI вв.² В 1958 г. археологические памятники по р. Лупье обследовал В. А. Оборин³. Городище и могильники были датированы XI-XIII вв., и исследователи относят их к родановской археологической культуре. К сожалению, ни один из известных памятников не был детально исследован, по ним проводились лишь разведывательные работы, в ходе которых получены немногочисленные находки. Поэтому ранняя история лупьинцев еще ждет своего исследователя-археолога. Можно предположить, что с XI в. поречье р. Лупьи начинает осваиваться предками современных коми-пермяков, и в этот период, в XI-XIII вв., на р. Лупья складывается один из племенных очагов древнего финно-угорского населения края.

Средневековое население Лупьинского поречья, оставившее несколько археологических памятников, как нам представляется, и является прямым предком более поздних лупьинцев, известных по письменным и этнографическим источникам. Поселения лупьинских пермяков в более поздний период располагаются в непосредственной близости от археологических памятников, а упоминания лупьинских деревень относятся к первым писцовым книгам Перми Великой 1579 г. Согласно переписным книгам И. Яхонтова, в Отхожем стане в округе погоста Гайны, на р. Лупья отмечены населенные пункты – д. Лупья, поч. Тошиб и д. Очга⁴. Названные селения были

¹ Памятники истории и культуры Коми-Пермяцкого национального округа. Кудымкар, 1976. С.15-16; Список археологических памятников Пермской области (к Своду памятников истории и культуры РСФСР). Пермь, 1986. С.85-89; Памятники истории и культуры Пермской области. Т.1. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь, 1996. С.250-251.

² Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. С.91, 694.

³ Список археологических памятников Пермской области (к Своду памятников истории и культуры РСФСР). Пермь, 1986. С.85-89.

⁴ Кривошеков И.Я. Указ. соч. С. 504; Шишонко В. Пермская летопись. I период с 1263-1613. С.86; Дмитриев А. Пермская старина. Сборник исторических статей и

зафиксированы и при переписи населения Перми Великой в 1623 – 1624 гг. Деревня Верх-Лупья в тот период имела 10 дворов жилых и 2 пустых. Согласно данным И. Я. Кривошекова, деревня Мыс известна в исторических документах под разными названиями – Мыс, Очга, Верхняя Лупья, Нижняя Лупья, Лупьино-Рыса (скорее всего, Лупьинский Мыс)¹.

Согласно данным ревизских сказок 1834 г., на р. Лупья стояли четыре деревни. Самой крупной была деревня Мыс, насчитывавшая 12 дворов и 114 человек. В деревне Верх-Лупья было 8 дворов и 79 жителей; в деревне Сойга – 6 дворов и 44 жителя; в деревне Конопля – 4 двора и 36 жителей². В 1869 г. наблюдается прирост населения. В Верх-Лупье было уже 19 дворов и 149 жителей, в Мысе – 25 дворов и 138 жителей, в Конопле – 12 дворов и 74 жителя и в Сойге — 9 дворов и 60 жителей³. В деревнях Верх-Лупья и Сойга находились православные часовни. Расширение поселенческой сети в Лупьинском поречье происходит во второй половине XIX – начале XX в. Списки населенных мест Чердынского уезда Пермской губернии конца XIX в. отметили в Мысовском сельском обществе выселок Пурга с 4 дворами и 22 жителями⁴. По данным метрических книг Спасо-Преображенской церкви Гайнского прихода, крещение детей деревни Пурги фиксируется в 1881 г.⁵ Согласно «Спискам населенных мест Пермской губернии» 1905 г., на р. Лупья увеличивается не только численность населения и дворность деревень, но и само количество населенных пунктов. Деревня Верх-Лупья насчитывала 53 двора с населением 351 человек. В округе Верх-Лупьи отмечены три однодворных выселка Ручиб и Харин, в которых проживало по 6 человек, и выселок Коса-Сотчим с одним двором и 7 жителями. Названные поселения составляли Верх-Лупьинское сельское общество. В Мысовском сельском

материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 3. Экономические очерки Перми Великой. Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI – XVII вв. Пермь, 1891. С.41.

¹ Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. С.549.

² ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2368. Л. 29-34.

³ Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 г. С. ССXXX, 345

⁴ Список населенных мест Пермской губернии: Чердынский уезд. Пермь, 1897. С.22.

⁵ ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 285. Л. 2об.

обществе находилось четыре деревни: Мыс (46 дворов, 259 жителей), Конопля (16 дворов, 107 жителей), Сойга (21 двор, 124 жителя), Пурга (5 дворов, 34 жителя). Общая численность лупьинцев составила 894 человека¹. Эти же населенные пункты отмечены в этом районе и в Списке населенных мест 1909 г.²

Некоторое представление о демографических процессах и истории основания новых поселений по р. Лупья дает анализ распространения местных фамилий. Так, по данным ревизских сказок 1834 г., в Верх-Лупье 7 семей были с фамилией Мизевы, 1 – Булатовы; в Мысах 6 семей – Златины, 2 – Еремеевы, 2 – Мизевы, 1 – Мышкины; в Сойге 5 семей – Лесниковы, 1 – Мизевы; в Конопле 2 семьи – Демины, 1 – Мизевы, 1 – Остаповы³. В церковных записях о крещении и венчании жителей лупьинских деревень конца XIX – начала XX в., помимо перечисленных, появляются новые фамилии. В Верх-Лупье остаются также Мизевы и Булатовы; жителями Мысов, кроме прежних, обозначены Лесниковы, Демины, Кузнецовы, в 1901 г. называется житель с фамилией Маскаленко; в Сойге – Златины, Якимовы; в Конопле – Лесниковы и семья с фамилией Сухановы⁴. В появившейся в конце XIX в. деревне Пурга преобладали Лесниковы, кроме них здесь проживали Мизевы, Созоновы; в поч. Тошиб в начале XX в. зафиксированы Лесниковы, Еремеевы и Кузнецовы⁵. Преобладали главным образом коренные местные фамилии, а число новоприбывших было незначительным. Фамилии, встречающиеся реже остальных (Кузнецовы, Якимовы, Созоновы, Сухановы, Маскаленко), скорее всего, появились вследствие брачных отношений, родственных связей с другими деревнями и миграции населения. Фамилии, преобладающие в деревнях, наоборот, указывают на древние местные династии (Мизевы в Верх-Лупье, Златины в Мысах) и на возможных первопоселенцев, основателей более

¹ Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905. С. 354.

² Список населенных мест. Пермь, 1909. С. 25-26.

³ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2368. Л. 29-34.

⁴ В записях о крещении младенцев за 23 февраля 1909 г. значится рождение дочери в семье Петра (незаконнорожденного) Суханова. ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 277.

⁵ ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 275, 276, 277, 280, 285, 286, 287, 288, 498.

поздних населенных пунктов (Остаповы и Демины в Конопле, Лесниковы в Сойге и Пурге). По замечанию В. Н. Белицер, хотя многие жители, в частности д. Конопля, в 1948 г. носили одинаковую фамилию Мизевых, тем не менее между ними насчитывалось до семи различных ултырей (родовых династий)¹.

К 1926 г. на территории Мысовского сельсовета Гайнского района Коми-Пермяцкого округа проживало 1322 человека, имелось 264 хозяйства в 14 населенных пунктах: д. Мысы (359 чел. в 77 дворах), д. В.-Лупья (355 чел. в 82 дворах), д. Сойга (150 чел. в 27 дворах), д. Конопля (150 чел. в 24 дворах), д. Коса-Сатчинс (55 чел. в 12 дворах), д. Пурга (62 чел. в 11 дворах), выс. Ручыб (20 чел. в 4 дворах), выс. Карин (Харин) (22 чел. в 4 дворах). Отмечены и новые поселения, возникшие к этому времени: д. Тошиб (76 чел. в 11 дворах), выселки Шурга шор сай (15 чел. в 3 хозяйствах), Пашкыб (19 чел. в 3 хозяйствах), Мёдгорт (15 чел. в 3 хозяйствах), д. Малый Коса-Сотчём (20 чел. в 2 хозяйствах), деревня Мальег-Шор с одним хозяйством и 4 жителями². Расширение поселенческой сети за счет хуторов, выселков в этот период было характерно для всех территорий Пермского Прикамья.

В разные исторические периоды жители Лупьи включались в общие для края миграционные процессы. Так, Л. С. Грибовой от крестьянина Ильи Павловича Мизева, 1891 года рождения, проживающего в с. Пятигоры был записан рассказ следующего содержания о продвижении лупьинцев на территорию нынешнего Косинского района: *«Четыре брата Мизёвых, как их звали, не помню. Из Лупьи прибыли, леса брали, они лесовали. Избушки имели. Логи имел один брат, второй брат владел деревней Паркове, третий деревней Отканна, четвертый брат – Тур. Эта деревня Очга называется»*³. Действительно, в с. Пятигоры и окрестных деревнях распространена фамилия Мизевы, она упоминается и в ревизских сказках 1834 г.⁴, точных же сведений о

¹ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX в. С.289.

² Список населенных пунктов Уральской области. Т.5. Коми-Пермяцкий округ. Свердловск, 1928. С.4.

³ АКПОКМ. Ф. 2. Грибова Л. С. Отчет Историко-этнографической экспедиции Коми-Пермяцкого краеведческого музея. Июль – август 1960 г.

⁴ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2368. Л. 103-110.

появлении этой фамилии на данной территории нет, как нет и других материалов о перечисленных деревнях Лог, Паркове, Отканна и Тур. Фиксируются также рассказы о переезде лупьинцев в начале XX в. в Сибирь и скором обратном возвращении их на родину: *«Потом, война-то не кончился, сильно голод стал, дедушко у нас взял детей-то своих, и уехал он в Сибирь. <...> Потом письмо пришло, что запретили, война кончилось. Тогда обратно в поезд сели...»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны 1939 г.р., родом из д. В.-Лупья). Колоритен в этом плане рассказ о «поисках Сибири» дедом Марком, который в конце концов осознал, что родные места лучше: *«Маркоыс, батъыс ветлёма Сибырас. А сы пёра зонъес Аликсаныс да Мититыс гөрёмась да кёдзёмась, да няньыс бур артмёма. Локтёма да и ся видзёталё пё: “Тая няньыс кодлён, стогъес кодлён?” — “Тая миян”. А вот пё тая Сибырыс кытён вёлёма. Не Сибырын пё тай Сибырыс вёлёма, а Пурган пё Сибырыс вёлёма. И шляйчыныт пё тай вёлём оз кол. А колё пё вёлём тай Пурган олны да родиччыны»* («Отец Марка ездил в Сибирь. А в это время сыновья Александр и Митит [т.е. Никита] вспахали и посеяли, и хлеб хороший родился. Вернулся он и смотрит: “Это чей хлеб, чьи стога?” — “Это наши”. А вот где Сибирь-то была. Не в Сибири Сибирь была, а в Пурге Сибирь была. А шататься не нужно было. А нужно было в Пурге жить и родиться»). (зап. от Мизевой Натальи Константиновны, 1917 г.р., родом из д. Сойга). Учитывая реальные миграционные процессы начала XX столетия, вполне вероятно, что попытки переселения имели место среди жителей лупьинских деревень.

В памяти старшего поколения лупьинцев еще сохраняются рассказы о деревнях, хуторах и выселках, существовавших в первой половине XX в.: *«Хутора там были разбросаны, где тринадцать домов, где три, где пять. В Верх-Лупье было семьдесят два дома. Шудгаишорсай деревня была в верховьях Лупьи. Поля были везде, сеяли много. Только кучками лес был, все поля были сделаны. Данькодын был, Косасотчим. На Верх-Лупье красиво было, разноцветные места. И место высокое»* (В. А. Мизев, 1936 г.р., В. Будым). Вспоминают о хуторе Харино: *«Там три брата только жили. На высоком*

месте деревня была. Единолично, видимо жили. А потом кутора все соединили» (И. К. Златин, В. Будым, 1931 г.р). Старожилы так описывали жизнь до колхозов: *«Жили раньше в однодворках, единолично. Много деревень было – Еныч кутор, Малегшор. Потом сделали колхозы, и всех привели обратно в деревню. А богато на куторак жили. Разрежут землю, смотрят, какая — черная или белая. Если черная, тогда лес выжигали и поле делали. Сокой пахали, плуга не было раньше. Счас ничего там нету, лес растет. В Пурге домов двадцать было после войны, в Тошибе еще больше. Все корчевали, поля разрабатывали — хорошо жили. Хлеб был такой – колосок тяжелый-тяжелый, если возьмешь в руки»* (Сойга, Лесников Константин Маркелович, 1925 г.р.).

В тридцатые годы XX века в крае начинается создание колхозов. По краеведческим материалам (сведения, представленные в библиотеке Кебратской школы), в 1931 г. в деревне Верхняя Лупья был организован колхоз «Югыт-Туй» («Светлый путь» — местные также вспоминают это название как «Чочком туй», букв. «Чистый путь»), была построена начальная школа. В 1932 г. организован колхоз имени Ворошилова на базе деревень Мысы, Сойга и Конопля, колхоз «Первое Мая» в деревне Тошиб (в 1929 г. в деревне Мысы также была открыта начальная школа). В 1935 г. в деревнях Косасотчем и Пурга был организован колхоз имени Калинина. В это время сельский Совет объединял 9 населённых пунктов — Тошиб, Конопля, Сойга, Мысы, Пурга, Косасотчем, Верхняя Лупья, Пысаряг, Мэтгорт, численность населения в них — 1932 человека. В 1930-40-е гг. в характере расселения лупьинских пермяков происходят значительные изменения. В непосредственной близости от лупьинских деревень в 1930 г. возникает основанный спецпереселенцами лесной поселок Шордын¹. Создание лесных поселков определило не только хозяйственную специализацию этих мест в середине – второй половине XX в., но и изменило судьбу сельских поселений этого таежного района. С 1946 г.

¹ Гайнский район: Краткий историко-топонимический справочник // Желтые страницы: Пермский край. 2006/07. С.828.

ведет свою историю п. Кебраты¹, в 1949 г. развернулось строительство крупного лесного посёлка Верхний Будым². Наряду с этим происходит сокращение количества сельских крестьянских поселений территории. Первый этап такого сокращения приходится на период коллективизации. Большая часть хуторов и малодворных поселков была ликвидирована к 1940 г., как в ходе коллективизации, так и позднее, согласно постановлению 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания». По этому постановлению требовалось «ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников... и сселить этих колхозников к одному месту, наделив их приусадебными участками в местах сселения по установленным нормам»³. В 1946 г. в посёлок Шордын приехала ленинградская поисковая экспедиция «Гипролестранс», начальником которой был Вознесенский. Задачей экспедиции было изыскание места для строительства лесного посёлка и узкоколейной железной дороги с целью освоения лесного массива между реками Лупья и Леман. Строительство посёлка Кебраты и железной дороги вглубь лесного массива началось в 1947 г. под руководством участников экспедиции.

Сокращение количества сельских поселений на р. Лупья продолжалось и в послевоенные годы. Так, в 1952 г. был ликвидирован населённый пункт Писаряг. Значимой причиной миграции населения из лупьинских деревень в лесные поселки стала ликвидация колхозов в Мысовском сельском Совете. В 1959 г., по данным Кебратского сельского Совета, все колхозы Мысовского сельского Совета были ликвидированы из-за нерентабельности и отдалённости от транспортных путей сообщения. Жители деревень были вынуждены перейти на работу в леспромхозы. Население деревень Верхняя Лупья, Косасочем, Пурга сокращается ежегодно, пока из этих населенных пунктов не выезжают последние жители. В апреле 1951 г. колхозы «Первое Мая» и имени

¹ Гайнский район: Краткий историко-топонимический справочник. С.828.

² История посёлка Кебраты и территории Кебратского сельсовета (по материалам из библиотеки Кебратской школы)

³ Маамяги В.А. Эстонцы в СССР 1917-1940 гг. М., 1990. С. 190.

Ворошилова были объединены в один колхоз под названием «Маяк». В него вошли деревни Мысы, Сойга, Конопля и Тошиб. В 1958 г. колхозы имени Калинина и «Югыт-Туй» объединены в колхоз имени Калинина, на базе деревень Верхняя Лупья, Косасотчем и Пурга. В 1959 г. все колхозы Мысовского сельского Совета были ликвидированы из-за нерентабельности и отдалённости от транспортных путей сообщения. Жители деревень, бывшие колхозники, перешли на работу в Верхне-Камский леспромхоз. Население деревень Верхняя Лупья, Косасотчем и Пурга постепенно переселилось в посёлки Мыс-Лес и Верхний Будым, некоторые выехали за пределы сельского Совета. В январе 1968 г. посёлки Кебраты, Шордын, Нижний Будым, Верхний Будым, Мыс-Лес были переданы Мысовскому сельскому Совету, исполком Мысовского сельского Совета из д. Конопля был перемещен в посёлок Кебраты — ближе к районному центру.

По данным 1969 г., в Гайнском районе в поречье р. Лупья находились поселки Жемчужный, В. Будым, Кебраты, Мыс-лес, Н. Будым, Шордын, Ягдын. Из старых лупьинских поселений сохранялись деревни Верх-Лупья (23 человека), Коса-сотчем (2), Пурга (4), Тошиб (54). Три деревни - Сойга, Конопля и Мысы - административно объединены в одно поселение – Мысы с количеством жителей 462 человека¹. В 1962 г. на р. Лупья в непосредственной близости от деревень Мысы, Сойга, Конопля возникает новое поселение – посёлок Жемчужный². Названные старинные деревни лупьинцев административно входят в состав нового поселения.

К 1981 г. в исследуемом районе находилось 5 поселков: Кебраты, Верхний Будым, Жемчужный, Мыс-Лес, Шордын. Из сельских поселений отмечена лишь д. Пурга с населением в два человека³. В то же время в составе поселка Жемчужный сохранялись деревни Мысы, Сойга, Конопля.

¹ Пермская область: Административно-территориальное деление. Пермь, 1969. С.63.

² Гайнский район: Краткий историко-топонимический справочник. С.828.

³ Пермская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1981. Пермь, 1982. С.205.

Постепенно, с развитием леспромхозов, территория покрывается сетью узкоколейных железных дорог. Начальным пунктом Усть-Лупьинской узкоколейной железной дороги стал посёлок Кебраты. При её строительстве в изысканиях участвовала экспедиция ленинградского института «Гипролестранс». В первые годы дорога имела колею 1000 мм., на ней работал трофейный подвижной состав, доставленный из Германии¹. К концу 1947 г. протяжённость узкоколейной железной дороги составляла 9 800 метров. Позднее начались работы по реконструкции дороги на колею 750 мм. Здесь использовались паровозы производства Польши, Венгрии, ГДР, отечественные паровозы ВП1 и ВП4 производства Воткинского машиностроительного завода, второе локомотивное депо было создано в посёлке Верхний Будым. В начале 1950-х гг. был основан лесной посёлок Мыс-Лес, к северу от него была проложена 7-я ветка. В 1956 г. была построена «Леманская ветка», начинавшаяся на станции Нижний Будым (протяжённостью не менее 20 километров). К 1962 г. общая протяжённость магистрали составляла около 60 километров. В 1967 году число населённых пунктов, для которых узкоколейная железная дорога была основным средством связи с внешним миром, достигло четырёх (Нижний Будым, Верхний Будым, Мыс-Лес, Жемчужный). На пике развития узкоколейной железной дороги (1970-80-е гг.) протяжённость магистрали и веток составляла не менее 150 километров. В двух локомотивных депо (на станциях Кебраты и Верхний Будым) имелось более двадцати тепловозов. Кроме лесоперевозок существовало и пассажирское движение. На станциях Кебраты и Верхний Будым действовали вокзалы, имевшие зал ожидания для пассажиров.

¹ Приведенное ниже описание Усть-Лупьинской узкоколейной железной дороги опирается на исследования известного путешественника и писателя С. Д. Болашенко, который в многочисленных публикациях реконструирует историю узкоколейных железных дорог различных территорий России — Вологодской области, Каргополья, Южного Урала, Сахалина, Сибири, Салехарда и Воркуты и др. См. подробно: URL: <http://sbchf.narod.ru> и URL: <http://bolachenko.tk>.

Устные рассказы об этом времени, о событиях XX в. и сегодня живы у лупьинцев. Во время войны основным населением леспромхоза, основной рабочей силой были спецпереселенцы — репрессированные, высланные в ссылку белорусы, татары, украинцы, литовцы, немцы: *«В Шордын, сюда привозили спецпереселенцев, раскулачивали из Белоруссии, Украины, Молдавии. Дали в руки топор, пилу поперечную — как хотите, так и стройтесь»* (зап. от Ладыко Р.С., 1931 г.р.); *«В Будыме немцев много было. Тут по поселкам обычно все эти и были. Немцы, эстонца одного видел, литовцы, крымские татары, а раньше были, это ешэ у нас мать, да я еще чуть помню, тут Дозовка была, речушка вот по этой дороге, поселок Дозовка и Лешнёвка. Там были с Украины. Это их еще во время революции отправили, видимо. В 30-х годах. Они почти что все умерли. Там кладбище у них есть. Они по дороге помирали. Они пешком идут досюда с Лешнёвки 18 километров, а там 20, пешком идут, картошку да чё просят...»*. (зап. от Мизева Н. И., 1938 г.р., д. Конопля). Местные жители отправлялись на работу в леспромхозы насильственно: *«Мы колхозники были, а потом колхоз ликвидировали. Колхоз Верклупьинский и был. А чё-то не стало родиться ли чё ли, вместе соединили, скота увели Иванчино, и всё, что было колхозной богатство, всё увезли. А нас, всех колхозников, сдали в леспромхоз. Не спрашивали. Кочешь — живи, кочешь — нет. Дома так и бросили»*. (В. Будым, Логинова Мария Кирилловна 1929 г.р., родом из д. В. Лупья).

Работа на лесоучастках сначала была ручной. Начинали работать топорами, поперечными пилами, лучковыми пилами. Везли лес на лошадях. Зимой занимались лесозаготовками, весной сплавляли лес, летом занимались заготовкой сена для лошадей. *«Я в лесу работала. Перво был ручной заготовка. Лучковый пила была, и это — “нашим-вашим”. Потом перешла в леспромхоз, тоже работала в лесу. Сами валили, сами и раскряжевывали, и всё. Пилой свалим, а потом лучком раскряжуем. Не было тогда вальщиков. А потом, как леспромхоз стало, потом вальщик стал. Он толкает дерево, вилочку так делают. Всякий дерево валили: сосна, береза, ёлка. Лиственницы валили. Это*

всё раскрывают и на лошаде возили. Нарочно сани такие длинные — подсанок и сани. Возили до речки. Грузили вручную. Связывали гез – веревкой. Ледяную дорогу делали, было тоже. Лед намораживали и подметали веником, если немного снегу. Там две полосы и у лошади дорога. В середине лошадь кодит, а тут сани. Одна лошадь везет. К реке возят и разгружают, а весной сплавляют...» (зап. от Лесниковой М. И., 1931 г.р., п. Жемчужный). Нелегкой была и жизнь на лесозаготовках: «На лесозаготовку посылали силком от колхоза. Так и работаешь, можешь или не можешь, падаешь или нет, подохла или не подохла, работай. Жили в бараках. Спали на голых топчанак. Есть у тебя матрасик, сено сунешь, мешочек положишь, ляжешь и спишь... В военное время ничего не давали, ни варешки, ничего не давали. Летом пашешь, колхоз, а зимой лес. Бригадами работали. Сучкоруб, вальшик, толкач, два сучкоруба – пять человек. А лошадях, знаешь, как тяжело. Я еще маленькая, худенькая. Свалим, сучки рубим. Это уже лошадью возим. Скажут – надо два куба, три куба, ты сказать ничего не смеешь. Тогда ведь судили. Будешь ругаться, еще заявление напишут, еще судят. Бывало, опоздаешь, я опоздала на работу, шесть месяцев сидели. В милицию кодили» (зап. от Варванец (Сазонова) Варвара Константиновна, 1927 г.р., п. Жемчужный, родом из д. Пурга).

К 1980-м гг. в леспромхозах уже было достаточно техники для выполнения планов. Основным направлением деятельности была заготовка и вывозка древесины к сплаву. В наличии были валочные машины, трелёвочные трактора, лесовозы, тепловозы для вывозки леса по УЖД, погрузчики, сучкорезки, линии по раскрывке хлыстов, козловой кран для выгрузки хлыстов и другие механизмы, помогающие производству. Положение леспромхозов резко ухудшилось с начала 1990-х гг., с этого времени неуклонно сокращается объём вывоза леса, железнодорожные перевозки заменяются автовывозкой. Перестает функционировать узкоколейная железная дорога.

В настоящее время по р. Лупья в составе поселка Жемчужный по-прежнему остаются три деревни – Конопля, Сойга и Мысы, располагающиеся

на своих исторических местах, сохраняющие историческую планировку и традиционную крестьянскую застройку. В большей степени для п. Жемчужный с включенными в него деревнями характерно сохранение и местных этнокультурных традиций. Остальных лупьинских деревень уже не существует. Значительная часть лупьинцев – носителей лупьинского диалекта и этнической культуры - проживает в лесных поселках. С горечью вспоминают лупьинцы свою родину: *«Жили-жили, потом все разбросали, да и всё. А и не знаю, из-за чего. Перво колхоз был... как будто лучше было, колхоз-то. Потом всё не стало, да и всё. Один куда-то уехал, другая куда-ко тоже ушла-уехала. Щас никто нету. Дома не знаю, поди развалённые уже. Я не знаю, давно не бывала, да... Раньше-то поля были. Весёлые были места, а сейчас, наверное, уже выросло. Лес, наверное, уже...»*.

1.3. Лупья как территория активных межэтнических контактов

Один из существенных вопросов этнографии лупьинцев – их этническая принадлежность. Некоторые источники XIX в. отмечают лупьинские селения как коми-зырянские. В частности, в «Списках населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 г.» в отдельном списке инородческих селений значатся зырянские поселения Верх-Лупья, Конопля, Сойга, Мыс¹. В списке «Инородческие селения Пермской губернии» 1880 г. по р. Лупье отмечено четыре деревни – Верх-Лупья, Сойга, Мыс, Конопля, об этническом составе жителей которых также записано: «населенных зырянами-христианами»². В современной этнографической литературе, которая основывается на статистических и других источниках XIX – начала XX в., население по р. Лупья

¹ Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 г. С. ССXXX, 345

² Инородческие селения Пермской губернии // Памятная книжка Пермской губернии. 1880 г. Пермь, 1880. С.83.

часто рассматривается как зырянское: «В это время коми-зыряне заселяли компактную территорию в Гайнской волости по р. Лупья...»¹.

Другие источники середины XIX в. указывают на пермяцкую этническую принадлежность жителей селений по р. Лупья. В «Лесохозяйственном описании Чердынского уезда» (1856) А. Е. Теплоухов отмечает: «Верх-Лупьинцы образ жизни имеют такой же, какой зыряне. Все они принадлежат пермякам»². В изданных позднее «Материалах для географии и статистики России: Пермская губерния» Х. Мозель, опираясь, видимо, на работу А. Е. Теплоухова, также пишет: «Население Лупьи очень скудно и заключается в 4 деревнях В. Лупьи, Сойги, Конопля и Нижней Лупьи. Жители этих деревень – пермяки»³.

В конце XIX в. этнографы неоднократно указывали на необоснованность зырянской этнической принадлежности лупьинцев. В частности, И. Я. Кривошеков, описывая селения по р. Лупья, отмечал: «Как в местной литературе, так и общерусской принято Лупьинцев считать зырянами, но это ошибка. Как историческое прошлое..., так и сами жители Лупьи считают себя пермяками, хотя иногда и женятся на зырянках из Вологодской губернии...»⁴. Необоснованность этих выводов признавал и этнограф А. Ф. Теплоухов⁵. В «Списках населенных пунктов Пермской губернии» конца XIX – начала XX в. население р. Лупья также отмечено пермяцким⁶.

Как известно, наиболее полные данные по этническому составу населения показывают материалы переписи 1926 г., согласно которым все

¹ Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. Пермь, 1995. С.76-77.

² Теплоухов А. Е. Лесохозяйственное описание Чердынского уезда. С. 7.

³ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния. С.192.

⁴ Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. С.550.

⁵ ГАПК. Ф. 613. Оп. 3. Д. 91. Л. 3. Теплоухов А. Ф. Обзор данных о географическом распространении Пермяков. Материалы для составления этнографической карты Уральской области. (Оттиск из Записок Уральского общества любителей естествознания. Т. XL. Вып. II. 1926).

⁶ Список населенных мест Пермской губернии: Чердынский уезд. С.22; Список населенных мест. С. 25-26.

население лупьинских деревень отмечено пермяками (1318 человек), вторым по численности народом, проживавшим в деревнях, указаны русские – 4 человека¹. Современные исследования языка лупьинцев показали его отношение к коми-пермяцкому языку на правах самостоятельного диалекта в составе северного наречия коми-пермяцкого языка – с включением ряда коми-зырянских элементов².

Материалы, полученные в ходе полевых исследований, также указывают на устойчивую коми-пермяцкую этническую идентичность жителей поречья р. Лупья и четкое противопоставление коми-зырянскому населению: *«Зыряна тут нет, а тут одни пермяки, а русские – в Гайнах»* (д. Мысы); *«Здесь коми-пермяки жили, зыряне сюда приезжали только гостить»* (д. Пурга); *«Я коми-пермячка, мысовлянка, по-пермяцки говорим, а зыряна по-своему говорят»* (д. Мысы). При значительной близости в культурных традициях, этнодифференцирующими факторами, кроме этнического самосознания, выступали язык и осознание этнической границы.

Этническая идентичность лупьинцев основывается и на четком осознании этнической и территориальной границы между народами. Информаторы без труда указывают этническую – коми-пермяцкую или зырянскую – принадлежность жителей всей округи, отмечая «пермяцкие» деревни Верх-Лупью, Пургу, Мысы, Коноплю, Сойгу, противопоставляя их зырянским Дзелю, починку Эська и др. Несомненно, на этническое самосознание, его сохранение и понимание этнических границ повлияли географически обусловленные пути сообщения: река Лупья относится к Камскому бассейну, в отличие от более северных рек Тугум и Воч Вычегодского бассейна, и административное разграничение коми-пермяцких и коми-зырянских деревень, а также исторически сложившиеся вследствие этого прочные социально-экономические, религиозные связи с поселениями Коми-Пермяцкого округа и Пермского края.

¹ Список населенных пунктов Уральской области. С.4.

² См. ниже – мнения Е.Н. Федосеевой, Л.Г. Пономарёвой и других лингвистов.

Лупьинцы отмечают отличия от зырян в нравах, некоторых повседневных обычаях, в сложившемся народном этикете: *«Я что обратила внимание, они угощают – раз только скажут: “Садитесь, гости дорогие, вот кушайте”. Такую чугунку большую поставили. Лосятина в чугунке, вся напарилась, такая вкусная. Запах такой. С русской печки вытащили. Какой кусок тебе понравился, вытащи себе в тарелку и ешь. Мы чугунок уже не ставим. <...> “Племянница, садись, кушай, здесь один раз только приглашают. А то целый день будешь голодная”. Хозяйка еще такие большие караваи испекла. Этот каравай такими толстыми ломтями нарезала. А в пекарню я зашла, что мне набросилось, это идеальная чистота. И что интересное: пол не покрашен, полочки не покрашены, всё желтое, выскобленное дресвой. Раньше мы тоже терли»* (п. Жемчужный, Мизева Надежда Михайловна, 1963 г.р., родом из д. Конопля). Нередко говорится о большей свободе нравов у зырянских девушек: *«У нас тут 20 километров, 25 — Эська была деревушка по Лупье, до Дзёли больше. Эська, нету сейчас. А Дзель есть. Оттуда невест брали. Приезжали они сюда, наглые такие девки, о-хо-хо. Она к тебе сама придёт, и всё. Я еще в армии не был, пришли ко мне, к матери. Мать – старушка, полы мыли. Придут к тебе – “Ночевать буду с тобой”. Не стесняются никого. Я больше стесняюсь, чем они. И дома, если поедешь в гости туда, дома они при отце могут привести кавалера. Здесь таких не было порядков. Тут уже стеснительные. Одежда чуть другая — ходили в сарафанах, чулки. Интересней, чем наши»* (зап. от Н. И. Мизева, 1938 г.р., д. Конопля).

Географические соседи лупьинцев, коми-зыряне, активно контактировали с лупьинцами. Результатом этих контактов становились не только совместные браки, но и гостевание родственников и знакомых зырян и пермяков друг у друга во время семейных торжеств, престольных праздников и праздничных гуляний: *«А зыряна приезжали в гости. Зырянка одна здесь замужем была. Они, как мы же говорим, так же говорят, понятно. Одеты, как мы носим, так и они носят. Приходили раньше, пешком. Там же никакой машинный дорога, ничево нету. На лошадак может. Приходили, родня. Придёт, угошаешь.*

Дзюлевские были, Дзоль» (п. Кебраты, Мизева Анна Михайловна, 1929 г.р., родом из д. В.-Лупья); *«В Пурге домов штук двадцать поди были. Коми-пермяки жили. Зыряне сюда приезжали гостить. Оттуда ведь не далеко, 30 километров только всего»* (д. Пурга); *«Они к нам ездили, мы к ним. У них Покров праздник. В Покров было едут, а наш праздник Строица, вот Ильин день. В такие дни опять к нам они идут молодёжь да старые-то, конечно»* (Мысы); *«Воллісö, воллісö. Стрöича, Илля лун. Нылöн сенокосыс вöлі миян дынын мытын, границаöдзис вöлі километра два. Нія сэччö воллісö. Нылöн куторок жö вöлі, коми асэсэёрскöй кутор — öська. Пять домов вöлі. Миян ладырын ни тыдалö вöлі деревнясяняным сія куторокыс. Нія век воллыллісö, каждой пражник, рытьезнас лэччыллісö. Гажöччасö, гажöччасö, сыласö, йöктасö и бөр кайöны сенокос вылö, зыранкайэс. Эшö миян мужиккезöс пышйöтласö вöлі, нылкайэс»* («Приходили, приходили. Троица, Ильин день. Их сенокосы от нас недалеко были, до границы было километра два. Они приходили. У них хуторок был, коми асэсэровский хуторок Эська. Пять домов было. От нас с деревни виден был хуторок. Они постоянно приходили на праздники, по вечерам. Повеселятся, повеселятся, споют, попляшут и снова идут на сенокос зырянки. Еще наших мужиков уведут, бывало, девушки» (Гайнский район, д. В.-Лупья Логинова Мария Кирилловна, 1929 г.р.).

Другим не менее важным этномаркирующим признаком был язык. Местное население дифференцировало свой язык и язык соседних пермяцких и зырянских селений, отличия в языке улавливались легко и часто воспринимались комически: *«Вот мыйкö шуаса да/ Вот бöра/ вот бöра/ вот этия да мыйя/ что бöра потешнöя сёрнитöны// а ми/ вот ми кыдз сёрнитам/ сідз и сёрнитім// йöзыс шуöны “баитан”/ а мийö “сёрнитан”* (Вот что-то скажут да/ вот опять/ вот опять/ вот эти да что-да/ что опять потешно говорят// а мы/ вот мы как говорим/ так и говорили// люди говорят “баитан”/ а мы — “сёрнитан”); *«Белый по коми – чочкöм, а по ихнему еджыт. Көрöмысла карнан у их, а кэрэмысла у нас хоть по-русски, хоть по-пермяцки кэрэмысла. Патчер – печка-то у ник, у нас гор»* (Кебраты, Мизева Галина Арсентьевна, 1939 г.р.,

родом из д. Верх Лупья). *«У ник некоторые слова по-другому. Дверь, например, закрыть, у нас говорят пӧднал, они говорят сибты. Это у нас сестрянка там жила, принесла воду, я помню, она говорит: “ӧдзӧссӧ сибты”. Я говорю, не понимаю, что ты говоришь. Потом она руками показала да закрыла дверь-то»* (п. Кебраты, Голева (Мизева) Потина Григорьевна, 1932 г.р.). *«А йӧзыс шуӧны “баитам”, а мийӧ “сёрнитам” шуам. Зырянаыс тоже “сёрнитӧны”»* («А люди говорят “баитам” [говорим], а мы “сёрнитам” говорим. Зыряне тоже “сёрнитӧны”») (п. Кебраты, Мизева Анна Михайловна, родом из д. В.-Лупья). Кроме разницы с коми-зырянским языком, жители лупьинских деревень указывают на отличия от других диалектов коми-пермяцкого языка: *«Ме больницаын куйлі мӧйму <...>. Мый ме сёрнита, ния сьӧралӧны. Ния мӧд нога сёрнитӧны, мийӧ мӧд нога жӧ сёрнитам. Ме тадзи “мӧд нога” шуа. А ния: “Мый мӧд нога лоӧ?”»* («Я в прошлом году лежала в больнице <...>. Что я ни говорю, они смеются. Они по-другому говорят, и мы по-другому говорим. Я так “мӧд нога” [в значении ‘по-другому’] скажу. А они: “Что мӧд нога означает?”») (д. Мысы, Златина Мария Михайловна, 1937 г.р.).

Языковое своеобразие лупьинцев дает повод остальным коми-пермякам выделять данную локальную группу и отмечать их сходство с коми-зырянами: *«Половина языкыс нылӧн зырянскӧй. Горыс пӧ ваймис. Ме не понимаю – мый ваймис – горыс пӧ ешитіс»* («Наполовину язык их зырянский. Печка, мол, ваймис. Я не понимаю слово ваймис – печка истопилась») (Яковкин В.Е., из с. Пуксиб Косинского района).

Несомненно, территориальная близость к коми-зырянским поселениям, осознание родства языков, близости культурных традиций и вероисповеданий явились основой активных контактов. Никто из информаторов не оспаривает факт взаимодействия с коми-зырянским населением, в том числе и смешанные браки: коми-пермяки охотно брали «зырянок» в жены, и, в свою очередь, «отдавали девок в зыряны». В то же время такие брачные контакты не были многочисленными. Информаторы и сегодня без труда называют тех, кто вышел замуж в пермяцкие деревни «из зырян»: *«У нас в Лупье, когда я молодая была,*

зырянка одна здесь замужем была» (д. Верх-Лупья). Однако уже в следующем поколении дети от смешанных браков на Лупье считали себя пермяками и говорили по-пермяцки. Этнокультурная среда была определяющим фактором, влияющим на выбор этничности уже во втором поколении при смешанных браках. В ходе бесед с информаторами, которые имели маму или бабушку «из зырян», как они сами, так и их родители считали себя пермяками.

Объективные данные о брачных контактах лупьинцев с зырянами показывают метрические книги. По изученным записям конца XIX – начала XX в., на 231 венчание лупьинских жителей всего 12 (что составляет 5,1%) являются браками коми-пермяков с представительницами соседних поселений Вологодской губернии, т.е. зырянками¹. Надо учитывать, что священниками Гайнского прихода не фиксировались браки, при которых коми-пермячки уходили замуж в коми-зырянские деревни. Обычно невест брали из д. Дзоль (7 браков) и д. Оськи (3 брака) Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне Усть-Куломский район Республики Коми), которые находились в нескольких километрах от д. Верх-Лупья. Жители этих зырянских деревень становились и восприемниками окрещенных младенцев из д. Лупья и д. Мысы, и в редких случаях их детей также крестил священник Гайнского прихода². Единичны примеры, когда невест брали из более отдаленных мест - д. Зельской и с. Воч (Нижний Воч) Вологодской губернии. Из 12 браков 6 были заключены с жителями Верх-Лупья, 3 – с жителями Мысов, 2 – с жителями Конопли, 1 – с жителем Пурги. Преобладание смешанных браков в Верх-Лупье понятно, так как в то время это был самый крупный по численности населенный пункт и располагался он ближе всего к Вологодской губернии. Материалы В.Н. Белицер середины XX в. также подтверждают сохранение межэтнических браков. Кроме

¹ ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 275, 276, 277, 280, 285, 286, 287, 288, 498.

² Например, запись о восприемнике из Вологодской губ. при крещении младенца Мелании из д. Лупья сделана 30 февраля 1881 г. (ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 285); запись о крещении младенца из д. Оськиной – 13 марта 1895 (ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 276); 8 декабря 1897 г. (ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 275).

перечисленных коми-зырянских деревень В. Н. Белицер называет еще деревни Керчёмья и Канаву¹.

Результатом активных контактов становилось формирование как некоторых общих элементов культуры, так и восприятие зырянского. Влияние соседнего народа отчетливо прослеживается в языке, традиционном костюме, жилище, религиозном мировоззрении. Анализу этих процессов будут посвящены соответствующие разделы исследования.

По соседству с лупьинскими коми-пермяками находились и русские поселения. По данным тех же метрических книг, в конце XIX – начале XX в. имели место браки лупьинцев с жителями русских деревень Горы (8 браков), Базуевой, Бурдаковой, Кулиги, Давыдовой, Плеса, Полуденной а также с. Гайны (6 браков), где проживало смешанное население². Записи фиксируют женитьбу коми-пермяков на русских и русских на лупьинках. В течение 26 лет, без учета супружеских пар с участием жителей с. Гайны, было зарегистрировано 14 межэтнических браков, что составляет 6% от общего их числа³.

На территории края рядом с коми-пермяками селились русские, белорусы, украинцы, татары, немцы и др. — в XX столетии Гайнский район стал одной из территорий массовой депортации и ссылки. Кроме этого в лесные поселки на заработки ехали люди из разных концов страны. Разные народы воспринимали хозяйственный опыт друг друга, вступали в отношения обмена товарами, нередко были межэтнические браки: *«Мать рассказывала, они приходили, обменивались. Скажем, сюда пришли, они им лук дали, те хлеб принесли, еще что-то»* (п. Жемчужный, Златин Ипполит Григорьевич, 1971 г.р.); *«Тут старик был секретарём сельсовета, грамотный был, тоже ссыльный с Поволжья, Мартемьянов. Он на сестре матери женился»* (д. Конопля, Мизев Николай Иванович, 1938 г.р.); *«...Мы сошлись с*

¹ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. С.299.

² Этническая принадлежность жителей деревень отмечена в соответствии с указанием национальности в издании: Список населенных пунктов Уральской области. Т.5. Коми-Пермяцкий округ. Свердловск, 1928.

³ ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 275, 276, 277, 280, 285, 286, 287, 288, 498.

белорусом... Он по коми знал. Он мастером работал, все коми. Он быстро хватал коми язык» (п. Жемчужный, Варванец Варвара Константиновна, 1927 г.р.).

1.4. Вера и религиозно-мифологические представления лупьинцев¹

О религиозной жизни лупьинских крестьян имеются лишь отрывочные сведения. Архивные, опубликованные и полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что жители деревень по р. Лупье относились к приходу православной Спасо-Преображенской церкви Гайнского села, но вместе с тем некоторые из них придерживались старообрядческой веры. Определить истоки распространения старообрядчества на данной территории в настоящее время затруднительно, так как информация об этом достаточно скупа и противоречива.

По данным архивов, в середине XIX в. недалеко от деревни Верх-Лупьи возникли мужской и женский скиты старообрядцев поповского согласия, бежавших из Порубовской волости Вятской губернии. И. В. Починская, исследовавшая в архиве Кировской области следственные дела раскольников, приводит в своей статье отрывки судебного разбирательства с описанием местонахождения скитов и краткой информацией о жизни старообрядцев: «...о местонахождении скита, в котором был пострижен, заявил, что скит находится в Чердынском уезде Пермской губернии на границе с Усть-Сысольским уездом Вятской губернии, в трех верстах от д. Верх-Лупьи. Скит состоял из двух келий. В одной жил Ситников со старцами Агафоном и Авраамом, уроженцами Порубовской волости Глазовского уезда Вятской губернии, а во второй еще три старца, которых он не знал, но слышал, что они тоже из Порубовской волости. Примерно в 1853 г. недалеко от этих келий, по другую сторону р. Лупьи, возник женский скит, устроенный солдатской дочерью Натальей, в иночестве

¹ Очерк написан Т. Г. Голевой в соответствии с задачами Гранта РГНФ «Народное мировоззрение и религиозные традиции коми-пермяков» (№ 10-01-82108a/У).

Тарсилой... При Тарсиле находилось еще четыре женщины. Ситников рассказал, что Тарсила выкрала забранного в рекруты сына крестьянина-пермяка д. Лупьи Ивана Мизева, которого поселила при себе»; «Спустя некоторое время Ситников уточнил свои показания, дав подробное описание пути в скиты, самих келий, «вспомнил» мирские и иноческие имена насельников и даже подробно описал внешний вид каждого. По его словам, мужские кельи располагались на восток от д. Верх-Лупьи. Старцы поселились там лет 10-12 назад. Келья матушки Тарсилы находилась в четырех верстах от д. Верх-Лупьи вниз по течению р. Лупьи»¹. Как видно из источников, один из коми-пермяков-лупьинцев проживал вместе с раскольниками. В течение XIX в. в этих местах могли появляться и другие группы скрывающихся от власти старообрядцев, которые влияли на религиозно-идеологические представления народа.

Следующая информация уже касается начала XX в. И. Я. Кривошеков в своем «Словаре...» отмечает, что жители деревень Мысы и Сойга, выселка Коса-Сотчинс (Косасочем) придерживаются старообрядчества «беспоповщинского толка»². О религиозных направлениях других лупьинских деревень он умалчивает. Вместе с тем автор отмечает, что в д. Верх-Лупье и д. Сойге находились православные часовни, и коми-пермяки других деревень (даже Соликамского уезда) в Ильин день посещали Верх-Лупьинскую часовню, а в день Крещения от обоих часовен отправлялись крестные ходы к Гайнской церкви³.

Данные метрических книг тоже свидетельствуют о прочных связях местных жителей с церковью. Священник Гайнского прихода несколько раз в течение года крестил детей. Судя по датам крещений, их массовости (за два-три дня крестили от 4 до 10 младенцев и более), церковнослужитель посещал

¹ Починская И.В. «Дело по ведению следствия о раскольнике Ситникове А....» (М.Е. Салтыков и старообрядцы) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып.5. Екатеринбург, 2003. С.234-235.

² Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. С.454, 550, 693.

³ Там же С.262, 311.

деревни. Варианты крещения от одного до трех детей за день могут указывать на то, что лупьинцы иногда сами возили детей в Гайны или в ближайшие деревни, в которые также намечался приезд священника. В конце XIX в. священник бывал в деревнях в основном два раза в году: в феврале-марте и ноябре-декабре. В начале XX в. массовое крещение детей стало более частым, оно проходило еще и в мае или июле, в год бывало до пяти раз. Крещение младенцев в феврале и марте (по православным календарям за 1905-1916 гг.) совпадало с первыми неделями поста. Привязанность крестин к какой-нибудь значимой религиозной дате в мае месяце не обнаружена: в 1906 г. крестили детей накануне дня в честь апостола и евангелиста Иоанна Богослова - 21 мая (8 мая по старому стилю); в 1908 г. – накануне Семика; в 1910 г. – за четыре дня до Вознесения; в 1911 г. – после Троицы и т. д.¹. В июле месяце даты крещения совпадают с празднованием Ильина дня - 2 августа (20 июля) (1907-1908, 1911 гг.)², в ноябре месяце – в первые дни Рождественского поста, в декабре крестины проходили за несколько дней до Рождества. По-видимому, вместе с крещением новорожденных священнослужители старались за время посещения лупьинских деревень исполнить и иные церковные требы – молебны в честь праздников, отпущение грехов местных жителей и т. д. Несомненно, при избрании сроков выезда учитывались условия транспортного сообщения между селом и деревнями. Сложнее всего было добраться до Мысов и Верх-Лупьи в периоды весенней и осенней распутиц, поэтому крещение происходило зимой, когда реки замерзали и прокладывался прямой санный путь, реже – летом.

В церковных записях также фиксируются сведения о венчании молодоженов. Самое большее количество браков (24), по изученным источникам, было заключено в 1918 г. Венчания преимущественно проходили в январе и феврале, в период между Крещением и Масленицей. Единичны примеры заключения браков в апреле, мае, июне и в осенние месяцы.

¹ ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 286, 287, 288.

² ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 286, 287.

Последние отмечены больше в записях начала XX столетия, нежели конца XIX в.

Записи об отпевании покойных очень редки, за некоторые годы они вообще отсутствуют, имеющиеся – в большинстве своем фиксируют отпевание умерших неестественной смертью (больных, утонувших, погибших от молнии и др.); лишь в пяти примерах были отчитаны молитвы в честь усопших «от старости». Отпевали в разные месяцы года, часто по прошествии достаточно длительного срока после смерти, очень редко в те же даты, когда и крестили детей. При несчастных случаях, требующих разбирательства местных властей, отпевание обычно происходило «по отношению пристава». По-видимому, не все лупьинские коми-пермяки считали необходимым проведение данного церковного обряда и обращались к нему, если была возможность заказать службу и при наличии денежных средств.

В записях о совершении священных таинств все лупьинские крестьяне названы православными. Только один раз упоминается о присоединении к Греко-российской православной церкви девушки Маланьи 17 лет из д. Мысы, состоявшей в «расколе беспоповщинской секты»¹. Девушка перекрестилась перед своим венчанием с однодеревенцем православного исповедания, что подтверждает запись об их браке². В тех же метрических книгах Спасо-Преображенской церкви имеются сведения о перекрещивании девушек, бывших в беспоповском и австрийском согласиях, из деревень – Чажегова, Малая Чажегова, Харина, Данилова, Елева и Васькино³. Все они находятся далеко от лупьинского куста деревень, и прямое влияние их старообрядческих общин на религиозную жизнь лупьинцев было бы довольно затруднительным. Хотя с жителями названных деревень лупьинцы имели родственные связи, отмеченные, в частности, в записях о венчании молодоженов⁴. Надо сказать, что старообрядчество было распространено и в других северных районах Коми-

¹ ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 276. Л. 72.

² Там же. Л. 107.

³ Там же Д. 276, 286.

⁴ Там же Д. 275, 276, 277, 280, 285, 286, 287, 288, 498.

Пермяцкого округа, а также среди юрлинских русских, принадлежавших поповскому белокриницкому согласию¹.

С середины XVIII в., по данным Ю. В. Гагарина, беглые старообрядцы из Соликамского, Чердынского, Тобольского уездов Пермской губернии распространили беспоповское старообрядчество спасовского толка среди верхневыхгодских коми Вологодской губернии, ныне Республики Коми², в том числе старообрядцы были среди жителей деревни Дзель³, с которыми лупьинцы поддерживали тесные бытовые и семейные отношения⁴. В современных рассказах лупьинцы утверждают, что их предки посещали церковные богослужения в храмах на территории Республики Коми и даже ездили туда венчаться: *«Они когда в церковь ходили – куда-то туда, за Лупью всё, бабушка-то старая рассказывала, в Коми АССР»* (п. Жемчужный, зап. от Златиной Миндорьи Васильевны, 1924 г.р., родилась в д. Мысы). Верхневыхгодские беспоповцы относили себя к «глухой нетовщине» спасовского толка, одной из особенностей их веры было разрешение на крещение и бракосочетание в православном храме, только перед смертью они старались прервать связи с православной церковью⁵. То есть приверженцы «нетовщины» могли официально числиться православными, потому что крестили их священники местных приходов.

В. Н. Белицер, посетившая лупьинские деревни в середине XX столетия, называет население Мысовского сельсовета старообрядцами, причем отмечает: «Староверы, жившие в глухих отдаленных деревнях (как, например, Мысовского сельсовета Коми-Пермяцкого национального округа или в Троице-Печерском районе Коми АССР, д. Подчерье), держали себя крайне изолированно от православных; еще совсем недавно в некоторых домах можно

¹ Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006. С.17

² Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С.105.

³ Власова В.В. Вычегодские коми старообрядцы // Где ты живешь. Гипермедиа энциклопедия: история, этнография, фольклор, топонимика [Электронный ресурс]. Сыктывкар, 2006. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). загл. с экрана.

⁴ Полевые материалы; ГАПК. Д. 275. Л. 152.

⁵ Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. С. 105; Гагарин Ю.В. Старообрядцы. Сыктывкар, 1973. С.24.

было встретить две скобы у входной двери – одна предназначалась для «мирских», вторая для «своих»¹.

Появление старообрядческой общины в Мысах и Сойге и достаточно глубокое проникновение в местную религиозную жизнь староверских традиций было возможно только при условии непосредственного длительного общения жителей с представителями раскольников. Это может объяснить их отход от официальной церкви, отношения с которой были затруднены большими расстояниями. При этом вероятно еще сопутствующее влияние каких-либо кратковременных связей с другими старообрядческими общинами. За неимением источников, точные утверждения об истоках «старой веры» дать трудно, остается только предполагать.

В послереволюционный период религиозная ситуация изменилась: были закрыты храмы, прекратилось исполнение церковных таинств. В источниках нет сведений о том, что в лупьинские деревни приходили монашки, странствующие в то время по северным районам Коми-Пермяцкого округа, и о поддержании веры старообрядцев-лупьинцев другими общинами раскольников. Лишь в одном рассказе говорится о влиянии коми-зырян в середине XX в. на религиозные знания жителей д. Верх-Лупья. Галина Арсентьевна Мизева рассказала историю о своей матери, посещавшей во время войны верующего старика из д. Дзэль, который наставлял ее молиться за сына: *«Пошла туда к Псалтырю, Псалтырь Андрей был. Зашла к нему, он молился. Над головой открыл книгу. И в книге сказано, что хозяин умер, его похоронили, его уже ты не увидишь. А сын в плену, не у русских, а у немцев. Если, говорит, молиться будешь, то он вернётся домой, если твоей мольбы хватит. А наша-то мать сказала, что я молиться-то не умею, да у меня иконки нет. Он, этот Псалтырь Андрей, дал такую маленькую иконку: “На эту, – говорит, – божницу поставь. Господе Иисусе знаешь?” “Эту только, – говорит – и знаю”. <...> Потом она, как обратно вернулась, начала утром и вечером; всё, говорит, только про Бога и думала. Молюсь, говорит, крещусь, и всё бога*

¹ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX в. С. 317.

думала. И Богу, говорит, кланяйся: “Бог батюшка, верни мне сына”. Возле стола. Да на стол, если не лень, чистэй платок положишь да так. [А Вас кто научил молиться?] Мамку-то этот Андрей учил, и мамка мене учила» (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). Чистый платок, о котором говорится в рассказе, указывает на старообрядческую традицию — именно так используется подручник для совершения поклонов. Не считая этот пример типичным для всего населения, скажем, что в советский период лупьинцы, как и другие группы коми-пермяков, в религиозном отношении были предоставлены сами себе. Если до закрытия храма существовало разделение их на староверов и ревнителй Греко-русской церкви, то после эти два течения могли смешиваться. Стало более лёгким распространение элементов старообрядчества среди всех жителей, так как его приверженцы были более самостоятельны при совершении обрядов, и к ним могли обращаться все остальные лупьинцы. Именно такая ситуация — смешение разных вариантов религиозных традиций — наблюдается у них в настоящее время: не заметно какого-либо разделения по вере, они составляют единое сообщество, за исключением нескольких человек, воспринявших в течение последнего десятилетия призывы миссионеров церкви «Свидетелей Иеговы».

Культовые постройки и места богослужений

Мало кто из нынешних старожилов застал действующие часовни. О их функционировании знают в основном по рассказам старших поколений: «Церковь-то около кладбища была. Я мало помню. Уже окна да что не было. Звонили пэ, рассказывали, колокол видимо был. Звонили, когда молиться» (д. Сойга, зап. от Мизевой Анастасии Ивановны, 1934 г.р., родилась в д. Конопля); «Кержаки были. Молятся, и всё. Церковь была у нас маленькая, деревянная на могильнике. Дед у меня был там Фёдор Яковлевич, он её строил, церкву-то, молился. И там колокол был. Какой праздник, что, — колокол звонит. С Тошиба бегут, с Лупьи бегут, с Мысов бегут сюда молиться. Часовня была деревянная. Давным-давно нет, разрушили» (д. Сойга, зап. от

Лесникова Ивана Маркелыча). В середине XX столетия часовни подверглись целенаправленному разграблению и разрушению, именно эти мотивы стали самыми актуальными в сегодняшних устных нарративах: *«Часовня важён строитём вёлём, сійё ужё резьётисё, абу ни. Ме сійё токо местасё помнита. А берегыс сэтиём крутой-крутой, красивой. Иконасё нуёмась вёлі кытчөкө дальше Кудымкарлань. А часовнясё ужё последней годъезас сломали да топили, если дровами-то плохо»*. («Часовня давно построена была, ее уже сломали, нету уже. Я только место помню. А берег такой крутой-крутой, красивый. Иконы увезли в сторону Кудымкара. А часовню уже в последние годы сломали и истопили [в печи], когда с дровами плохо [было]») (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья); *«Там в часовне, говорят, тоже много было икон. У нас там гора, под гору всё топтали, сломали эти иконки. И книги молитвенные, ничего больше. Я не помню, не помню, даже не видела, только мамка рассказывала»* (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Вверх-Лупья); *«Часовня была возле кладбища, рядышком. Я уже это не знаю, не видела. От бабушек слышала: пришли белогвардейцы со стороны Сыктывкара, коми-зыряна, эту часовню они всю ограбили. Некоторые иконы, кто успел, попрятали, а некоторые просто забирали и увозили»* (п. Жемчужный, зап. от Мизевой Надежды Михайловны, 1963 г.р., родилась в д. Конопля). Жители Верх-Лупья помнят, что в советские годы по праздникам собирались молиться в специальной избе, возможно, в доме кого-нибудь из верующих: *«В Лупье-то нарэшинэ было дом. Мы вымоем. <...> Стенки ножиком шёркаем было, на Паску готовились. А потом с Пурги придут, Косасочема придут старуки, верклупьинские соберутся. Полнэй дом там молятся»* (п. Верхний Будым, зап. от Златиной Александры Андриановны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). Эта традиция существует до сих пор, но общие моления теперь посещают немногие, некоторые молятся и выполняют необходимые ритуалы самостоятельно. На службу в действующую церковь п. Гайны никто специально не ездит. Причинами этого являются как отдаленность территории

и слабое развитие транспортной коммуникации, так и разрыв религиозно-обрядовой связи с церквями в предшествующий период. Несмотря на это, многие предметы, необходимые для ритуалов, такие как свечи, нательные кресты, погребальное покрывало и т. п., приобретаются в православных храмах.

Распространение веры. Понятие о староверах

Не все современные лупьинцы признают себя верующими людьми: *«Мы не верили раньше в ад, в рай. Старыми людьми мы вообще не общались, неинтересно было...»* (д. Сойга, зап. от Мизевой Анастасии Ивановны, 1934 г.р., родилась в д. Конопля): *«[Веришь в Бога?] Когда верю, когда матеру. А чё делать? Всяко бывает»* (п. Жемчужный, зап. от Варванец Варвары Константиновны, 1927 г.р., родилась в д. Пурга). Их знания о церковных догматах, отношение к вере различаются, на что в большой степени повлиял советский атеизм. Но в целом в обществе присутствует уважительное отношение ко многим традиционным религиозным атрибутам и ритуалам. Часто признаком религиозной приверженности считается не вера в Бога, а исполнение предписаний, правил, предусмотренных церковными обычаями. *«[А Вы не верующие?] Я нет. Я всё ем да. Они, когда пост, мясное, молочное не ели»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Еливерии Алексеевны, 1931 г.р., родилась в д. Сойга).

Лупьинским коми-пермякам известны термины «старовер» и «кержак», они употребляются ими преимущественно по отношению к прежним поколениям, обычно так называют пожилых боговерующих людей. *«Староверов счас давно уже нету. Никто не молится»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). Более широкого понимания старообрядчества, знаний о церковном расколе, о разнице между старообрядческими согласиями и православной церковью у лупьинцев в ходе полевого исследования зафиксировано не было. Дополнительными характеристиками «староверов» для них являются: 1) исполнение религиозных культов (проведение молебнов по случаю праздников, крещения, погребения и поминок); 2) использование отдельной посуды или отделение трапезы от

курящих и пьющих людей, трапезы женщин – от мужчин; 3) соблюдение поста. *«Менам дядь вѳлі тожѳ старовер, пыртчыліс, юрбитіс»*. («У меня дядя тоже был старовером, крестил, молился») (зап. в п. Жемчужный). *«Чашки носили, потому что они кержачки. Кержаки – которые молятся, они с нами не пьют, отдельно пьют»* (д. Мысы, зап. от Златиной Анны Федоровны, 1928 г.р.). *«Кержачки да кержанки, у них отдельная посуда была. Кто курит да кто пьет, с ними они уже не ели, не пили»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Еливерии Алексеевны, 1931 г.р., родилась в д. Сойга). Дополнительное значение прилагательного «староверный» – это «былой», «прошлый», «несовременный»: *«Еще у нас такие сказки, староверные сказки были – Обороника да что...»* (п. Жемчужный, зап. от Златиной Дии Степановны, 1949 г.р., родилась в д. Конопля).

Редко кто называет своих современников «староверами». В 2005 г. данное определение использовали только по отношению к одной женщине, исполнявшей основные религиозные ритуалы. Сама себя она также называла «кержанкой» и объясняла свой статус исполнением названных выше правил: *«Ме ветла дзебсьыны, на покороны, на поминку, богу молюсь, вот и кержанка-то. Табашиккескѳт ог ю, мужикъескѳт ог ю. Такую кружечку ношу я»*. (*Я хожу на похороны, на поминки, Богу молюсь, вот и кержанка. С курящими не пью, с мужчинами не пью. Такую кружечку ношу я»*) (д. Сойга, зап. от Лесниковой Клавдии Фёдоровны, 1921 г.р.).

По наблюдениям 2010 г., никто из жителей п. Жемчужный и окрестных деревень не использует отдельную, личную кухонную утварь. Но отделение верующих от курящих людей всё-таки выполняется. Во время похоронного обряда мы увидели, как женщина, проводящая молебен, прежде чем самой выпить из общей кружки (в которой напитки подаются по очереди всем присутствующим), сначала передавала ее двум-трем некурящим женщинам, затем пила сама и иногда после этого снова передавала некурящим. Также оберегались ее религиозные атрибуты, их мог взять только «чистый» от различной скверны человек. Так, во время похорон одна из женщин

предложила поддержать пакет главной читальщицы, сказав при этом: «*Вай сумкасё, ме-то чистой, абу мужик*» («Дай сумку, я чистая, не мужчина») (п. Жемчужный). По описаниям, прежде во время поминок пожилые женщины могли не приносить свою посуду, пользоваться утварью хозяев, но при этом они помечали свои кружки и стаканы, обвязав их ниткой или повязкой. Из этой посуды они пили во все поминальные дни, проходившие после похорон: «*Нія кержакъес торья стакан... Кин кулас, стёкансё оджыкас вёлі ассыныс кёрталасё кёлён. Этайён пё некёдс эн юктал. Касътысьны пондам, ассыс жё стёкансё бёр... <...> Юрбитны султасё, благословитчасё, кыным старука юрбитёны, то куима, то нёля ли, ёні дак и кыкё и мый корлёны, а сэк унаён вёлісё. Благословитчасё, юрбитасё, шоччисьласё. Но нія торья стаканісь <...>, девятинысё сійён юасё, сорочинысё, и коть мёдчыд кёркё локтасё. Миянкёт нія оз юё, мужикъескёт нія вобше эз юлё, коть и старикус касътысьё вёлі*». («Они кержаки отдельный стакан... Кто умрет, они сами стаканы обвязывали завязкой. Из него, мол, никому не подавай. Начнем поминать, свои же стакана назад... <...> Молиться встанут, благословят, сколько старух молится, то трое, то четверо, сейчас и двух зовут, а раньше помногу было. Благословят, помолятся, отдохнут. Но они из отдельного стакана <...>, на девятины из него пьют, на сорочины, и хоть в следующий раз когда-то придут. С нами они не пьют, с мужиками вообще не пили, хоть и старик поминал») (п. Жемчужный). Поддержание чистоты по отношению к религиозным святыням соблюдается и в других ситуациях. Например, перед тем, как взять иконы, требуется вымыть руки и т. п.

Служители культа

В современных рассказах местного населения исполнителями религиозных обрядов в советский период называются деревенские «попы», реже для их обозначения используют термин «наставники». «Попы» были в Лупьинском и Мысовском сельсоветах свои, в ранние годы – по преимуществу мужчины. «*Попы раньше были. Я еще помню мужика одного, Иван Дементьевич, Дамьян Иван. При мне еще, я маленькая была. Когда умрут – молится, когда*

вспоминают – тогда молится» (д. Сойга, зап. от Мизевой Анастасии Ивановны, 1934 г.р.). Во второй половине XX в. их обязанности чаще стали выполнять верующие пожилые женщины, среди которых выделялись главные, их также называют «попами» или «попихами». Население помнит имена следующих «попов» – Егор Семенович Мизев в Верх-Лупье, Иван Демьянович, Николай Яковлевич, Максим, Евдокия Ивановна, Василий в Мысах и Сойге. Равнозначные роли в одном кусте деревень могли выполнять несколько человек. Так, в 2005 г. в окрестностях д. Мысы оставались только две наиболее активные женщины – Клавдия Федоровна Лесникова и Анна Федоровна Златина, обычно они исполняли обряды вместе или каждая могла проводить службы самостоятельно. В п. Верхний Будым на поминки приглашали Марию Кирилловну Логинову. В 2010 г. в п. Жемчужном службы проводила Мария Терентьевна Лесникова, а некоторые функции исполняла Дия Степановна Златина.

Точной информации об обучении лупьинских «наставников» духовным знаниям нет. В Верх-Лупье и Мысах в начале XX в. существовали земские школы¹. По народным рассказам, кроме этого «попы» получали грамоту в уездном центре г. Чердыни: *«У нас был поп, Николай Яковлевич, тоже он крестил. <...> Наставник он, куда-то учиться ешэ ездил в Чердынь. Это давно. Его попом звали»* (д. Мысы, зап. от Златиной Марии Михайловны, 1937 г.р.). Верующие женщины перенимали религиозный опыт от старших поколений, учились у родителей, у старших исполнителей обрядов с детских лет: *«У нас мамка когда училась, были попы, учили её. Эти молитвы я читаю»* (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья); *«Она бывало перед Богом встанет, бабушка, молится и меня всегда рядом с собой ставляла, тоже, говорит, молись, учись. <...> Когда мы учиться стали, в первом классе же нам велели не верить Богу-то. Вот сказали, что Бога нету, не верьте Богу. Запрещали. На могилу кодить запрещали.*

¹ Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского Уезда Пермской губернии. С.262, 550.

Молиться запрещали. А мы всё равно, дети-то, потихоньку на кладбище да что да пойдём. У нас бабушка еще говорила: “Кто не верует в Бога – они антикристи”, – что они неверующие, что наподобие они как бесу верят» (п. Жемчужный, зап. от Златиной Дии Степановны, 1949 г.р., родилась в д. Конопля). Марию Терентьевну Лесникову, родом из д. Даниловой, молиться в детстве учила мать, затем она посещала моления даниловских старушек, после переезда – мысовских: *«Мама меня дома учила, постоянно молитвы... Я знала. Только в школе боялась. <...> Но там даниловские тоже были две сестры, тётя Лиза и тётя Настя. Я с ними тоже ходила, и мама ходила. Больше молитвы стала знать»* (п. Жемчужный, зап. от Лесниковой Марии Терентьевны, 1952 г.р., родилась в д. Данилово). Никаких различий в религиозных традициях д. Даниловой и д. Мысы Мария Терентьевна не видит. Правда, местные жители отмечают небольшое отличие в ее действиях по сравнению с проведением ритуалов предшественницами.

У лупьинских коми-пермяков наблюдается непрерывный механизм передачи и перенимания религиозных функций, который может быть нарушен только в связи с миграциями и естественным спадом численности населения в настоящий период. Его постоянство объясняется жизненными потребностями людей: *«Я старше, они моложе все. А, будут потом всё равно! [исполнять обряды] У нас же тут обязательно, если человек помрёт, надо на кладбище, хоронить, всё, кадить»* (п. Жемчужный, зап. от Лесниковой Марии Терентьевны, 1952 г.р., родилась в д. Данилово). Во главе религиозного сообщества обычно находится старший по возрасту человек, знающий порядок основных обрядов и активно их исполняющий. Именно к нему обращаются люди для исполнения ритуалов. В этом случае важны желание, воля и вера самого человека. Свою религиозную общественно-значимую роль читальщицы объясняют потребностью в ритуалах и одновременно отсутствием других возможностей их исполнения: *«Попыс куліс, асланым воляись мийӧ кужам, сьылам».* («Поп умер, по своей воле мы умеем, поем») (д. Сойга, зап. от Лесниковой Клавдии Федоровны, 1921 г.р.). *«Я в церкви не была. Пускай не*

зовут, я что знаю – то читаю. Никто не поёт, только я одна пою. Немножко читаю и всё. Что знаю, то и читаю» (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья).

Основной функцией местных «попов» является проведение ритуальной части обрядов жизненного цикла человека (крестин, похорон, поминок), службы в наиболее почитаемые даты православного календаря (в местной традиции это пасхальная служба, крестный ход в день Вознесения), молебнов в случаях засухи или обильных дождей: *«А вот я помню еще, когда такая жара, дождь спрашивали, чтобы дождь было. Тогда молились старухи. Делают обед. Ну, квас. Иконами они ходили на поле. Иконы на руках несли. Не ставили, ходили, ходили. Идут вместе, молятся. Во время войны было. А щас старук нету»* (д. Сойга, зап. от Мизевой Анны Ивановны, 1934 г.р., родилась в д. Конопля). Во время ритуалов они читают молитвы, окуривают дымом от смолы людей, пищу и т. д., освящают воду, руководят основным процессом ритуала.

Религиозные атрибуты и символы

У лупыинцев наблюдается несколько вариантов сложения перстов при совершении крестного знамения. Многие пожилые люди крестятся двумя перстами, другие – тремя или переходным вариантом, когда большой палец прикладывается не к кончикам, а посередине указательного и среднего пальцев. Практически никто не может объяснить значение и разницу в складывании пальцев, лишь более пожилые и те, кто регулярно молится, говорят о том, что тремя пальцами молиться не разрешается. Также отмечают трансформацию обычая, переход к трехперстному знамению в настоящее время: *«Ќні совсем ни мѡд, одзжыкас дак тадз»*. («Сейчас совсем по-другому, раньше вот так [показала двуперстие]») (д. Мысы, зап. от Мизевой Марии Михайловны, 1937 г.р.).

Существенное значение в деятельности служителей культа имеет религиозная литература. Книга в определенной степени являлась символом главного чтеца молитв: *«Попадья век котомочкаэн ноллѡтліс псалтырьсѡ-тѡ»*.

(«Попадья всю жизнь в котомочке носила Псалтырь») (д. Мысы, зап. от Златиной Марии Михайловны, 1937 г.р.). В понимании лупьинцев владение священной литературой уже предполагает служебную роль ее хозяина: «Библию раз купил – как поп» (п. Жемчужный, зап. от Варванец Варвары Константиновны, 1927 г.р.). Поэтому «молельные» книги старались передавать верующим людям, на которых одновременно накладывалось и обязательство несения службы. Именно об этом повествует Мария Михайловна Златина из д. Мысы, которая была очевидицей того, как ее крестная «благословила» свою «псалтырь» местному жителю Василию: *«Ся поп Васькалѣ Одя бабыс благословитіс книгасѣ. <...> Сія чочком чышьянѣ каттис. “Юрбитны пондан?” – “Понда”. – “Ме тэнѣ благословита”. Просту-то олны пондас – тожѣ грек. Мед юрбитѣны»*. («Потом попу Ваське бабушка Евдокия благословила книгу. <...> Она в белый платок перевязала. “Молиться будешь?” – “Буду”. – “Я тебя благословляю”. Попусту будет лежать [книга] – тоже грех. Пусть молятся») (д. Мысы, зап. от Златиной Марии Михайловны, 1937 г.р.). Возможно, старые книги сохранились у потомков прежних чтецов. По описаниям, книги были больших размеров, напечатаны или написаны старославянским шрифтом («латиницей»): *«А эти же книги все старые по-латински написаны»* (д. Сойга, зап. от Мизевой Анастасии Ивановны, 1934 г.р., родилась в д. Конопля). Некоторые старушки читали молитвы по памяти, никаких книг не имели: *«[Книги читают?] Озѣ, асланым воляись мийѣ кужам, сьылам»*. («Нет, по своей воле мы умеем, поем») (д. Сойга, зап. от Лесниковой Клавдии Федоровны, 1921 г.р.).

Поздние издания церковной литературы на Лупье мало распространены. Современные чтецы пользуются в основном собственными тетрадными записями и читают молитвы по памяти. Нам удалось посмотреть записи двух женщин из п. Жемчужный. И в тех и в других помимо молитв есть тексты заговоров, медицинские рецепты, взятые из периодических изданий и различных сборников. В тетрадях зафиксированы молитвы, которым их

научили родители, а в одной из них, кроме этого, есть тексты, переписанные из старых книг.

В местной традиции глубоко почитаются иконы. Божницы есть в каждом доме, часто не только в комнате, но и на кухне. По обычаю дети получали иконы от родителей вместе с благословением во время замужества или женитьбы, пожилые люди благословляли (дарили) иконы близким родственникам и знакомым. В настоящее время у лупынцев можно увидеть разнообразные виды икон. Наиболее старые – это медные кресты и складни, деревянные иконы, медальоны. Имеется много современных церковных православных икон. В передний угол также выставляются репродукции икон и изображения святых, взятые из журналов и газет. В целом такое разнообразие культовых предметов характерно для всех северных коми-пермяков. Кроме общего термина «ен» – ‘икона’, ‘бог’, для обозначения медного креста используются названия «Христос» или «Исус», для складных икон и их частей – «Собор». В единственном варианте было зафиксировано наименование иконы Божьей матери «Миколой», оно употреблялось по отношению к изображению на медном медальоне и на деревянной иконе.

Нательные кресты лупынцы приобретают в церквях. Не все пожилые жители считают нужным постоянно носить их. Приведем ответы нескольких человек на вопрос, носят ли они крест: *«Носила, да сейчас не ношу»* (п. Верхний Будым, зап. от Златиной Евдокии Николаевны, 1929 г.р.); *«Ношу. Кёр праздник, кёр кагасё понда пыртны. Каждый деньсё ог. Тён баня вёлі, снимиті да эг эшö кышал»*. («Ношу. Когда праздник, когда ребенка крещу. Каждый день – нет. Вчера баня была, сняла и еще не одевала») (п. Жемчужный, зап. от Лесниковой Марии Терентьевны, 1952 г.р., родилась в д. Данилово); *«Вёлі, да мёйму ли одздзинё голясим усис»*. («*Был, но в прошлом или позапрошлом году с шеи упал*») (д. Мысы, зап. от Златиной Марии Михайловны, 1937 г.р.). То есть нательный крест применяется как один из атрибутов религиозных ритуалов, а для повседневной жизни считается не обязательным. Возможно, такое отношение к кресту является следствием

запретов советского периода. С умершего человека металлический нательный крест снимают, в гроб кладут по обычаю деревянный, вырезанный из можжевельника. В последнее время вместо деревянного стали использовать купленный в церкви пластмассовый крест.

Во время молений лупьинские коми-пермяки используют лестовки и чистые тряпочки, заменяющие им подрушники. Лестовки есть у немногих верующих, все они достались им от предков. При использовании лестовки существует особое правило: ее нельзя держать между указательным и средним пальцем, как курящие люди держат сигареты, а нужно между средним и безымянным, большим пересчитывая рубчики. Этот обычай объясняется представлениями о «чистом» и «нечистом», в которых курение имеет негативную оценку. Части лестовки истолковывают следующим образом: *«Три лепесточка. А вот так в каждом месте три делают. Тут сто шесть поклонов. Это потэк-то* [вероятно от слова *поткӧтны* – ‘колоть’, ‘расщепит’, т.е., имеется в виду ‘отделение’] *– поклон-то»* (д. Мысы, зап. от Златиной Анны Федоровны, 1928 г.р.). Лестовка обязательно кладется в гроб покойнику, даже если при жизни он не молился. Иногда умершего погребали с настоящей лестовкой, которой он пользовался в жизни, но в большинстве случаев она шилась специально. Для этого небольшую полоску светлой ткани собирают «в гармошку»; всего должно быть сорок рубчиков, каждый из них означает один поклон. Раньше, по-видимому, лестовки изготавливали для мужчин и для женщин, теперь – только для женщин. Объясняют это тем, что большинство мужчин грешны — курят, пьют и не молятся.

Вместо подрушника часто пользуются носовыми платками, их стелют на месте моления – на кровати, на столе, на стуле и т. п. Прежде умершим в гроб тоже клали подрушник, сейчас этого обычая нет. Во время наблюдаемого нами похоронного обряда на краю гроба был оставлен носовой платок, чтобы люди во время прощания прикладывались к нему руками и лицом, вытирали им слезы. Возможно, появление этого обычая связано с функцией подрушника во

время богослужения (не касаться «нечистых» вещей при поклоне), как и платка (не касаться руками и лицом гроба).

Во время многих ритуалов принято окуривать помещение, освященную воду, присутствующих людей и т. д. В качестве кадила используют ковшики или поварешки, в них жгут кедровую или лиственничную смолу, реже – веточки можжевельника, которые сами собирают в лесу.

У лупьинских коми-пермяков нет отдельного комплекса моленной одежды. Как и все христиане, они стараются надевать всё чистое, закрывающее почти всю поверхность тела, кроме кистей рук и лица (для мужчин – головы).

Религиозно-мифологические знания и представления

Верования лупьинской группы, как и остальных коми-пермяков, синкретичны, они сочетают традиционные народные представления и христианские, в том числе некоторые специфически старообрядческие. Древние мифологические воззрения сохраняются в поверьях о человеке, небесных явлениях, животных, демонических персонажах, в запретах, в комплексе ритуалов и т. д.

Множество устных текстов, записанных от лупьинцев в первом десятилетии XXI в., содержат повествования этиологического характера – они объясняют сложившийся в мире порядок: отчего бывают гром и молния, почему медведь похож на человека и т. п. Среди них стоит выделить архаичный мотив об оскорблении неба и отдалении его от земли, который в настоящее время от коми-пермяков можно услышать в очень редких случаях: *«Говорили, небо-то совсем близко было. Одна женщина на доме нянчилась. И ребёнок-то какал как бы. Руку марала [запачкала] сама нянька, и обтерла об небо. И после небо-то подняло»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья).

Аналогично многим народам лесных зон умеренной географической полосы, коми-пермяки в своих представлениях соотносили образ медведя с человеком. Такая параллель возникла не случайно, а вследствие наблюдений и получения объективных знаний о природе зверя. Медведь в своем поведении,

повадках, своим телосложением похож на человека¹. Творческой экспедиционной группой исследователей у лупьинских коми-пермяков был зафиксирован интересный вариант предания о перевоплощении молодоженов в медведей. Данный сюжет характерен для всего севера России. При этом надо отметить, что у коми-пермяков обыкновенно встречается вариант превращения свадьбы в волков, а не в медведей. В записанном варианте, кроме этого, говорится о том, что перевоплощение стало причиной появления данных животных на земле: *«...Медвежье мясо не ела. Медведь, говорит, произошел от человека. Как-то на свадьбе (всё это бабушка рассказывала), на свадьбе молодожёнов какая-то антихрист, колдунья ли какая-то была, и перевела их в медведя. Жена стала медведицей, а муж медведем. С тех пор, говорит, медведи появились»* (п. Жемчужный, зап. от Златиной Дии Степановны, 1949 г.р., родилась в д. Конопля).

Типичными можно назвать мифологические сюжеты о появлении пятен на луне: *«Девушка пошла по воду. Она была без отца, без матери, ее сильно обижали. Луна взяла да подняла на небо [ее]. Как будто бы так, но, люди говорят. Там и осталась. Там и [с] коромыслом вроде так стоит. Когда корошо, луна полнэй, смотришь – видно. Так и стоит на луне [с] коромыслом»* (п. Верхний Будым, зап. от Златиной Евдокии Николаевны, 1929 г.р., родилась в д. Мысы); *«У стариков такой разговор слышал. Там, значит, какая-то девушка молилась, чтобы приняла её туда [на луну]. Там правда как человек и есть»* (д. Сойга, зап. от Мизева Ивана Николаевича, 1935 г.р.); *«А луна-то иногда выйдет, да человек там воду ташишит, баба. Деревянные ведры-то»* (д. Сойга, зап. от Лесникова Ивана Маркелыча); и о причине возникновения грома и молнии: *«Илля-пролок едет, и по камню колесами как заденет – так и молния. Стукнется – грохнет [загремит]»* (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). В

¹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М., 2004. С.211-215.

последнем примере Илья Пророк – это уже православный персонаж, т.е. в тексте переплетаются народные воззрения и христианское учение.

Многие природные явления коми-пермяки раньше считали живыми, одухотворенными, поэтому в традиционных поверьях они выступали как самостоятельные персонажи, способные принести человеку добро или нанести вред. Например, верили, что радуга выпивает воду из водоемов и вместе с ней может случайно заглотнуть оказавшегося рядом человека: *«Ошка-мёшка [‘радуга’] воду, говорят, пьет. Туда не надо идти, может проглотить»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). У лупынецов достаточно долго сохранялись и такие древние мифические воззрения, как обожествление солнца и луны. Проявляются эти культы в обычаях моления на небесные светила, в поверьях об их воздействии на человека. Приведем примеры рассказов о подобных случаях.

1. *«Мать говорила: всё парни да парни, мужик не рад стал парнями. Да просила, как могла, девку. Я, говорит, выйду на улицу, на утреннюю зарю, говорит, встану на колени и молюсь: “Господь-батюшко, дай мне девку, одни парни, несчастье дома, мужик гулять стал, плоко с мужиком живём, дай, пожалуйста, мне девку”. Утром, говорит, на утреннюю, вечернюю на вечернюю встану на солнце, на зарю. И всё утро и вечер, говорит, молила на солнце, и получилась девка, родила»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья).

2. *«Одна женщина рассказывала, говорит, молилась на луну. <...> Или прокляла она, или она чё-то доброе котела от луны. А луна, говорит, больша, така светлая, как день. Я, говорит, на коленях стала, и стала молиться. Тут, говорит, ветер поднялся. Вроде бы ко мне ближе, ближе, ближе, ближе эта луна пускается. А у меня, говорит, собака была. Сторожем работала она. И всё эта луна ближе, ближе круг-тэ. Там, говорит, ведром как быдътэ, водой кто-то стоит женщина, показывается. И совсем, говорит, ближе. И такэй холод, говорит, стал. И холодом, говорит, бросило меня. Где сторожила, в будку зашла. Собака-то, говорит: и-и, и-и. Аж дрожит, говорит, вся. Потом,*

говорит, прошло обратно. Меня она предупреждала: на луну никогда не стань и не проси Бога ничего. Что надо, говорит, на солнце проси, солнце бог даёт, а на луну может тебя, не знаю, заморозить или что-нибудь вредить. Сын-то у ей утонул, и она спилась. Она как калека стала. Ноги отнялись от водки, и так и умерла. Перед этим, наверно, и было» (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р.; родилась в д. Верх-Лупья).

3. «А вот когда новолуние... Один раз, я никогда не болела, и ссала, и у меня стала изжога, и часто ссать стала. И я стала говорить [т.е. рассказывать, жаловаться]. Это, говорит, долго не держится, пройдёт. Я говорю, почему? — Ты, говорит, на луну ссала. Да, я говорю, ссала и луна светила. “Вот не надо было так. Надо берегаться от луны” (п. Кебраты, зап. от Кондюриной Веналины Васильевны 1939 г.р.; родилась в д. Верх-Лупья).

Самобытное поверье, бытующее среди жителей деревень Сойга, Мысы и Конопля, связано со старой сосной, растущей на кладбище. Во второй половине XX столетия главным сказителем и распространителем поверья был местный житель Иван Абрамович, который даже завещал похоронить себя под этим знаменательным деревом. Состояние сосны (рост, гибель) в предании соотносится с жизнью местных деревень или мира вообще. Рассказывается, что когда молодые деревья дорастут до верхушек сосны, или когда старая шапка-пожум (так называют эту сосну: *пожум* – ‘сосна’) упадет, то «много людей погибнет», «жизнь плохая пойдёт, тяжелая», «жизнь кончится» или наступит «конец света». Прежде, по народным преданиям, на кладбище уже погибли две сосны («как только сосна падала, в стране начиналась война»).

В этом поверье находит выражение архаичный мотив о «мировом дереве» или «древе жизни»¹, сосна здесь предстает своеобразным эпицентром бытия и оракулом, предупреждающим о несчастье. На других территориях у коми-пермяков тоже наблюдается почитание приметных, «заветных» и высаженных человеком деревьев, рубка которых запрещается, а нарушение запрета влечет за собой смерть людей. Сосну можно назвать «приметной» – это самое старое

¹ Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2002. С. 299.

дерево, наверно, среди всех растений трех деревень (Сойги, Мысов, Конопля). Не случайно и то, что она растет на кладбище. Возможно, с ней связаны первые захоронения на этом месте. Долгое время сосна служила ориентиром места расположения могильника, так как она была выше всех остальных деревьев на кладбище. Необычен и вид сосны – ствол ее скручен против движения солнца, когда-то она имела широкую крону и до сих пор поражает своей мощью и стойкостью, так как пережила ураган, поваливший рядом много деревьев. Именно под этой сосной похоронен местный «оракул», дед Абрам Вань, рассказы которого о конце света до сих пор помнят и охотно рассказывают местные жители: *«Абрам Вань говорил, дак ему никто не верил. Война будет, делают сейчас лес – дак как война, а потом будут друг друга убивать. Сейчас, видимо, такие года. Отец сына будет убивать, сын — отца. Раньше отец с сыном мирно жили, а сейчас-то так и есть. Война будет, останется только два человека, мужчина и женщина. И вот тогда будет корошая жизнь. То ли утонет земля вся, вся деревня, поселок. Или водой всё. А кто это знает? Когда это будет?»* (Мизева Анастасия Ивановна, 1934 г.р., д. Сойга); *«Абрам Вань говорил: “Сейчас лесом воюют, подряд рубят. А скоро буду людей убирать, тоже как лес. Война будет, друг друга убивать будут”. А так и получается. Щас телевизор слушаю, ни один день, чтобы не сказали: авария или кого-то убили. Охо-хо! Сколько погибает без войны».* (Мизев Николай Иванович, 1938 г.р., д. Конопля); *«Абрам Вань всё приходит: “Миша, скоро ведь не будет советской власти”. – “Иди, иди, скотинушка, чё ты говоришь. Такая крепкая советская власть, как это разрушится! Как разрушится?” — “Вот посмотришь. Меня уже не будет а. У богатых будут магазины”. Вот так и стало. А когда-то еще говорил, что на столбах будут биез сотчины (огни гореть). Также стало! Поселок еще не был. Говорит, там будет огонь гореть на столбе. Точно! Говорил, что если сосна упадет, жизнь кончится. Говорят, верхушка уже обломалась».* (Остапова (Минина) Вера Алексеевна, 1938 г.р.д., д. Конопля); *«Абрам Вань был, всё говорил, тут и будут такие летать железные птицы, и этот будет всё пожум стоять. Сам бедный умер.*

Кожаные деньги будут. Потом, говорит, такой день будет, плохо будет жить очень, потом опять хорошо, а потом вообще земля будет в огне гореть, будут умирать и погибать, войны не надо будет. И как будто знал он всё (Лесникова Мария Терентьевна, 1952 г.р., п. Жемчужный).

Живучесть религиозно-мифологических воззрений лупьинцев проявляется не только в сохранении передающихся из поколения в поколение мифов, но и в суждениях современников. Наглядным примером может быть следующее размышление о звездах: *«А звёзды-то что, я кочу у вас спросить. Что это? Свечи-то горят может это? Себе размышляю как-то. Что за звёзды, где? Это, наверно, у Бога свечи. Падают, падают. Тридевять аминь, говорит, надо читать, а не успеешь [пока звезда падает]...»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья).

Древние традиции сохраняются и в социальных ролях мужчин и женщин, в народных стереотипах о них: *«Женщина, говорит, длинноволосая колдунья. Если женщина глазит, даже трудно уже лечить человека. А мужчина – как ангел. <...> Женщине дорогу нельзя перейти. А из дому выйдешь, если мужчина встретится, или дорогу перейдёт – весь день хорошо человеку. А женщина – всё – плохо. Это примета есь. Если на охоту идёт ружьём человек, женщина попала навстречу, уже зря в лес пойдёт. Это говорили, слыхала. Если мужик, с ним хоть здоровайся, хоть говори, всё равно уже человеку хорошо будет»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). Народное мировоззрение разграничивает женские и мужские способности, занятия, статус в обществе. Часто представление о женщинах и мужчинах строится на основе противопоставления их черт и выделения отличий одних от других, поэтому женщина считается загадочной и «нечистой», а мужчина – «правильным» и «положительным».

Наряду с мифическими мотивами лупьинцам известны тексты Священного Писания и передающиеся устно варианты легенд народного православия. Тексты Библии грамотные люди прежде зачитывали остальным, затем они передавались изустно: *«У нас у бабушки дедушки, вот как далеко уже они, они*

всякое рассказывали. Дедушко рассказывал. <...> Говорит, посадит, и читает да читает, да читает» (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). Пересказы свидетельствуют о достаточно подробном знании старожилками библейской истории: *«Исус Крестосылён батыйс лэбалёма над водой, и земляыс абу вёлём. Ся шуёма, да пё будет пускай земля. И земляыс лоёма. Небо сперва шуём, пускай пё будет небо. Небоыс лоём, эсся земля. Водаыс вёлёма без дна. Да ся шуёма, пускай пё будет дно в воде. И ся дноыс лоёма. Между водой и дной будет пускай просторно. Сэсся пыдёс лоём песок, муыс»*. («Отец Иисуса Христа летал над водой, а земли не было. Он сказал, да пусть будет земля. И земля появилась. Сначала сказал, пусть будет небо. Небо появилось, потом земля. Вода была без дна. И сказал, пусть будет дно в воде. И дно появилось. Между водой и дном пусть будет просторно. Потом дно появилось, песок, земля...») (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья).

Народные легенды, бытующие у лупьинцев, посвящены в основном следующим темам: 1) путешествие Стефана Пермского по реке; 2) объяснение «чистоты» и «нечистоты» разных животных, продуктов; 3) изменения в мире и конец света; 4) явление святых людям. В целом они типичны, похожие повествования широко распространены среди православного населения России. Их тексты будут приведены в следующем выпуске. Остановимся на образе Бога в воззрениях изучаемой локальной группы.

Для коми-пермяков в целом присуще неоднозначное представление о Боге. *Ен* – ‘Бог’ – это и его изображение (т. е. икона), и некая небесная сила, имеющая антропологический образ. Так называют иногда Христа и разных святых, которых тоже считают всесильными. У лупьинских коми-пермяков нам удалось услышать следующее рассуждение о Боге, в котором его отличают и от Иисуса Христа, и от святых ревнителей христианства: *«Главный ведь – отец – небесный царь, у Исуса Креста. А он, бог-ыт, невидим, его никто не видит. <...>. Николай Чудотворец <...>, Илья Пророк тоже его рабочие. Они – не*

бог» (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). Среди верующих людей вера в Бога воспринимается как нечто истинное, без чего нельзя жить, то, что помогает человеку в опасных и сложных ситуациях: *«Мой сын говорил другому брату, мол, ты в Бога веришь, знаешь? Когда, говорю, материтесь Богом и что!.. Я, говорю, верю в Бога. Если бы Бога не было, так нас бы не было. Да?! Куда пойдешь, когда греметь начнет, тоже господи читаешь...»* (д. Мысы, зап. от Златиной Марии Михайловны, 1937 г.р.).

Представление о грехе у лупынцев мало соответствует православным традициям (нарушение религиозных заповедей), оно скорее отражает морально-этические принципы общества: *«Грех, примерно: нельзя людей рассуждать; нельзя зря смеяться над человеком, тоже грешно; нельзя вредить. Вот, говорит, зайдёшь, вороту надо закрыть, чтобы чужая скотина не попала, чтобы козьяке ничего не вредило. Всё надо как своё, так и людям добро думать, тогда, говорит, уже грек не так будет. Самэй сильнэй грек, говорит, если человек замужней и гуляет другим мужиком, и узнает и бьёт свою жену сильно, вот самый сильный, говорит, што человека убил, што у пары любов убивают, отнимают...»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья); *«...Аборты, еще не надо лешииться [«отправлять» к лешему]. Проклинаться и лешииться не надо, это тоже грех»* (п. Жемчужный, зап. от Златиной Дии Степановны, 1949 г.р., родилась в д. Конопля).

Присущее лупынцам религиозно-мифологическое сознание, распространение среди них легенд о появлении в будущем железных птиц и коней и т. п., их отдаленность от крупных центров нередко приводили к курьезным ситуациям. Новые технические средства воспринимались ими как проявления нечистой силы и как знаки наступления конца света, о чем повествуют рассказы свидетелей. Жители Мысов часто рассказывают о том, как впервые в этих местах появился самолет (*«К нам перед войной сел эрэплан на поле, и старухи пришли смотреть, в кокошниках. Летчики с кожаными*

сумками на боку, сами в кожаном, кокошники эти трогают» — И. Г. Мизев, 1928 г.р.). В рассказе о верующей бабушке воспроизводится представление о самолетах как железных птицах, как вестниках конца света: *«Когда-то ероплан начал лететь, над Керосом как раз летел. Она легла в енуго́л, где божница, в тот угол легла, руки сюда положила. Всё, говорит, щас будем умирать. От шуму, и что летит железная птица»* (п. Жемчужный, зап. от Златиной Дии Степановны, 1949 г.р., родилась в д. Конопля).

Аналогично воспринималось появление радио: *«...И вот она когда немоглой совсем стала, сын забрал в Гайны бабушку. Потом её привезли в Шордын, в Шордыне внук был. Она рассказывала. Работать-то черти, говорит, приходили ко мне. Я говорю: “Как черти приходили, какие черти ешэ, ты видела?” А так-ту, говорит, на вид-то не видела, а я, говорит, испугалась да в подпол залезла. Стали громко говорить. Свету, видимо, не было, а радио-то включоный остался. Это радио-то начало говорить, а она думала – черти пришли. И в подпол спряталась. Кручу, говорит, голову-то тряпкой, всё говорят, всё ближе и ближе ко мне кажется. Я, говорит, там чуть с ума не сошла. Потом сын-то пришёл: “Мама, зачем туда полезла, в яму-то?” – “Да черти-то пришли. Полная хата ведь чертей”. – “Какие черти, где?” – “Дак вон, – говорит, – не слышишь что ли? Громко поют, пляшут, смеются. Надо мной, – говорит, – они всё это. Ко мне же они пришли”. – “Мама, – говорит, это радио, радио”. Первый день, ночью привезли, видимо, на работу-то ушли, она ешо не слыхала, видимо, радио-то, и всё – испугалась от радио-то»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Галины Арсентьевны, 1939 г.р., родилась в д. Верх-Лупья).

Своеобразие традиций в обрядах и обычаях

Некоторые уникальные черты религиозной традиции лупьинцев отражаются в их обрядности. Их обряды, конечно, сочетают разнородные компоненты. В данном случае назовем только те, которые в большей степени характерны православной и старообрядческой культуре.

Многие лупьинские коми-пермяки по сей день предпочитают крестить новорожденных у местных бабушек. Эта традиция укрепилась в советский период. Ребенка обязательно полностью окунают в воду и наливают немного купельной воды ему в рот. В погребальном обряде, кроме упомянутого выше обычая хоронить с лестовкой, подрушником и деревянным крестиком, существовала традиция одевать умершего в саван и пеленать нитками: *«Раньше рубаку надевали, какой-то дубасок и саван. Саван сквозную зашьют, капишоном. [На] саван пуговички не шьют, вместо пуговичей ниткой, как пояс»* (д. Мысы, зап. от Златиной Анны Федоровны, 1928 г.р.). Теперь вместо савана женщинам поверх одежды надевают распашной халат, мужчин хоронят только в современном костюме.

В народном быту сохраняется обычай благословения. Благословение просят у бога перед началом любого дела, благословляют отправляющихся в путь, молодоженов, старики перед своей смертью – детей и внуков на дальнейшую жизнь: *«Благослови Христос, – вышел с таким благословением из дому – в лесу не бойся...»* (д. Сойга, зап. от Мизева Ивана Николаевича, 1935 г.р.); *«Девкам благословение дала. “Господи Сусе” говоришь, клемом еще. Икону руку дала и клем булку»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Анны Михайловны, 1924 г.р., родилась в д. Косасочем); *«Она у меня на руках умерла. Благословила меня, крестик мне на шею повесила. Сказала, вот я тебя благословляю, никогда не воруй, никогда ни с кем не ругайся, дома чтобы всегда были спички, дрова, мука, соль. За этим к соседям не ходи просить...»* (п. Жемчужный, зап. от Златиной Надежды Прокопьевны). Для многих благословение остается привычным, постоянным и необходимым элементом, предваряющим любую деятельность, что отличает лупьинцев от других групп коми-пермяков, у которых благословению придается меньшее значение.

Следует отметить, что помимо благословения, некоторые лупьинцы не чуждались и проклятий, о чем повествуют их рассказы: *«Она проклёная душа, я ее очень сейчас ругаю. <...> Как обидно, что зря говорят. Я всё равно ее*

проклела. Проклетая душа, пускай сдохнешь, будешь сдыхать да пускай мучаешься, – так молилася...» (д. Конопля).

Среди пожилых людей существовал обычай «отмаливания грехов» перед березой, его появление, скорее всего, связано с влиянием старообрядчества. В представлениях современных лупьинских коми-пермяков этот обычай воспринимается не только как раскаяние, но и как передача дереву накопленного греховного бремени, связывается с магическими знаниями людей: *«Вот эта бабушка очень многих лечила, и лечить может тоже грех, не знаю. Или у нее свои грехи были. Она уже старенькая стала, немощная. Я вот однажды ее видела. С матерью мы шли за вениками. У нас под Коноплей стояла берёза одинокая. Она, подойдя к этой берёзе, стала молиться. На берёзу молилась. И прямо потом спустилась на коленки. Я говорю, вон мама, бабушка молится что ли. Так, говорит, грехи отмаливают берёзе, каются. Видимо, забирает. Это дерево потом нэ сохнет и падает. И дерево сейчас действительно высохло и упало»* (п. Жемчужный, зап. от Мизевой Надежды Михайловны, 1963 г.р.). Обращение к березе само выступает как чудодейственный акт, в результате которого происходит обмен «жизненной силой» между человеком и деревом: береза не только, подобно Христу, страдает за человека, но и «очищает» его духовно и телесно, дает ему здоровье.

Среди большинства верующих коми-пермяков наиболее употребительными молитвами являются «Отче наш» и «Воскресная», лупьинцы же, говоря о молитвах, чаще называют «Начал» или «Господи Сусе», а остальные они обычно используют в определенных ситуациях или ритуалах. Приведем пример перечисления молитв, которые отсчитываются по лестовке: *«Сначала первая молитва “Боже милэстив”, потом “Достойно”, потом “Слава отцу”, потом “Господи помилуй” два раза, потом “Слава отцу” опять, потом “Пречистая троица помилуй нас”, потом опять “Господи помилуй” три раза, потом “Отче наш”, после “Отче наш” «Оставший от сна, припадаем ти блажа ангельскую молитву», потом “О сна”, потом “Господи помилуй” 12 разов, потом “Помилуй меня боже”, потом “Верую”,*

потом “Богородица дева радуйся”, потом опять “Достойно”, потом молитву “Радуйся”, потом опять “Слава отцу, тожно осалабле...” (д. Мысы, зап. от Златиной Анны Федоровны, 1928 г.р.).

Выражением веры являются также пищевые запреты. Прежде, по-видимому, существовало характерное для многих старообрядцев негативное отношение к картофелю, о чем сейчас осталось только воспоминание: «*Раньше картошку говорили — это собачьи яички*» (д. Мысы, зап. от Златиной Анны Федоровны, 1928 г.р.). В поминальной кухне присутствует запрет на использование зайчатины и свинины. Зайца называют собакой лешего, поэтому его считают нечистым зверем: «*Кӧчыс пӧ дядьыслӧн пон. Вот и оз тшӧктӧ касьтисьны кӧчнас*». («Заяц, мол, это собака дяди. Вот и не разрешают поминать зайчатиной») (д. Мысы, зап. от Мизевой Марии Михайловны, 1937 г.р.). Существует и другое объяснение запрета охотиться на зайцев: «*Кочӧс виян, значит парасис, кӧда кольччӧ ӧтнас, сӧя виисьсӧ проклинайтӧ...*» («Зайца убьешь, значит из пары который останется один, он убийцу проклиняет...») (п. Жемчужный, зап. от Мизева И.Н., 1931 г.р.). Оно аналогично известному коми-пермякам мотиву о мести птицы. Скорее всего, в данном случае охотничий мотив был переформулирован вследствие религиозной актуализации пищевого запрета на употребление зайчатины. Запрет на свинину объясняют одним из сюжетов народной православной легенды о преследовании Иисуса, в которой свинья откопала прятавшегося под слоем земли Христа: «*Озӧ касьтысьӧ токо порсьнас. Порсьыс тожӧ мыйкӧ вред керӧма богыслӧ. Кошишӧма пӧ нырнас мусис Исуссӧ*». («Не поминают только свининой. Свинья тоже какой-то вред принесла Богу. Искала рылом в земле Иисуса») (п. Верхний Будым, зап. от Логиновой Марии Кирилловны, 1929 г.р., родилась в д. Верх-Лупья). Отличительной чертой традиции лупьинцев является употребление щуки для поминального пирога, тогда как большинство коми-пермяков называет ее нечистой, хищной рыбой и стараются не включать в состав ритуальной трапезы. По представлениям лупьинцев, сакральное значение щуке придает кость в форме креста, находящаяся в ее

голове: *«Говорят, налим – нечистая. Налим ест пропашую падину. А шука нет. Есь крест обоик сторонак этик местак. Если поминать родителей, большинство из шуки пекут пироги»* (п. Кебраты, зап. от Мизевой Марии Ильиничны, 1921 г.р., родилась в Кудымкарском районе, жила в д. Мысы).

Итак, религиозная традиция лупьинских коми-пермяков богата и разнообразна. Конечно, данный очерк демонстрирует далеко не полный комплекс их религиозно-мифологических воззрений и ритуалов, но тем не менее он позволяет определить несомненное сочетание в их культуре церковных православных, старообрядческих и народных мировоззренческих элементов. Нельзя однозначно утверждать, что современные лупьинцы являются староверами, они и сами не считают себя таковыми. Скорее всего, прежде в их среде существовала достаточно крепкая религиозная община, следовавшая принципам «старой веры» и способствовавшая укоренению многих ее элементов. Особенностью их раскольнического направления мог быть «диалог» с Русской православной церковью, в результате чего сформировался такой вариант культовой жизни, в котором разные идеологические элементы дополняют друг друга.

Сложившаяся у лупьинцев система культовых отношений основывается, прежде всего, на непрестанном следовании сложившейся традиции, функционирование которой связано с преемственностью знаний и опыта предшествующих поколений в лице наиболее активных представителей группы. При этом все-таки неизбежно появление нововведений, упрощение старых вариантов религиозных обрядов, что связано с общим историческим развитием.

В религиозной жизни лупьинцев можно выделить общие с остальными группами северных коми-пермяков черты, в том числе относящиеся и к старообрядческой культуре. Но старообрядческие компоненты у них выражены

четче, и характер их исполнения более последователен, преобладают они в обрядовой сфере.

Раздел 2. МЫСОВСКО-ЛУПЬИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

2.1. Из истории изучения лупьинских говоров

По современным представлениям, на территории Лупьи-Мысов сохраняется особый диалект коми-пермяцкого языка, отличный от других северных коми-пермяцких диалектов – кочёвского и косинско-камского. Первым публикатором данных и исследователем мысовско-лупьинского диалекта следует признать известного финского ученого Т. Е. Уотила, который во время Второй мировой войны собирал лингвистический материал среди военнопленных пермяков и зырян, солдат, попавших в 1941-1942 гг. в финский плен. Его информантом по нашему диалекту был Н. Дёмин из д. Конопля. В двенадцати опубликованных текстах¹ зафиксирован весьма интересный языковой материал, запечатлено немало фонетических и морфологических признаков диалекта. Записи произведены в фонетической транскрипции, основанной на латинской графике, и переведены на немецкий язык.

Как самостоятельную единицу проф. В. И. Лыткин в составе северной (косинско-камской) диалектной группы выделил лупьинский говор. Надо полагать, что под ним В. И. Лыткин имел в виду как собственно лупьинский, так и мысовский говор. На это указывают следующие слова ученого: «...лупьинский говор, распространенный в бассейне р. Лупьи и занимающий один сельсовет (Мысовский)». Ученый отмечал, что лупьинский говор отличается от прочих северных коми-пермяцких говоров следующим: ударение в значительной мере свободное при некоторой тенденции ставить его на первый слог; суффиксом множественного числа существительных является -

¹ Syrjänische Texte. Band I. Komi-permjakisch. Gesammelt von T. E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. Helsinki, 1985. S. 2-13.

йэз: *мортьэз* — люди, *лыз'йэз* — лыжи и т.д.; деепричастным суффиксом является -иг (*мунигас* — ‘когда он шел’, *гöригас* — ‘когда он пахал’); в порядковых числительных употребляется только суффикс -öдз'-: *н'ол'öдз'* — четвертый, *кват'öдз'* — шестой; употребляется много слов, тождественных словам коми-зырянских говоров: *гач'* — штаны, *с'ус'* — умный, расторопный и т.д.¹. В опубликованных В. И. Лыткиным материалах прослеживаются разнообразные отличия мысовско-лупьинского диалекта от других севернопермских диалектов. Следует отметить, что ученый считает лупьинский говор одной из разновидностей северной коми-пермяцкой группы говоров: «... Лупьинский говор это не какой-то особый говор, а одна из разновидностей северной коми-пермяцкой группы говоров. Остальные говоры северной диалектной группы стоят друг к другу значительно ближе, чем лупьинский, однако из-за отсутствия проверенных данных мы не имеем возможности выделить другие говоры в составе северной диалектной группы»².

В 70-90-х гг. XX в. тщательный анализ дробления пермского диалектного ландшафта произвела Р. М. Баталова, видный специалист в области коми-пермяцкой диалектологии. Исследовательница, обратив внимание на ряд фонетических и морфологических особенностей местной речи, выделила на исследуемой территории мысовский и верх-лупьинский диалекты как два самостоятельных³. Она отмечала, что верх-лупьинский диалект является самым северным и относится к числу окраинных, распространен в Мысовском сельсовете - в селениях Верх-Лупья, Пурга, Коса-Сотчом, Ягдын, Шордын. В силу географической близости в диалекте представлены некоторые черты коми-зырянского языка (от Верх-Лупьи до ближайшего коми-зырянского селения Дзель всего около 20 км.).

¹ Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем. / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. I. С. 25.

² Там же.

³ Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. С. 216-220.

По мнению Р. М. Баталовой, верх-лупьинский диалект отличаются следующие фонетические особенности:

- 1) более частое употребление звука [в] как вставочного: *юван ювисö* ‘квасу выпили’;
- 2) наличие варианта [л] — [l] (л среднеевропейского): *лунын* ‘днём’;
- 3) активное употребление звука э на месте ö в непервом слове слова: *маме* (вм. *мамö*) ‘мама’, *дойме* (вм. *доймö*) ‘болит’;
- 4) стяжение гласных или выпадение их: *пуктын* (вм. *пуктыны*) ‘положить’;
- 5) неусвоенность звука [p']: *зыранка* (вм. *зыр'анка*) ‘зырянка’;

Среди морфологических особенностей Р. М. Баталова отмечает использование падежного суффикса -ись в исходном падеже: *Лупись* ‘из Лупы’; употребление лично-притяжательного суффикса 1-го л. ед.ч. -э (е) и редкое использование варианта -öй: *Иванэ* ‘мой Иван’, *оной* (надо *онöй*) ‘мой сон’; краткие формы -т и -с лично-притяжательных суффиксов 2-го и 3-го л. ед. ч. -ыт и -ыс: *то начат* (надо *чачат*) (вм. *то чачаыт*) ‘вот твоя игрушка’; образование сравнительной степени у прилагательных с помощью слов: *виа нин, вылті, ёна, диво, медся*; образование относительных прилагательных с помощью суффикса -эвэй: *кёртэвей* (надо *кёртэвэй*) ‘железный’; наличие основы- и на- у личного местоимения 3-го л. мн. ч. *ніа* ‘они’, *са: да налön эная* ‘да у них это’, *мед са висьталас* ‘пусть он скажет’; более частое (по сравнению с южными диалектами) употребление глагольного суффикса -ась: *гижасьны* ‘расписаться’; существование деепричастного суффикса -игön (чгön (надо - *ігön*)): *олигён* (надо *олігön*) ‘живя’. Ею выявлено наличие у дательного падежа окончания -лö и -лы: *налы сетны* ‘им отдать’; использование специфического послелога *ног* (ср. южн. *моз*): *сякёй* (надо *сякöй*) *ног* ‘по разному’, употребление послелога *пиньди* ‘из-за’, разрушение серийных послелогов на *выл-*: *горылын* (вм. *гор вылын*) ‘на печке’. В диалекте отмечены специфические частицы *нин, но*, частицы *мед* ‘пусть’.

Вслед за Р. М. Баталовой лупьинский диалект в составе северного наречия коми-пермяцкого языка, наряду с косинско-камским, был выделен А. С. Кривошековой-Гантман и Л. П. Ратеговой в их учебном пособии «Коми-пермяцкие говоры» (Пермь, 1980). Исследователи главное отличие между этими диалектами видели в том, что в лупьинском диалекте функционируют явления, свойственные зырянским диалектам, а в косинско-камском этих явлений не наблюдается.

Активное изучение мысовско-лупьинского диалекта разворачивается в конце XX – нач. XXI вв. Лексика мысовско-лупьинского диалекта подробно была исследована в кандидатской диссертации Е. Н. Федосеевой¹ в 2000 году. Исследователем на полевом диалектном материале, собранном в регионе в 1999, 2000, 2001 г., описана лексическая система северного наречия коми-пермяцкого языка с точки зрения происхождения, выявлены её основные тематические группы, рассмотрены эмоционально-экспрессивная лексика, русская заимствованная лексика, охарактеризованы современные процессы развития. Кроме того, Е. Н. Федосеевой было рассмотрено распространение диалектных слов, позволившее на лексическом уровне выделить наиболее чётко очерченные ареалы. Как указала исследовательница, мысовско-лупьинский ареал имеет свою специфику не только на фонетическом, грамматическом, но и на собственно-лексическом уровне. Прежде всего, это связано с коми-зырянскими лексическими включениями: *аски* ‘завтра’, *чӧж* ‘во время чего-либо, в течение чего-либо’, *гӧгӧрвоны* ‘понимать, понять’, *гач* ‘штаны’, *гудок* ‘гармонь’, *дерт* ‘конечно’, *кырсалны* ‘гулять, развратничать’, *пач* ‘печь’, *рушку* ‘живот, брюхо’, *сӧмын* ‘только’, *сӧрны* ‘врать, лгать’, *скор* ‘злой, сердитый’, *коньӧр* ‘бедный, жалкий’, *понтшак* ‘поганка’ и другие. Е. Н. Федосеева выделила также собственно мысовско-лупьинские лексические изоглоссы: *айкаа* ‘замужняя’, *айкатӧм* ‘незамужняя’, *вугыр гаг* ‘дождевой червь’, *шерба* ‘уха’. Кроме лексических, для слов, имеющих семантику,

¹ Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ...канд. филол. наук. Сыктывкар, 2002.

отличную от коми-пермяцкой и тождественную коми-зырянской, ею выделены и семантические изоглоссы — *кӧсйыны* ‘хотеть’, *лыддьыны* ‘читать’, *кулюбук* ‘гриб валуй’.

Исследовательница указывает, что мысовско-лупьинско — коми-зырянские изоглоссы носят, скорее всего, ареальный характер происхождения, то есть являются заимствованиями, поскольку мысовско-лупьинские говоры граничат с коми-зырянскими, а жители граничащих территорий до недавнего времени имели постоянные контакты, мысовцы и верх-лупьинцы женились на коми-зырянках, и выходили замуж за коми-зырян. Если предположить, что мысовско-лупьинские говоры первоначально были образованы в результате смешения коми-пермяцкого и коми-зырянского населения, то мысовско-лупьинско — коми-зырянские изоглоссы являются генетическими по происхождению. Ею же выявлены мысовско-лупьинско — нижеиньвенские изоглоссы, которые носят ареально-генетический или ареальный характер. По версии исследователя, процесс распространения изоглосс в нижеиньвенские говоры был осуществлен в то время, когда территория смежных современных соликамских говоров (русских) была занята коми населением. Таким образом, мысовско-лупьинско-нижеиньвенские изоглоссы являются довольно архаичными.

Как отмечает Е. Н. Федосеева, к 2000 г. территория верх-лупьинского диалекта оказалась оставленной его носителями, и население, ранее относившееся к двум разным территориально-языковым образованиям, стало проживать совместно. Среднее поколение носителей верх-лупьинского диалекта уже в детстве или подростковом возрасте перешло на территорию, населённую носителями мысовского диалекта и поэтому почти утратило в своей речи языковые особенности верх-лупьинского диалекта. Смешению данных образований способствовало и то, что мысовский и верх-лупьинский диалекты и раньше были в постоянных тесных контактах и не имели больших различий. Их слияние протекает вполне естественно, тем более что местное население значительно превосходит относительно недавно поселившееся здесь

верх-лупьинское. Учитывая то обстоятельство, что определённое количество носителей верх-лупьинского диалекта сохраняется, несмотря на проживание на территории другого диалекта и на утрату в связи с этим некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей своего языка, для обозначения новой территориально-диалектной реальности, возникшей в северной части коми-пермяцкого языка, Е. Н. Федосеевой и был введён рабочий термин «мысовско-лупьинский диалект», обозначающий новую территориально-диалектную реальность, возникшую в результате различных социально-экономических процессов¹.

Е. Н. Федосеева указала на чрезвычайную ценность лексического материала и северного наречия коми-пермяцкого языка в целом и мысовско-лупьинского диалекта в частности. Реликтовые черты, сохранившиеся в говорах, могут помочь в исследовании словарного состава пракоми, прапермского языков, при изучении проблем языковых контактов и тем самым дать возможность глубже проникнуть в историю языка. Эта лексика является ценным материалом, отражающим особенности духовной жизни, хозяйственного уклада, социальной организации северных коми-пермяков.

В 2002 г. фонетическая система и морфологическая структура мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка были подробно исследованы в кандидатской диссертации Л. Г. Пономаревой «Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка» (Ижевск). Исследование выполнено на материале, собранном автором во время полевых экспедиций в 1999-2002 гг. непосредственно от носителей описываемого диалекта, главным образом, от людей старшего и среднего возраста.

Как отмечает исследователь, селения, где распространён мысовско-лупьинский диалект (пос. Жемчужный, деревни Мысы, Конопля, Сойга, располагаемые весьма компактно друг от друга, через 0,5 км), имеют несколько

¹ Федосеева Е. Н. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика-9: вопросы пермской и финно-угорской филологии: межвуз. сб. научн. трудов / Мин-во образов. РФ. Удм. гос. ун-т, каф. удм. языка и методики его преподав. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский ун-т», 2000. С. 431.

изолированное географическое положение. Все они входят в состав Кебратского поселкового совета Гайнского района. Общая численность населения этих пунктов по данным 2001 г. составляет 484 человека. Они расположены вдали как от остальных севернопермских населенных пунктов, так и от ближайших коми-зырянских селений. По ряду фонетических и морфологических особенностей рассматриваемый диалект делится на 2 говора: мысовский и лупьинский. Носителями мысовского говора, как указывает Л. Г. Пономарёва, являются коренные жители деревень Мысы, Конопля, Сойга, а также переселенцы с ныне не существующих деревень Тошиб, Еныб, Пашкыб. К представителям лупьинского говора относятся переселенцы с ныне не функционирующих деревень Верх-Лупья, Пурга, Коса-сотчём, Харин, Шурга шор сай и Мёдгорт, проживающие в настоящее время в тех же самых населенных пунктах, что и носители мысовского говора. Ко времени, когда оказались заброшенными деревни В-Лупья, Пурга и Коса-сотчём, язык мысовцев и лупьинцев в условиях совместного проживания оказался подвержен взаимовлиянию. В то же время при некоторой нивелировке язык мысовских и лупьинских пермяков сохраняет отдельные особенности, в связи с чем и целесообразно выделение внутри мысовско-лупьинского диалекта мысовского и лупьинского говоров. Выделение двух диалектов (автор идеи — Р. М. Баталова) имело некоторые основания для того времени, когда еще были населены деревни В-Лупья, Пурга и Коса-сотчём. Перечисленные поселения в силу разных причин оказались заброшенными, и вот уже более четверти века носители лупьинского и мысовского диалектов живут совместно на территории распространения мысовского говора. В этих условиях язык мысовцев и лупьинцев, безусловно, оказался подвержен взаимовыравниванию. Подобное выравнивание стало вполне естественным, ибо мысовский и лупьинский (верх-лупьинский – в терминологии Р. М. Баталовой) «диалекты» и прежде находились в постоянном контакте и не имели больших различий. К тому же, некоторые мысовские и лупьинские пермяки давно вступали в браки, проживали бок о бок еще и раньше, начиная с 1930-х гг.,

когда появляются леспромхозы и строятся поселки Шордын (1930), Мыс-лес (1962), Жемчужный (1962), Верх-Будым (1952), Ягдын (1963). При этом лупьинцы уезжали работать и жить в эти леспромхозы. В настоящее время мысовские и лупьинские пермяки оказались объединены территориально и в бытовом отношении.

Осуществлённый Л. Г. Пономаревой анализ фонетической системы и морфологической структуры мысовско-лупьинского диалекта показывает, что он обладает языковыми чертами, свойственными как северным говорам коми-пермяцкого языка, так и соседнему верхневычегодскому диалекту коми-зырянского языка, носители которого в прошлом имели тесные контакты с мысовско-лупьинскими пермяками. В силу особого географического положения (взаимодействие с эловыми говорами верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка на севере, с говорами косинско-камского диалекта севернопермяцкого наречия на юге, с территорией, заселенной русскими на западе и на востоке) мысовско-лупьинский диалект вобрал в себя языковые явления, свойственные и севернопермяцким диалектам, и коми-зырянским диалектам. Мысовско-лупьинский диалект сохраняет к настоящему времени специфические фонетические и морфологические особенности, позволяющие выделить его в качестве самостоятельной единицы в диалектной системе коми-пермяцкого языка.

2.2. Диалектные особенности местных говоров

В разделе представлено описание фонетической системы, морфологической структуры и лексического состава мысовско-лупьинского диалекта. Проведённый анализ показывает, что данный диалект имеет сходные явления как с севернопермяцкими, так и с некоторыми коми-зырянскими диалектами (в частности, с верхневычегодским, примыкающим с севера к рассматриваемой территории). Наряду с этим, мысовско-лупьинский диалект обладает рядом специфических черт, которые позволяют выделить его в

качестве самостоятельной диалектной группы в системе севернопермского наречия.

Фонетическая характеристика диалекта

Система гласных мысовско-лупьинского диалекта представлена теми же семью фонемами, которые встречаются в современных литературных коми языках, а именно: *и, ы, у, э, ё, о, а*. По произношению и на слух они не отличаются от своих литературных эквивалентов, однако в употреблении гласных звуков имеют место свои особенности. Это стяжение гласных, корреспонденция гласных, варьирование гласных в первом слоге. Свои особенности имеет и словесное ударение.

Стяжение гласных

Если на стыке морфем образуется зияние, иначе говоря две гласные оказываются рядом, то в говорах мысовско-лупьинского диалекта спорадически происходит стяжение — выпадает один из этих гласных, напр.: *вунді чарлан* ~ *чарлаён* (коми-пермское литературное *чарлаён*) ‘(я) жала серпом’; *мунам котомкан* ~ *котомкаён* (коми-пермское литературное *котомкаён*) ‘идем с котомкой’; *олё Гайнан* ~ *Гайнаын* (коми-пермское литературное *Гайнаын*) ‘живет в пос. Гайны’; *тошась* ~ *тошаёсь* (коми-пермское литературное *тошаёсь*) ‘бородатые’ и др. Следует отметить, что явление стяжения гласных в разной степени распространено во многих коми диалектах, но совершенно не свойственно литературным коми языкам.

Корреспонденция гласных

Она заключается в том, что одна и та же морфема в одних диалектах постоянно имеет одну определенную гласную, а в других — иную. Корреспонденция характерна для следующих случаев:

а) мысовско-лупьинское, вообще севернопермяцкое, а также зырянское **о** в ряде корней соответствует кудымкарско-иньвенскому (базовый пермяцкий диалект, южное наречие) и литературному коми-пермяцкому **ӧ**: *кор* // коми-пермяцкое литературное *кӧр* ‘когда’; *шома* // южнопермяцкое и литературное коми-пермяцкое *шӧма* ‘кислый’;

б) в словах русского происхождения (не во всех) на месте севернорусского **о** открытого южнопермяцких диалектов в мысовско-лупьинском диалекте, так же, как и в других севернопермяцких диалектах и в зырянском, функционирует **ӧ**: *гӧд* // южное *год* ‘год’; *звӧнитны* // южное *звонитны* ‘звонить’; *брӧдитны* // южное *бродитны* ‘бродить’;

в) в суффиксе дательного падежа существительных (подобно большинству пермяцких диалектов и литературному коми-пермяцкому языку), как правило, представлен гласный звук **ӧ**, а не **ы**, как в зырянских диалектах и литературном коми языке зырян: *йӧзлӧ* ‘людям’ (зырянское *йӧзлы*), однако в местоимениях употребляется **ы**, например *некодлы* ‘некому’;

г) как и в большинстве пермяцких диалектов и литературном коми-пермяцком языке, в суффиксах перед **-сь** представлен гласный звук **и**, а не **ы**, как в литературном коми-зырянском языке: *ййись* ‘из мяса’ (зырянское литературное *ййысь*), *миянлись* ‘у нас’ (зырянское *миянлысь*);

д) перед другими согласными, как и в литературных коми языках и большинстве пермяцких диалектов, суффиксальное **ы** не переходит в **и**. Последнее имеет место в некоторых зырянских диалектах, например, в соседнем верхне-вычегодском. Сравни мысовско-лупьинское *вӧрын* ‘в лесу’ (верхне-вычегодское *вӧрин*), *ваыс* ‘вода-то’ (верхне-вычегодское *ваис*).

Варьирование гласных в первом слого

Некоторые гласные в первом слого могут свободно чередоваться. В частности, отмечаются следующие случаи:

а) варьирование гласных **ы** ~ **у** в четырех двухсложных основах перед носовой согласной: *пожым* ~ *пожум* ‘сосна’, *гожым* ~ *гожум* ‘лето’, *турын* ~

турун ‘трава, сено’, *вурын* ~ *вурун* ‘шерсть (овечья)’. Названное варьирование имеет место и в некоторых других коми диалектах, но недопустимо в литературных языках;

б) в литературных языках коми и в современных пермяцких диалектах в непервом слове слова довольно широко употребляется неогубленный гласный *ö*. В лупьинском говоре общеупотребительная *ö* непервого слога спорадически может быть представлена гласным *э*, что формирует еще один тип варьирования: *ö* ~ *э* (-*e*). Он отмечается в случаях типа *султ-öма* ~ *султ-эма* ‘(он) остановился (оказывается)’; *польз-öмась* ~ *полз-емась* ‘(они) испугались (оказывается)’; *видз-öны* ~ *видз-ены* ‘держат’; *дзед-öй* ~ *дзед-ей* ‘похороните’; *оклас-öмён* ~ *оклас-емен* ‘качаясь из стороны в сторону’. В непервом слове гласная *э* на месте *ö* регулярно представлена во многих зырянских диалектах, в частности — верхне-вычегодском, с которым лупьинцы некогда имели тесные контакты. Этим, возможно, и объясняется факультативное употребление лупьинцами *э* в непервом слове.

Особенности словесного ударения

Известно, что ударение в коми-пермяцком литературном языке, в основе которого лежит кудымкарско-иньвенский диалект, является морфологизированным — одни морфемы всегда безударны, другие ударны, третьи перетягивают ударение на предшествующий слог. В зырянском литературном коми языке отмечается тенденция к постановке ударения на первый слог, притом, что на практике ударение там не является строго фиксированным.

По нашим данным, система акцентуации исследуемого диалекта характеризуется преимущественной фиксацией ударения на первом слове — в отличие от коми-пермяцкого морфологизированного ударения, и аналогична коми-зырянскому: *сол-ал* (коми-пермяцкое литературное *сол-ав*) ‘посоли’; *шагнь-öлт* (коми-пермяцкое литературное *шагнь-öвт*) ‘перешагни’; *капуста*

(коми-пермяцкое литературное *капу́ста*) ‘капу’ста’; *вина́тӧ* (коми-пермяцкое литературное *вина́тӧ*) ‘вино’-то’.

В то же время отмечается колебание ударения, иначе говоря, оно то падает на первый, то на суффиксальный (или второй) слог: *шӧ́м-ал-ны* ~ *шӧ́м-ал-ны* (коми-пермяцкое литературное *шӧ́м-ав-ны*) ‘скиснуть’; *лӧ́г-ась-ны* ~ *лӧ́г-ась-ны* (коми-пермяцкое литературное *лӧ́г-ась-ны*) ‘обозлиться’; *паськӧ́м* ~ *паськӧ́м* (коми-пермяцкое литературное *паськӧ́м*) (*пась* ‘шуба’ + *кӧ́м* ‘обувь’) ‘одежда’ и др.

Прослеживаются отдельные случаи морфологизации ударения. Иначе говоря, некоторые суффиксы всегда ударны, а некоторые — всегда безударны. К первым относятся, например, уменьшительно-ласкательный суффикс существительного *-ок*: *ша́пка-ок* ‘шапочка’, *чаг-ок-сӧ́* ‘щепочку-то’, *пон-окь-ез* ‘собачки’. Ко вторым — падежные и притяжательно-указательные суффиксы существительных: *ба́ть-лӧ́н* ‘у отца’, *че́р-ӧ́н* ‘с топором’; *во́к-ӧ́й* ‘(мой) брат’, *ма́м-е* ‘(моя) мать’, *ма́шина-ы́т* ‘(твоя) машина’, *пы́зан-ны́с* ‘(их) стол’ и др.

В говорах отмечены и случаи качественно-вокального типа ударения, а именно — спорадический перенос ударения на конечную гласную *а* второго или третьего слога (подобное явление наблюдается и в других коми диалектах, но в литературных языках в этом случае ударение зафиксировано на первом слоге): *сьӧ́ла* ~ *сьӧ́ла* ‘рябчик’, *те́тка* ~ *те́тка* ‘тетка’, *ӧ́шка* ~ *ӧ́шка* ‘бык’, *фура́шка* ~ *фура́шка* ‘фуражка’.

Примеры показывают, что система ударения мысовско-лупьинского диалекта весьма сложна. Она совмещает в себе элементы всех наличествующих в коми диалектах типов акцентуаций: постановки ударения на первом слоге, морфологизированного ударения и ударения качественно-вокального.

Система согласных

Система согласных мысовско-лупьинского диалекта представлена следующими фонемами: *в, й; р, л, ль, н, нь, м; б, п, д, т, дь, ть, г, к; ж, ш, зь, сь, з, с; дж, ти, дз, ч*. В русских заимствованиях весьма редко (намного реже, чем

в литературном коми-пермяцком языке) наблюдаются еще и согласные *ц, х, ф, щ*. Особенности употребления согласных связаны с сохранением этимологического *л*, с варьированием *л ~ l*, с вставкой *й, в, л* между гласными, вставкой *й* после согласного, с выпадением согласных *т, й, з*.

Сохранение этимологического *л*

Мысовский и лупьинский говоры относятся к так называемым «эловым» говорам. Известно, что древний звук *л* в разных диалектных зонах коми языков может превращаться в звук *в* или давать другие рефлексy: ослабленное *ʷ* (*суʷтны* ‘встать’), губно-губное *w* (*nõw* ‘доска’), а может и вовсе выпадать (в большинстве случаев это наблюдается в положении между гласными, например, *мааӧ* (из *малалӧ*) ‘гладит’).

Это различие отражает принципиально важные фонетические основания для классификации коми говоров. Поэтому ученые и ввели термины *говор эловый, вэ-эловый, нуль-эловый* и т. д. Для современных *эловых* говоров (в том числе и для нашего диалекта) характерно сохранение звука *л* во всех позициях (в начале, середине и конце слова): *лым* ‘снег’, *вӧл* ‘конь’, *вӧлӧн* ‘на коне, (точнее, конём)’, *кӧрталны* ‘завязать’, *кӧрталісӧ* ‘завязали’. Заметим, что в обоих литературных языках коми за норму принято чередование *л* с *в*, и перечисленные выше слова имеют форму *вӧв, вӧлӧн, кӧртавны, кӧрталісӧ* и т.д.

Варьирование *л ~ l*

Во всех коми-пермяцких (эловых) говорах согласный *л* характеризуется как твердая фонема. Исключение составляет лупьинский говор описываемого диалекта, в котором звук *л* иногда может заменяться полумягким *l*: *локны ~ lокны* ‘идти, прийти’, *лэптисьны ~ lэптисьны* ‘подняться’, *лэбалны ~ lэбалны* ‘летать’, *велӧччыны ~ velӧччыны* ‘учиться’, *ылын ~ ыlын* ‘далеко’, *ныл ~ нyl* ‘дочь’ и др. Звук *l* встречается не только в исконных словах, но и в единичных русских заимствованиях: *ловушка* ‘ловушка’, *три километра* ‘три километра’.

Полумягкое произношение *l* характерно для многих зырянских диалектов коми языка, в том числе для верхне-вычегодского, откуда оно и перешло, по всей видимости, к лупьинцам.

Вставка й, в, л между гласными

Как уже указывалось, многие коми диалекты «не любят» стечения гласных (двух гласных звуков подряд) в корне слова и на границе морфем. В мысовско-лупьинском диалекте подобные случаи устраняются двумя способами: стяжением гласных (см. об этом выше) и вставкой неэтимологических согласных *й, в, л*.

Вставочный *й* нами замечен в следующих примерах: *ки-й-ас* / коми литературное *киас* ‘в (его) руке’; *би-й-асьны* / коми-пермяцкое литературное *биясьны* ‘зажечь костер, включить свет’; *ну-й-ис* / коми литературное *нуис* ‘(он) унес, увел’; *кõ-й-ин* / коми литературное *кõин* ‘волк’ и др.

Неэтимологический *в* зафиксирован в таких примерах, как: *ло-в-асõ* / коми-пермяцкое литературное *лоасõ* ‘будут, станут, образуются’; *шу-в-ис* / коми литературное *шуис* ‘(он) сказал’.

Вставка согласного *л* замечена в следующих примерах: *пу-л-õ* / коми литературное *пуõ* ‘в дерево’; *шу-л-а* / коми литературное *шуа* ‘говорю’ и некоторые другие. Следует отметить, что таких примеров нами зафиксировано немного.

Явление вставки, несмотря на то, что оно имеет место во многих коми диалектах, недопустимо в литературных языках коми.

Вставка й после согласного

В конце основы после согласного может появляться вставочный звук *й*: *нѐль пудъя (пудйа)* (коми-пермяцкое литературное *нѐль пуда*) ‘четырепудовый’. Появление *й* в конце основы в одних случаях представляет собой остаток от старой (двусложной) основы слова, а в других появляется по аналогии, и даже в русских заимствованиях: *грõбъяс* ‘в гроб-то’ (литературное

коми-пермяцкое *гробас*). Указанное явление довольно широко распространено в коми диалектах, о чем свидетельствуют примеры типа *поз-й-ись* (лит. *поз-ись*) «из гнезда», *гид-й-ын* (лит. *гид-ын*) «в хлеве», *өр-й-ын* (лит. *өр-ын*) «в корыте» и др. Оно принято за норму для коми-зырянского языка, но избегается в литературном коми-пермяцком.

Выпадение согласных *т, й, з*

В отличие от литературной нормы, мысовско-лупьинскому диалекту, как и большинству пермяцких диалектов вообще, несвойственно сочетание фрикативного со взрывным *т* в конце слова или перед согласным. В названных позициях происходит выпадение взрывного *т*. Согласный *т* регулярно отпадает из сочетаний *-сьт*, *-öst* и *-ышт*: *кись* / коми-пермяцкое литературное *кисьт* «вылей», *юыш* / *юышт* «выпей (немного)», *кивöс* / *кивöст* «кликни», *невеска* «невестка», *комунисъэз* «коммунисты», *тягосьсö* «тягость-то» и др.

Согласный *й* изредка может выпадать в следующих случаях: а) в корне слова: *ваис* / коми-пермяцкое литературное *вайис* «(он) принес», *виш* / *вийи* «(я) убил» и некоторые другие; б) в составе суффикса множественного числа существительных *-йэз*: *ботинкиэз* «ботинки», *шыэз* «звуки, голоса», *вилаэз* «вилы». Однако следует подчеркнуть, что в большинстве случаев в указанных позициях согласных *й* сохраняется, в отличие от литературного коми-пермяцкого языка и других пермяцких диалектов, где он в этих позициях, как правило, выпадает.

В мысовско-лупьинском диалекте согласный *з*, как и в литературной пермяцкой норме, выпадает из состава суффикса множественного числа существительных перед лично-притяжательным суффиксом 2-го и 3-го лица: *зон-йэ-с* < *зон-йэ-ыс* < *зон-йэз-ыс* «(его) сыновья», *мам-йэ-т* < *мам-йэ-ыт* < *мам-йэз-ыт* «матери-то». Однако в обоих говорах мысовско-лупьинского диалекта отмечаются единичные случаи сохранения звука *з* в этом положении: *лы-йэз-ыс* «(его) кости», *гриб-йэз-ыт* «грибы-то», *богатыр-йэз-ыт* «богатыри-то», *ки-йэз-ыт* «(твои) руки» и др.

Таким образом, в диалекте в консонантной сфере отмечены как «пермяцкие», так и «зырянские» черты. Среди «пермяцких» в системе согласных отметим:

- сохранение глухого согласного *m* на конце большинства суффиксов: *аслыт* ‘тебе’ (в зырянском *аслыд*), *вөрөт* ‘по лесу’ (в зырянском *вөрөд*);
- наличие мягкого взрывного согласного вместо сочетания *й* + твердый взрывной согласный: *вотьва* ‘капель’ (в зырянском *войтва*), *коть* ‘токовище’ (в зырянском *койт*).

Среди «зырянских» черт, обусловленных влиянием верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка, выделяются следующие:

- спорадическое появление протетического *в* в корнях с начальным *ө* или *о*: *эн вошты* (коми-пермяцкое литературное *эн өшты*) ‘не потеряй’, *ворсёны* (коми-пермяцкое литературное *орсёны*) ‘играют’ — следы былого закрытого *о*;
- сохранение звука *й* после согласного *ш* в лексеме *пышйыны* ‘бежать’: *пышйи* (коми-пермяцкое литературное *пышии*) ‘(я) убежал’ и др.

Морфологические особенности диалекта

В мысовско-лупьинском диалекте, как и в литературных коми языках, выделяются имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, союз, частица, междометие, изобразительные и модальные слова. Морфологические особенности мысовского и лупьинского говоров проявляются прежде всего в функционировании этих частей речи, в особенностях их формо- и словоизменения.

Существительное

Для мысовско-лупьинского диалекта характерно специфическое употребление суффикса множественного числа существительных в

неизменяемой форме *-ез*: *керкуез* ‘избы’, *синъез* ‘глаза’ (в литературном коми-пермяцком он представлен в разных формах — либо *-эз*: *керкуэз*, либо удвоение согласного + *-эз*: *синнэз*, в зырянском — единообразно в форме *-яс*: *синъяс*, *керкаяс*).

В системе лично-притяжательных суффиксов также имеются свои особенности. Как и в зырянском коми языке, в обоих говорах диалекта принадлежность предмета/предметов 1-му лицу индивидуального обладателя может выражаться двумя показателями: *-ӧ* и *-ӧй*, тогда как в других пермяцких диалектах и в литературном коми-пермяцком языке это значение реализуется с помощью суффикса *-ӧ*. Например: мыс. ¹ *мамӧ колкозын уджаліс*. ‘Мать (моя) в колхозе работала’; луп. ² *Закар дедӧ няннас вердас*. ‘Захар дед (мой) хлебом-то накормит’; мыс. *понӧй сутки эз вӧл гортын*. ‘Собака (моя) сутки не была дома’. В лупьинском говоре диалекта наряду с названными показателями изредка функционируют их верхне-вычегодские фонетические варианты *-э(-е)*, *-эй(-ей)*: *бате век бригадираліс*. ‘Отец (мой) все время был бригадиром’; *оз варит юрей ӧтик да*. ‘Не работает голова (моя) совершенно ведь’.

Что касается падежной системы, то следует прежде всего отметить, что общепермяцкая тенденция к разрушению серийных послелогов на *выл-* и образованию на их основе внешнеместных падежей действует и в нашем диалекте.

Из послелога *вылын* со значением ‘на чем-либо’ возник внешнеместный падеж с показателем *-лын (-ллын)*: мыс. *туйлын* (< *туй вылын*) ‘на дороге’, мыс. *пызанлын* (< *пызан вылын*) ‘на столе’; луп. *войналлын* (< *война вылын*) ‘на войне’, луп. *юрлын* (< *юр вылын*) ‘на голове’;

Из послелога *вылӧ* со значением ‘на что-либо’ сформировался внешнеместный вступительный падеж с суффиксом *-лӧ (-ллӧ)*: мыс. *мырлӧ* (< *мыр вылӧ*) ‘на пень’, мыс. *додьлӧ* (< *додь вылӧ*) ‘на сани’, луп. *юллӧ* (< *ю вылӧ*) ‘на реку’, луп. *полеллӧ* (< *поле вылӧ*) ‘на поле’.

¹ мыс. — мысовский говор рассматриваемого диалекта.

² луп. — лупьинский говор исследуемого диалекта.

Впрочем, в диалекте встречаются послелогои *ылын*, *ылӧ* и в полном виде, а также в «усеченной» (с неполной трансформацией) форме. Примеры на усеченные формы: мыс. *пожар ылӧ нуӧтісӧ* ‘на пожар (они) увезли’; мыс. *война ылын усис* ‘на войне погиб’; мыс. *кыдз тэ имееш право туй ылӧ биясьны*. ‘Как ты имеешь право на дорогу сделать костер’; луп. *куйлі полать ылын* ‘(я) лежала на полатах’; луп. *кайлі крыша ылӧ* ‘(я) лазила на крышу’.

Частичная трансформация спорадически происходит и в других послелогах с основой на *выл-*: *ылісь* < *вылісь* ‘с чего-либо’, *ылӧдз* < *вылӧдз* ‘до чего-либо’, *ылӧт* < *вылӧт* ‘по чему-либо’: *ӧшын ылісь* ‘с окна’, мыс. *каша ылісь* ‘с каши (праздник в честь новорожденного)’, мыс. *ыб ылӧт* ‘по полю’, мыс. *крыша ылӧдз* ‘до крыши’, *кымӧр ылӧдз* ‘до неба’, луп. *джодж ылӧт* ‘по полу’, луп. *пу ылісь* ‘с дерева’, луп. *туй ылӧдз* ‘до дороги’.

В мысовско-лупьинском диалекте не зафиксированы случаи достигающего падежа с показателем *-ви* (пермяцкое). Не обнаружены и случаи употребления суффикса *-лӧ* в качестве показателя винительного падежа (это явление имеет место в других севернопермяцких и некоторых зырянских диалектах).

Помимо наличия бóльшего количества падежей по сравнению с литературным коми-пермяцким языком, в мысовско-лупьинском диалекте заметны некоторые особенности в значении отдельных падежей.

Так, для выражения цели действия в говорах описываемого диалекта, как и в других севернопермяцких диалектах и в зырянском литературном языке, используется достигающий падеж вместо дательного южнопермяцких диалектов: мыс. *ӧтікӧс ыстім пишальла* (южнопермяцкое (вэовое) *пишальвӧ*). ‘Одного (мы) отправили за ружьем’; мыс. *Кипран Вась нолӧтіс тиакла* (южнопермяцкое (вэовое) *тиаквӧ*) *оштӧ*. ‘Кипран Василий водил за грибами медведя-то’; луп. *земляникала* (южное (вэовое) *земляникавӧ*) *ветлам вӧрӧ*. ‘За земляникой ходим в лес’; луп. *мунам черникасла* (южнопермяцкое (вэовое) *черникасвӧ*) *одз асылнас*. ‘За черникой-то пойдем рано утром’.

При обозначении сравнительного значения в диалекте выступают формы исходного падежа (чаще) и сравнительного (реже) вместо сравнительного падежа коми-пермяцкого литературного языка, и исходного падежа в зырянском коми языке: луп. *вартан машина вӧлся* (литературное коми: пермяцкое *вӧвся*, зырянское *вӧлысь*) *вынажык* ‘молотилка сильнее лошади’; луп. *колодечас, пӧди, педесят шырысь* (литературное коми: пермяцкое *шырся*, зырянское *шырысь*) *унжык нин кулісӧ*. ‘В колодце-то, может быть, больше 50 мышей умерло’; мыс. *Мысыс мийан деревняись* (литературное коми: пермяцкое *деревняся*, зырянское *грездысь*) *ыджыджджык* ‘деревня Мысы больше нашей деревни’.

При выражении причинности действия в мысовско-лупьинском диалекте, как и в зырянском коми языке, используются формы исходного падежа (чаще), дательного (реже) и творительного (в единичных случаях) на месте отдалительного падежа литературного коми-пермяцкого языка и южнопермяцких диалектов: мыс. *тиыгӧ* (юж. *тиыксянь*) *кулісӧ* ‘от голода умерли (они)’; луп. *горш косьманытӧ* (юж. *горш косьманытсянь*) *кулан* ‘из-за жажды умрешь’; мыс. *шумсис* (юж. *шумсяняс*) *лӧгасьӧ* ‘из-за шума-то становится злым’; луп. *лечитӧмсис* (юж. *лечитӧмсяняс*) *кулӧ* ‘от лечения-то умирает’; мыс. *кольмӧмӧн* (юж. *кольмӧмсянь*) *куліс* ‘от угара (она) умерла’.

При обозначении профессии человека, а также при указании того, в качестве кого выступает лицо, в исследуемом ареале используется местный падеж, тогда как в литературных коми языках это значение реализуется творительным падежом: мыс. *батьӧ уджаліс складовшикын* (коми литературное *кладовщикӧн*) ‘(мой) отец работал кладовщиком’; мыс. *сэсся бригадирын* (коми литературное *бригадирӧн*) *туй ылын уджалі* ‘затем бригадиром на дороге (я) работала’; луп. *зонӧй моракын* (коми литературное *морякӧн*) *служитис* ‘(мой) сын моряком служил’.

Прилагательное

В большинстве случаев сравнительная степень в мысовско-лупьинском диалекте, как и в других пермяцких диалектах, а также в литературном пермяцком языке, выражается морфологически: присоединением к форме положительной степени имени прилагательного суффикса *-жык* (*-джык*), который, по мнению большинства ученых¹, произошел от наречия *джык*, означавшего ‘очень’. В редких случаях значение сравнительной степени в мысовско-лупьинском диалекте подобно зырянскому, но в отличие от литературного коми-пермяцкого языка и других пермяцких диалектов может выражаться синтаксически: слово, обозначающее то, с чем сравнивают, в исходном падеже + имя прилагательное в исходной форме, что унаследовано от финно-угорского языка-основы²: мыс. *ме сыись сем лет ылö пöрись*. ‘Я старше его на семь лет’.

Превосходная степень прилагательного в мысовско-лупьинском диалекте образуется только аналитическим способом (с помощью определенных слов, предшествующих прилагательному), тогда как в литературных коми языках и в большинстве диалектов это значение образуется как аналитическим способом, так и синтетическим (посредством приставки *мед-*). В описываемом диалекте для выражения превосходства качества или признака сравниваемого предмета используются слова *медся*, *самöй* и *ставсис*: луп. *ме медся пöрис нин татöн* ‘Я самая старая уже здесь’; мыс. *письтигыт – медся бур сёяныт* ‘Хвощ-то полевой – самая хорошая еда’; луп. *самöй сьöкытöсь война гöдьес вöлісö* ‘Самыми тяжелыми военные годы были’; луп. *сія вöлі ставсис мича* ‘Она была красивее всех’.

В диалекте встречаются единичные случаи, когда слова – показатели превосходной степени сочетаются не с исходной формой имени прилагательного, как это отмечено выше, а с формой сравнительной степени

¹ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 161-162; Fuchs D. R. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. 1949. 30. S. 166.

² Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1974. С. 279.

прилагательного: луп. *колхозьниклӧ самӧй ыджыдж-джык пенсьия должны сетны* ‘Колхознику самую большую (букв. самую более большую) пенсию должны давать’.

Числительное

Современные мысовско-лупьинские пермяки, как и все пермские коми, при счете используют в основном русские числительные. Исконные числительные употребляются, как правило, до шести. В то же время многие носители диалекта знают зырянскую систему числительных до ста.

Значение порядковости выражается суффиксами *-ӧт* и *-ӧдз*, тогда как в литературном зырянском используется исключительно суффикс *-ӧд*, а в современном пермяцком — преимущественно *-ӧт*: мыс. *витӧт* ~ *витӧдз* ‘пятый’; луп. *куйимӧт* ~ *куйимӧдз* ‘третий’.

Числительное со значением ‘один’ чаще представлено в «компромиссной» форме *ӧтик* (то есть с мягким *т*), ср. в литературном коми-пермяцком *ӧтік* (*т* твердое), в зырянском коми *ӧти* (*т* мягкое).

Местоимения

Личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа представлены и в краткой, и в полной форме: *ми* и *мийӧ* ‘мы’, *ті* и *тійӧ* ‘вы’, как это характерно для многих пермяцких диалектов, притом, что в литературном коми-пермяцком предпочитается полная форма, а в зырянском коми используется исключительно краткая.

В рассматриваемом диалекте представлены специфические формы счетно-личных местоимений, не характерные для литературных коми языков: *ӧтнасьм* (наряду с *ӧтнам*) ‘я один’; *ӧтнасьт* (наряду с *ӧтнам*) ‘ты один’; *ӧтнасьс* (наряду с *ӧтнас*) ‘он один’. В этих формах лично-притяжательный суффикс присоединяется не к суффиксу *-на* непосредственно, а следует за указательным суффиксом *-с(ы)*, который утерял значение личного показателя. Подобная десемантизация притяжательно-указательных суффиксов в счетно-

личных местоимениях наблюдается также в коми-зырянских¹ и северопермяцких диалектах.

Среди обобщенно-определятельных местоимений, помимо общепермяцких *быд ~ быдыс ~ каждой ~ каждэй ~ каждой ~ кажнэй* ‘каждый, всякий’, употребляется лексема *став* ‘весь, вся, всё, все’, характерная для зырянского литературного языка коми и зырянских диалектов.

От местоимения *став* в мысовско-лупьинском диалекте, как и в коми-зырянских диалектах, образуется целое гнездо форм, разделяющихся на ряд форм. Это неличные формы: *ставыс* ‘все, всё’, *ставён* ‘все’: мыс. *сэтён ставыс ытшикисьö* ‘Там все сенокосят’; луп. *этия косьыс ставыс гир-гар вöлі*. ‘Вот эта кость вся была (наверху)’; луп. *ставён ветлім* ‘Все сходили (мы)’. Личные формы: *ставным* ‘мы все’, *ставнымт* ‘вы все’, *ставныс* ‘они все’: луп. *ме вунда, а ния ставныс видзетэны*. ‘Я жну, а они все смотрят’; луп. *мийö ставнымт поснийсь вöлім*. ‘Мы все были маленькими’; мыс. *война вылын ставныс усисö*. ‘На войне все они погибли’. Личные формы *ставным*, *ставнымт*, *ставныс* содержат в себе притяжательные суффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа. Данные местоимения имеют парадигму только множественного числа притяжательного склонения.

Глагол

Диалектные особенности касаются прежде всего формы инфинитива, способов выражения наклонений.

Инфинитив

К показателю неопределенной формы глагола *-ны* в диалекте может присоединяться суффикс *-сö (-с)*. Аналогичный суффикс имеем в зырянском литературном языке, в то время как в пермяцкой норме и диалектах в подобном

¹ Федюнева Г. В. Местоимения и числительные (опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка) // Научные доклады / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Сыктывкар, 1990. Вып. 241. С. 16.

случае используется добавка *-тӧ*: *адззынысӧ* (коми-пермяцкое литературное *адззынытӧ*) ‘найти’, *олныс* (коми-пермяцкое литературное *овнытӧ*) ‘жить’.

Наклонения

То модальное значение глагола, которое в близкородственном удмуртском языке выражается условным наклонением, в мысовско-лупьинском диалекте, как и в других коми диалектах, передается при помощи сочетания глаголов в настоящем, прошедшем и будущем времени с условными частицами. Для выражения условного значения помимо общепермяцкой частицы *бы* ‘бы’ (русское заимствование) используется общезырянская частица *эськӧ* ‘бы’. Примеры: луп. *ставыслӧ бы гижи, да синӧй оз адззы*. ‘Всем бы написала, но (мои) глаза не видят’; мыс. *век бы узи, да уджыт тыр*. ‘Все время (я) спала бы, но работы полно’; луп. *ӧні эськӧ олан, сетыштӧны пизь вылат*. ‘Теперь живешь бы, дают на муку’. При этом в предложении частица *эськӧ* может функционировать вместе с частицей *бы*: луп. *здоровьет эськӧ бы вӧлі, ӧні олны позьӧ, дерт* ‘Здоровье-то было бы, теперь жить можно, конечно’.

Форма 2-го лица множественного числа, выражающая побуждение к действию собеседников, как и в зырянском, представлена двумя суффиксами *-ӧ* и *-ӧй*, тогда как в остальных пермяцких диалектах названная форма имеет один показатель *-ӧ*: мыс. *вайӧ нин таво меным пессӧ*. ‘Привезите уже в этом году мне дрова’; луп. *ӧстӧй бисӧ*. ‘Зажгите свет-то’. В лупьинском говоре диалекта форманты *-ӧ* и *-ӧй* могут выступать и в верхне-вычегодских фонетических вариантах *-э* и *-эй*: *миссе баняас*. ‘Мойтесь в бане-то’; *мунэй нин, ог нин висьтал нем*. ‘Идите уже, ничего уже не расскажу’.

Приказ или повеление третьему лицу в мысовско-лупьинском диалекте, как и в других севернопермяцких, а также зырянских диалектах, выражается сочетанием глагола в 3-м лице настоящего и будущего времени с побудительной частицей *мед* ‘пусть, пускай’. В диалектах южнопермяцкого наречия, а также в литературном коми-пермяцком языке частице *мед* в данном случае соответствует частица *ась*: мыс. *мед* (коми-пермяцкое литературное,

южное *ась*) *кылӧ меньчим гӧлӧсӧс*. ‘Пусть слышит (мой) голос’; луп. *мед* (коми-пермяцкое литературное, южное *ась*) *уджалӧны ойӧдз*. ‘Пусть работают до ночи’; луп. *мед* (коми-пермяцкое литературное, южное *ась*) *йӧктӧн, гажӧтчӧн празьник ылас*. ‘Пусть пляшут, веселятся на празднике-то’.

Особенности спряжения

2-е лицо множественного числа настоящего времени утвердительного спряжения представлено двумя формами: *-ат(ӧ)* и *-анӧ (-янӧ)*. При этом употребление их в говорах диалекта неодинаково. В лупьинском говоре регулярно выступает только *-анӧ*: *тійӧ узянӧ на?* ‘Вы спите еще?’; *мый нӧ тійӧ керанӧ?* ‘Что же вы делаете?’. В мысовском говоре функционируют обе формы, причем *-ат(ӧ)* выступает лишь в единичных случаях и, вероятно, объясняется влиянием литературной коми-пермяцкой нормы: *тійӧ гортаныт кӧдзатӧ жӧ?* ‘Вы дома-то сеете же?’; *мый нӧ гижанӧ?* ‘Что же пишете?’ В других пермяцких диалектах (за исключением верхнекамского наречия), а также в литературном коми-пермяцком языке 2-е лицо множественного числа настоящего времени утвердительного спряжения регулярно выражается формой *-ат(ӧ)*, в зырянском — *-анныд, -ад*.

Во 2-м лице множественного числа настоящего времени отрицательного спряжения в качестве отрицательного вспомогательного глагола употребляется «зырянская» форма *онӧ* вместо *од(ӧ)* других пермяцких диалектов: мыс. *талун некычӧ онӧ мунэ*. ‘Сегодня никуда не пойдете’; луп. *тійӧ онӧ вермӧ вуджны туйсӧ*. ‘Вы не сможете перейти дорогу-то’.

Множественное число 3-го лица в первом прошедшем и будущем времени выражается пермяцким суффиксом *-ӧ* (а не зырянским *-ны*), ср. *мунасӧ* (зырянское *мунасны*) ‘пойдут’, *нуисӧ* (зырянское *нуисны*) ‘(они) унесли’, *оз вермӧ* (зырянское *оз вермыны*) ‘не могут’.

Сложные времена

В коми языках, помимо двух простых прошедших времен, функционируют сложные прошедшие времена, которые состоят из неспрягаемого вспомогательного глагола и спрягаемого основного глагола. При этом в литературном коми-пермяцком, как и в южнопермяцких диалектах, сложные формы употребляются крайне редко. Имеющийся в нашем распоряжении материал мысовско-лупьинского диалекта позволяет говорить о широком функционировании здесь сложных прошедших времен. В частности представлены (терминология по Е. А. Цыпанову¹):

— прошедшее незавершенное (длительное) время: луп. *челядьёс съёрам босьта и Мысын вёлі муна*. ‘Детей с собой возьму и в д. Мысы (я) шел тогда’; мыс. *Лельын шука вёлі шедё, кельчи; йокыш*. ‘В речке Лель щука, сорога, окунь попадалась тогда’;

— прошедшее завершенное (плюсквамперфект): луп. *Сойгаас ужё резётёмась нин вёлі часовнясё. Эз нин вёл мян быдмигын*. ‘В д. Сойга-то уже (они) разрушили было часовню-то. Не была уже (она) при нашем взрослении’; мыс. *мужикой менам оччид вёччёма вёлі Тимшор туй ылөдз лось бёрся*. ‘Муж (мой) некогда погнался было за лосем-то до Тимшор дороги’;

— прошедшее незавершенное неочевидное время: мыс. *өні, пө, олө вёлөм кытөнкө Березьникиын*. ‘Нынче, мол, жила было (оказывается) где-то в Березниках’; луп. *действительной армияс кор нуёмась, висьё вёлөм да сыдз и кулөм кыччөкө*. ‘Когда в действительную армию (они) увели, (он) болел было (оказывается) и так и умер где-то’;

— прошедшее завершенное неочевидное время: луп. *кор батьныс мунөм Сибырас, Мититыс да Аликсаныс вёлөм гөрёмась да көдзёмась, да няньыс бур артмема*. ‘Когда их отец уехал в Сибирь, Дмитрий и Александр вспахали и посеяли, оказывается, было, и хлеб хороший уродился’.

¹ Коми язык: энциклопедия / Мин-во образ. и высш. школы РК; РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. М.: ДИК, 1998. С. 396-398.

Деепричастие

В исследуемом диалекте отсутствуют коми-пермяцкие деепричастия одновременного действия с суффиксом *-тӧн*, а вместо синонимичной ему пермяцкой формы *-икӧ* имеем «скрещенные» с зырянским *-игӧн* формы ***-игӧ***, ***-игын***: луп. *больничан эд куйлигӧ старука шуӧма*. ‘Когда ведь я лежала в больнице, старуха говорила’; мыс. *конопляс мунигӧ уси* ‘Когда (мы) шли в д. Коноплю, я упала’; мыс. *менам помнитигын мян только баляэз вӧлісӧ*. ‘Как я помнила себя, у нас только овцы были’; луп. *менам быдмигын квассӧ керлісӧ тадзи*. ‘Во время моего существования квас-то (они) делали следующим образом’.

Наречие

В образовании наречий в мысовско-лупьинском диалекте участвует характерный «зырянский» суффикс *-ног*, которому в других пермяцких диалектах коми языка соответствует вторичный суффикс *-нӗж*: *мӧдног* (другие коми-пермяцкие диалекты *мӧднӗж*) ‘по-другому’.

Послелог

В мысовско-лупьинском диалекте наблюдается специфический набор послелогов. Представлены, например, следующие постпозиты:

— *чӧж* (зырянский, в других пермяцких диалектах — *дырни*, *дырна*) ‘в течение какого-то времени’: мыс. *вот сідз и быдмимӧ война чӧж*. ‘Вот таким образом и росли мы в течение войны’; луп. *гӧт чӧж эгӧ сӅрнитӧ*. ‘В течение года не разговаривали (мы)’;

— *вӧсна* (зырянский, в других пермяцких диалектах — *понда* или *кузя*) ‘из-за, по причине, за’: мыс. *сы вӧсна ӧні сідз ола*. ‘Из-за него сейчас так живу’; луп. *тышкасьӧмыс вӧсна и пукалӧ* ‘за драку и сидит’;

— *пыньди* (в зырянском — *пыдди*, в большинстве пермяцких диалектов — *туйӧ*) ‘вместо’: мыс. *йӧз пыньди страдайтнытӧ колӧ*. ‘Вместо народа’

страдать приходится'; луп. *сэсся нылӧй ме пыньди уджаліс*. 'Затем дочь (моя) вместо меня работала';

— с основой на *кост-* (зырянизм, в других пермяцких диалектах — *колас-* или *ковас-*, *коас-* в вэзовых диалектах) 'промежуток, между': *костын* 'в промежутке кого или чего-нибудь', *костӧ* 'в промежуток кого или чего-нибудь', *костісь* 'из промежутка кого или чего-нибудь', *костӧт* 'по промежутку кого или чего-нибудь', *костӧдз* 'до промежутка кого или чего-нибудь': мыс. *кык кер костӧ сибдӧм*. 'Между двумя деревьями застрял'; луп. *ки костын нитны*. 'Между руками мять'.

Частицы

Большинство частиц, функционирующих в мысовско-лупьинском диалекте, встречаются во всех коми диалектах. Незначительное их количество имеет ограниченный ареал распространения. Отметим те из них, которые встречаются только в севернопермяцких и зырянских диалектах коми языка, а также те, которые функционируют лишь в мысовско-лупьинском и у зырян.

К частицам, наличествующим только в севернопермяцких и зырянских диалектах или получившим здесь более широкое распространение, чем в южнопермяцких диалектах, относятся:

— *мед* 'пусть, пускай', которая в сочетании с глаголами изъявительного наклонения настоящего и будущего времени образует повелительную форму 3-го лица и выражает оттенки желания, повеления, согласия: мыс. *мед олас* 'пускай живет'; луп. *мед сёрнитӧ* 'пусть разговаривает'; луп. *мед вайӧ дӧлгсӧ* 'пусть принесет (свой) долг';

— *абу* 'нет, не имеется, не', придающая словам или предложению, к которым относится, отрицательный смысл: *эта керкуыс тіян?* – *абу*. 'Этот дом ваш? – Нет'; *мӧсыс тэнат?* – *абу*. 'Эта корова твоя? – Нет'.

Частицы, функционирующие лишь в мысовско-лупьинском диалекте и в зырянских диалектах коми языка:

— *сõмын* употребляется наряду с частицей *тõлькõ* (*тõкõ*) и несет значение частиц русского языка ‘исключительно’, ‘единственно’, т. е. ничего другого, кроме указанного тем словом, к которому названная частица относится: луп. *сõмын Ванюк сійõс ос кыл*. ‘Только Ванечка ее не слышит’; луп. *сõмын тыдалõ вõр да сьõд мыр*. ‘Только виднеется лес да черные пни’;

— *весиг* ‘даже’ усиливает значение того слова, к которому относится: луп. *гортõ муні да весиг ог вермы сёйны*. ‘Домой пришла (я) и даже кушать не могу’; мыс. *сыдз мыдзи, весиг õмõс ог бы ось*. ‘Так устала (я), даже рот (свой) не хотела бы открывать’;

— *нин* ‘уже’ относится, как правило, к глаголу и выражает начало или конец действия: луп. *кыи на бы, да ог нин адззы*. ‘Соткала бы (я) еще, да не вижу уже’; мыс. *õнмõсся нин* ‘засыпаю уже’; мыс. *ветлі нин õччид чõдысла*. ‘Сходила (я) уже один раз за черникой-то’;

— *эськõ* ‘бы’ связывается, главным образом, с глаголом и выражает модальные значения возможности, желательности и условности: луп. *меным эськõ кулны нин* ‘мне бы уже умереть’; мыс. *куртім эськõ, да зэрмис*. ‘Сгребли (мы) бы, но пошел дождь’; луп. *уджалі на эськõ, да ог нин вермы*. ‘Работала (я) еще бы, но уже не могу’.

Лексические особенности диалекта

Основной словарный фонд мысовско-лупьинского диалекта представлен общеупотребительными коми словами исконного происхождения, напр.: *мунны* ‘идти’, *сёйны* ‘есть, кушать’, *юны* ‘пить’, *пукалны* ‘сидеть’, *ки* ‘рука’, *ва* ‘вода’ и многие другие. Иноязычная лексика представлена в основном русскими заимствованиями с некоторыми фонетическими изменениями или же без них, напр.: *пирõг* ‘пирог’, *бероза* ‘береза’, *кутор* ‘хутор’, *деревня*, *сенокос*, *письня* ‘песня’, *празьник* ‘праздник’ и др. В диалекте встречается немало заимствований из лексики русских говоров Северного Прикамья.

Несколько изолированное географическое положение диалекта, а также былые тесные контакты мысовско-лупьинских пермяков с зырянами не могли не оставить след в формировании лексического состава рассматриваемого диалекта. Этим, очевидно, объясняется наличие в словарном составе данного диалекта большого пласта территориально-ограниченной лексики. Сами носители диалекта нередко отмечают разницу в речи: *«Белый по коми чочкӧм, а по-ихнему еджыт. Кэрэмысла карнан у их, а у нас хоть по-русски, хоть по-пермяцки кэрэмысла. Патчер – печка у ник, у нас гор. Мать старая, она понимала»*.

Лексику, общую с местной и зырянской, можно разбить на несколько групп:

1. Слова, употребляющиеся кроме мысовско-лупьинского также в других севернопермяцких (кочевском и косинско-камском) диалектах, в коми-зырянском литературном языке и диалектах, но не встречающиеся в южнопермяцких (нижнеиньвенском и кудымкарско-иньвенском) диалектах, например: *ӧччид* (зырянская форма *ӧччыд*) // южн. *ӧтпыр* ‘однажды, один раз’; *мед* // южн. *ась* ‘пусть, пускай’; *ылӧтны*, *пӧрйалны*, (зырянские формы *ылӧдны*, *пӧрйӧдны*) // южн. *бӧбӧтны* ‘обмануть’; *чӧд* // южн. *сьӧдъягӧд* ‘черника’; *лы* // южн. *коска* ‘кость’; *бурдны* // южн. *веськавны* ‘зажить (о ране)’; *дикмыны* // южн. *бӧбсявны* ‘одуреть’; *йӧймыны* // южн. *бӧбмыны* ‘глупеть, лишиться рассудка’; *мича* // южн. *басӧк* ‘красивый’; *бӧрдны* // южн. *горзыны* ‘плакать, реветь’ и др.

Заметим, что подобные слова в мысовско-лупьинском диалекте составляют значительный пласт его словарного состава. Интересными представляются случаи выражения отдельных значений как посредством лексем, имеющих место в севернопермяцких диалектах, так и словами, наличествующими в южнопермяцких диалектах, напр.: значение ‘*драться*’ может передаваться лексической единицей *косясьны* (считается севернопермяцкой единицей) и словом *тышкасьны* (имеет южнопермяцкое распространение). Стоит, однако, заметить, что параллельное употребление

синонимов *косясьны* и *тышкасьны* свойственно также коми-зырянскому литературному языку. Семантика ‘отправиться (в путь)’ может обозначаться словом *мөдöтчыны* (характерно для севернопермяцких диалектов) и *индöччыны* (свойственна речи южных пермяков с некоторым фонетическим изменением *иньдöччыны*) и др.

2. Лексемы, свойственные севернопермяцкому наречию в целом, но отсутствующие в литературных языках коми и южнопермяцких (нижнеиньвенском и кудымкарско-иньвенском) диалектах, например: *пуöтны* // южн. *пизьöтны* ‘вскипятить’; *мöччид* // южн. *мöтпырся* ‘в другой раз’; *башико* // южн. *ай* ‘свекор’; *матика* // южн. *ань* ‘свекровь’; *чилькöтны* // южн. *высьтыны* ‘доить’ и другие. Впрочем, некоторые из этих слов наличествуют также в южнозырянских диалектах, например в койгородском говоре *пуöдны* ‘вскипятить’.

3. Лексемы, наличествующие в мысовско-лупьинском диалекте и коми-зырянском языке, но отсутствующие в других пермяцких диалектах, например: *сутикыны* // *мöртны* (в других пермяцких диалектах) ‘колоть, пырнуть (чем-то острым)’; *вок* // *вон* ‘брат’; *шань* // *бур* ‘хороший’; *чöж* // *дырна* ~ *дырня* ‘в течение времени’; *удитны* // *ештыны* ‘успеть’; *став* // *быдöс* ‘всё’; *видлыны* // *пешлыны* ‘пробовать’; *сикт* // *деревня* ‘деревня’; *эськö* // *бы* ‘бы’; *гöгöрвоны* // *вежöртны* ‘понимать’; *сюсь* // *вежöра* ‘сообразительный’; *матка* // *компас* ‘компас’; *рушку* // *кынöм* ‘живот’; *дашко* ~ *гашко* // *натьтö* ‘может быть’ и др.

Помимо этого в языке мысовско-лупьинских пермяков активно функционируют слова, которые в зырянских говорах и литературном коми языке продолжают широко использоваться, а в пермяцких диалектах и литературном коми-пермяцком языке относятся к устаревшей лексике, напр.: *бинур* ‘костер’, *кöдж* ‘полуостров’, *сёй* ‘глина’, *кöр* ‘олень’, *ляз* ‘кисель’, *пöрт* ‘котелок’, *пелыс* ‘весло’, *оль* ‘шкура’, *зеп* ‘карман’, *скöр* ‘моль’, *шерба* ‘уха’, *шыран* ‘ножницы’, *истöг* ‘горючая сера’, *пом* ‘конец’ и др. Значения названных слов в иных коми-пермяцких диалектах выражаются посредством русских заимствований.

В рассматриваемом диалекте наличествуют и такие «зырянские» лексемы, которые в других коми-пермяцких диалектах в качестве самостоятельной единицы не употребляются, а встречаются лишь в составе сложного слова или же в качестве производящей основы, напр.: в мысовско-лупьинском и зырянском *кӧм* ‘обувь’ // в других пермяцких диалектах и литературном языке *кӧмкӧт* ‘обувь’ или *кӧмасьны* ‘обуться’; *гӧтыр* ‘жена, супруга’ // *гӧтрасьны* ‘жениться’, *гӧтыра (морт)* ‘женатый человек’; *дон* ‘цена’ // *дона* ‘дорогой (по цене)’, *донтӧм* ‘дешевый’ и др.

В словарном составе мысовско-лупьинских пермяков имеют место заимствования из диалектов русского языка, которые свойственны также речи коми-зырян, напр.: *дерт* ‘конечно’; *гач* ‘штаны’; *гудок* (зырянская форма *гудӧк*) ‘гармонь’, *патера* ‘квартира’, *заводитны* ‘начать’, *плеш* ‘лоб’, *пач* ‘печь’ и т.д. Перечисленные слова не встречаются в остальных коми-пермяцких говорах.

В определенных случаях в мысовско-лупьинском диалекте встречаются такие производные слова, которые в других пермяцких диалектах невозможны, но имеются в зырянском, напр.: *мачасьны* ‘играть в мяч’ // *орсны мячӧн*; *олмӧччыны* ‘зажить, устроиться’ // *старайччыны овны* ~ *олны*; *узьмӧччыны* ‘переночевать’ // *кольччыны узьны* и т.д.

Нельзя оставить без внимания и тот интересный факт, что отдельные лексические единицы в мысовско-лупьинском диалекте имеют «зырянскую» семантику, напр.: лексема *кутны* в остальных пермяцких диалектах преимущественно имеет значение ‘взять, схватить’, а в мысовско-лупьинском диалекте и в зырянском языке употребляется в других значениях, а именно – ‘держатъ’, ‘начать (что-либо делать)’. Лексическая единица *кӧсьыны* также может функционировать в двух значениях: 1) ‘обещать’ и 2) ‘желать’. В первом значении она встречается и в других пермяцких диалектах, второе же значение является неизвестным для остальных коми-пермяков, но является обязательным для зырянских говоров.

4. Специфически мысовско-лупьинская лексика, не зафиксированная от носителей других диалектов коми языка, охватывает ряд тематических групп.

Это слова из области растительного и животного мира, напр.: *бадьлудык* ‘клещ’, *емйылтурун* ‘пырей’, *лисвень пу* ‘кедр’, *гöвнян ~ гöнян* ‘дикая морковь’, *вирсин* ‘плотва’, *арга* ‘вид мелкой рыбы’, *вежур* ‘желтые синявки’, *гöрдкок* ‘сыроежка’ и др.; обрядовая лексика, напр., термин народной магии *койöччан* ‘узел (на голове)’ его завязывают при совершении обряда «черöшлан»; термины родильного обряда, напр. *чурошница* ‘женщина, родившая ребенка без мужа’ и др. К сугубо мысовско-лупьинским можно отнести некоторые метафорические обозначения, не фиксируемые в коми словарях, например, обозначение косяка над дверьми *ыбöс юр* (букв. «голова двери»).

Некоторые слова мысовско-лупьинского диалекта отличаются от лексем других коми диалектов словообразовательными суффиксами, напр.: *споруйтны* // пермяцкое *споритны* ‘спорить’, *шагтыны* // пермяцкое *шагньöвтыны* ‘шагнуть’, *тиакасьны* // пермяцкое *тиакаявны*, зырянское *тиак вотны*, *тиакавны* ‘собирать грибы’, *ягöдасьны* // пермяцкое *ягöдавыны* ‘собирать ягоды’, *садиччалны* // пермяцкое *садиччыны* ‘садить (многим)’, *пасьны* // зырянское *пасьвартны* ‘разгромить’.

В коми-пермяцком языке, как и в других финно-угорских языках, одним из способов образования новых слов является парное словосложение, при котором образуются так называемые парные слова. Известно, что наибольшее распространение они получили в системе глагольного словообразования. В мысовско-лупьинском диалекте интерес представляют такие парные глаголы, в которых один из компонентов является русским заимствованием, а второй – исконной лексемой, напр.: *глушитны-юны* ‘сильно пить (вино)’, *каттисьны-придирайчыны* ‘придираться везде’ и др.

В рассматриваемом диалекте имеет место большое количество русских заимствований. При этом, проникнув в язык мысовско-лупьинских пермяков, некоторые русские слова претерпели различные изменения: фонетические, морфологические и семантические. Отметим некоторые из них.

Среди фонетических изменений можно отметить: переход конечного *-е* в *-о* (*-ё*), *-о* в *-а*, например: *вылюдые* – *вылюдёе*, *давление* – *давленнё*; *ведро* –

ведра, вино – вина; изменение *о* в *ö* в корне слова и в суффиксе: *мозжеть* – *мöжжитны*, *кадочка* – *кадöчка*, *горб* – *гöрб*, *колокольчик* – *кöлöкöльчик*, *голос* – *гöлöс*, *ленточка* – *лентöчка*; переход нехарактерных для языка пермяков звуков *ф, х, ц, ш, рь, мь* в определенные: *нюхать* – *нюкалны*, *хозяин* – *кöзяин*, *месяц* – *мисеч*, *богородица* – *богородича*, *ящик* – *яшиик*, *плащ* – *плаш*, *фабрика-кухня* – *пабрика-кукня*, *восемь* – *восем*, *береза* – *бероза*, *богатырь* – *богатыр*, *кряж* – *краж*; вставка неэтимологического гласного в разных позициях для избежания не свойственных коми-пермяцкому языку сочетаний звуков: *Александр* – *Александыр*, *метр* – *метра*, *километр* – *километра*, *коммунизм* – *коммунизма*; выпадение определенного звука, не характерного для того или положения: *дурость* – *дурось*, *внучка* – *нучка*, *взрослый* – *зрослöй*, *всякий* – *сякöй*, *всеравно* – *сёравно*, *подклад* – *пöклад*, *лекарство* – *лекарсво*; переход начального *ть-* в согласный *к*: *тело* – *кело*, *тесто* – *кесто*; изменение конечных *-ый -ой, -ий* в *-öй*: *вольный* – *вольнöй*, *восьмой* – *восьмöй*, *гаинский* – *гаинскöй*, *пермский* – *пермскöй*; некоторые другие преобразования: *грязь* – *грезь*, *билет* – *белет*, *песня* – *письня*, *будто* – *бытьö* и т.д. Все эти изменения, встречающиеся в заимствованных лексемах, ожидаемы и объясняются фонетическими законами исследуемого языка, а в ряде случаев повторяют русские диалектные формы (например, ударное еканье – *грезь* вместо *грязь*, произношение [и] на месте старого "ять" между мягкими согласными под ударением – *письня*).

К морфологическим преобразованиям можно отнести следующие случаи: при заимствовании русских глаголов происходит переразложение. При этом, как правило, форма повелительного наклонения (с добавлением *т*) принимается за основу: *думать* – *думайтны*, *браковать* – *бракуйтны*, *брызгать* – *брызгайтны*, *венчать* – *веничайччыны*, *гипсовать* – *гипсуйтны*, *давить* – *давитны*, *дёргать* – *дёргайтны*, *готовить* – *готовитны*, *красить* – *краситны*, *ненавидеть* – *ненавидейтны*, *дубасить* – *дубаситны*, *дрожать* – *дрöжитны* и др. От русских существительных могут образоваться глаголы с помощью исконных суффиксов: *бригадир* – *бригадиралны* 'работать

бригадиром’, *замок* – *замокальны* ‘закрыть на замок’, *гармонь* – *гармонясьны* ‘играть на гармошке’, *мяч* – *мачасьны* ‘играть в мяч’.

Некоторые русские диалектные слова в рассматриваемом регионе сохранили свою семантику, например, *сичанка* ‘сеченка’ в значении ‘квашеная капуста, приготовленная из нарубленных зеленых листьев’, *заводииччыны* ‘заводиться’ в значении ‘начинаться’, *шыргун* ‘шаркунец’ в значении ‘бубенчик’, *ымрачитны* ‘мрачить’ в значении ‘сбивать с толку, запутывать’ и др. Приведенные примеры претерпели только разные фонетические и морфологические преобразования. Помимо этого наблюдаются русские, как правило, диалектные лексемы, которые в мысовско-лупьинском диалекте изменили свою семантику, приобрели там совершенно новое значение, расширили либо сузили семантику, например, *браччик* в русских пермских говорах употребляется при ласкательном назывании *брата*, в рассматриваемом регионе это слово зафиксировано с семантикой ‘деверь (брат мужа)’; лексемой *ангелок* русские обычно называют *маленького ангела*, в мысовско-лупьинском же регионе это слово имеет значение ‘ребенок (еще негрешный человек)’; *чушка* в русских пермских говорах употребляется с семантикой ‘нижняя часть подбородка вместе со ртом’, в исследуемом диалекте *чуш* ‘губа’ и т.д.

Тематический аспект

Рассмотрение лексики мысовско-лупьинского диалекта с тематической стороны позволяет выявить в диалектном словаре те участки, которые с большей очевидностью выражают своеобразие диалекта. В разделе представлен лексический материал, отражающий некоторые аспекты материальной и духовной культуры мысовско-лупьинских пермяков.

Лексика, отражающая материальную культуру носителей мысовско-лупьинского диалекта

Материальная культура включает в себя жилища и хозяйственные постройки, пищу и утварь, одежду и обувь, транспорт и др. К ней относятся также орудия труда и другой инвентарь, связанные с основной хозяйственной деятельностью: сельским хозяйством, промыслами и ремеслами.

Материальная культура любой территориальной группы людей определяется, в первую очередь, природными условиями места проживания. Так, носители мысовско-лупьинского диалекта занимают территорию, богатую лесами и реками. Это позволяет мысовско-лупьинским пермякам активно заниматься охотой и рыбной ловлей. Охота и рыболовство являлись главными промыслами, дающими средства к существованию. Охота велась не только для добычи мяса, но и для получения шкур, из которых после обработки изготавливалась одежда и обувь, постель. В промыслах мысовско-лупьинские пермяки использовали разнообразные орудия, большинство которых изготавливали своими руками. Все сказанное, несомненно, должно было найти отражение в языке. И сегодня в словарном составе мысовско-лупьинских пермяков встречаются самые разнообразные лексические единицы, связанные с охотой и рыбной ловлей.

Большинство зафиксированных в рассматриваемом регионе названий орудий охоты имеет общепермяцкое распространение. Это такие, как: *дзуг* ‘силки (для ловли мелких птиц и зверьков)’, *петля* ~ *пекля* ‘петля’, *пишаль* ~ *ружьё* ‘ружьё’, *капкан* ‘капкан’, южн. (вэовое) *ньов* ~ южн., сев. (эловое) *ньол* ‘1) лук; 2) стрела’, южн. (вэовое) *ньоввьёсь* ~ южн., сев. (эловое) *ньольёсь* ‘стрела’, *нальк* ‘ловушка в виде плашки с наживкой и насторожкой (для мелких зверей)’, южн. (вэовое) *вӧч* ~ сев., южн. (эловое) *лӧч* ‘силок, ловушка’. Последняя лексема в мысовско-лупьинском диалекте употребляется с э-овой огласовкой – *лэч*. С этой гласной данное слово встречается и в коми-зырянском литературном языке, а также в большинстве коми-зырянских диалектов.

Варианты типа *вӧч* ~ *лӧч* объясняются наличием велярного *л* в эловых диалектах и отсутствием его в взовых диалектах.

К употребляющимся преимущественно в рассматриваемом регионе, а также в других севернопермских диалектах можно отнести следующие лексические единицы: *чӧс* ‘слопец (на лесную дичь)’, *лӧзӧт* ~ *лӧзас* ‘загородка из хвойных веток по бокам силка’, *калябуч* ‘кляп, кляпик (в ловушках)’, *пильӧм* ‘ловушка, западня (напр. для зайцев)’. Некоторые (*чӧс*, *лӧзас*, *кал'абуч*) из названных лексем имеют место также в коми-зырянском литературном языке и зырянских диалектах.

Большинство зафиксированных нами в мысовско-лупьинском диалекте названий орудий рыболовства имеют, подобно наименованиям орудий охоты, общепермское распространение. Это такие, как: *дӧмӧт* ‘запор, загородка, запруда (на реке, для ловли рыбы)’, сев., южн. (эловое) *кулӧм* ~ южн. (взовое) *кувӧм* ~ *куӧм* ‘ставная сеть’, *вугыр* ~ *удочка* ‘удочка’, *вугыр шать* ‘удилище’ *реж* ‘режь, редкая сеть’, *спининг* ‘спининг’, *сак* ‘сак, сачок’, *морда* ‘мӧрда’, *мерьежа* ‘мережа’, южн. *ветель* ~ сев. *ветель* ~ *витиль* ‘мережа (ставная рыболовная сеть на обручах)’, южн. (взовое) *адзвас* ~ южн., сев. (эловое) *адзлас* ‘острога’. Последнее слово в рассматриваемом диалекте имеет несколько иное фонетическое оформление – *азьлас* (в данном случае, по всей вероятности, наблюдается явление деаффрикатизации). В этом же фонетическом варианте данная лексема встречается и в коми-зырянских диалектах. В мысовско-лупьинском диалекте севернопермского наречия в значении ‘острога’ встречается и русское его название, претерпевшее фонетическое изменение – *вострога* ‘острога’.

Встречающимися только в севернопермских диалектах следует считать отмеченные в говоре лексемы *гымга* ‘мӧрда, вёрша’, *гольки* ~ *кибас* ‘грузило’, *кысна* ‘блесна (для ловли щук и окуней)’, *кӧлтыл* ‘невод’.

Одежда и обувь мысовско-лупьинских пермяков сходна с одеждой и обувью других коми-пермяков. На это указывают наименования этих предметов, встречающиеся в лексиконе мысовско-лупьинских пермяков,

имеющие в большинстве своем общепермяцкое распространение, например, *мыг* 'стан (часть женской рубашки)', *пась* 'шуба, иногда до колен, иногда коротенькая', *йөрнӧс* 'рубашка', *гуня* 'верхняя зимняя одежда из самотканого сукна (обычно короткая)', *пӧнитӧк* 'кафтан из грубого толстого сукна, обычно длинный' (ср. южное *поньток*), *дубас* 'холщовый сарафан', *нинкӧм* 'лапти из бересты', *чулки* 'шерстяные, до колен, выше или ниже', *чышьян* 'платок'. Несмотря на это, у рассматриваемых пермяков встречаются наименования одежды и обуви, которые имеют ограниченное употребление, например, *пагӧльышки* 'верхняя часть чулок', *кӧти* 'кожаная обувь', *ними* 'полуваленки (могут быть с завязками), валенки без голенища', *бакилаез* 'кожаные сапоги выше колена, обычно у охотников и рыбаков'. В некоторых случаях наименования рассматриваемых предметов в исследуемом регионе выступают в форме, аналогичной таковой в коми-зырянском языке, например, *гын сапӧг* 'валенок', букв. «валяный сапог», *гач* 'штаны'. При этом стоит отметить, что большинство названий предметов одежды и обуви у мысовско-лупьинских пермяков (как и у остальных пермяков) имеет русское (или опосредованно русское) происхождение, напр., *платье*, *потшальник*, *юпка*, *шапка*, *сарапан* и мн. др.

Лексика, отражающая духовную культуру носителей мысовско-лупьинского диалекта

Духовная культура включает многие аспекты, например, мифологические представления, традиционные обряды, фольклор, морально-нравственные представления и т. д. Мы остановимся на рассмотрении лексики, отражающей мифологические представления названной группы пермяков. Известно, что представления о мире, понимание его человек может выразить не только посредством каких-либо определенных действий, но и через язык. И, безусловно, самое яркое проявление они могут найти именно в словарном составе конкретного языка. В сознании мысовско-лупьинских пермяков, как и

других коми-пермяков, существует потусторонний мир, который населен сверхъестественными существами.

Всю зафиксированную нами демонологическую лексику можно разделить на две группы, в зависимости от отношения их к тому или иному уровню потустороннего мира.

I. Лексика, относящаяся к «добрым» сверхъестественным силам. В данной группе уместно выделить следующие подгруппы:

1. Наименования «добрых» сил: *Ен* ‘Бог’, *Вöрись енъез* ‘Лесные боги’. Последние, в свою очередь, делятся еще на больших (*ыджыт енъез*) и маленьких (*учöт енъез*). Все названные единицы являются исконными по происхождению. Атрибуты в словосочетаниях с *ен* ‘бог’ указывают на размер богов или же место их обитания. По мнению мысовско-лупьинских пермяков, *Вöрись енъез* ‘Лесные боги’ призваны охранять и беречь людей в лесу от всякой нечистой силы и, конечно же, от Лешего. В лесу с ними нужно здороваться, например, перед Великим четвергом мысовско-лупьинские пермяки приносят из леса три ветки можжевельника (одну – для здоровья и добра всем домашним; другую – для скота; третью – для жизни, чтобы она была полной и богатой). Перед тем, как отломать ветки, нужно обязательно сказать: *здравствуйте, Вöрись енъез, ыджыт енъез и учöт енъез* (Здравствуйте, Лесные боги, Большие боги и Маленькие боги). Примечательно, что в остальных местах, где также обитают злые духи-хозяева (например, в бане, в реке), богов нет. Возможно, это объясняется тем, что в жизни мысовско-лупьинских пермяков лес имеет особое значение; он и кормит, и одевает, дает материал для постройки жилища. *Ен* ‘Бог’ в представлениях лупьинцев выступает главной доброй силой, которой подчиняются другие боги.

2. Название выполняемых «добрыми» силами функций. Подобных слов мало – это *отсалны* ‘помочь’, *веськöтны* ‘исцелить’, *дорйыны* ‘защищать’, *берегитны* ‘беречь’, *охраняйтны* ‘охранять’. Все глаголы несут положительную семантику. По происхождению одни из них (*отсалны*,

веськѡтны, дорѣыны) являются исконными, другие (*берегитны, охраняйтны*) представляют собой русские заимствования.

II. Лексика, связанная с хтоническими сверхъестественными силами. Данная группа характеризуется большим разнообразием. Все лексемы, относящиеся к этой группе, можно разделить на следующие подгруппы:

1. Лексические единицы, передающие наименования хтонических сил, а именно:

а) лесного духа-хозяина: *Дядь* ‘Дядя’, *Ыджытыс* ‘Большой-то’, *Ыджыт дядь* ‘Большой дядя’, *Кузьыс* ‘Длинный-то’, *Кузь дядь* ‘Длинный дядя’, *Бес, Мисьтѡм бес* ‘Некрасивый бес’, *Татшѡмыс* ‘Такой-то’, *Вѡрас кодъя олѡ* ‘В лесу который живет’;

б) духа-хозяина дома: *Сусетко, Сусеткоок* ‘Суседушко’, *Домѡвѡй* ‘Домовой’, *Домовѡнок*;

в) духа-хозяина бани: *Банябес* ‘Банный бес’, *Банник, Бес*;

г) духа-хозяина воды: *Вабес* ‘Водяной бес’, *Куим чуня тѣтка* ‘Тётка с тремя пальцами’, *Водянѡй нылка* ‘Водяная девушка’, *Русалка*.

Как видно, самое большое число вариантов наименований представленных существ имеют названия лесного духа-хозяина. Во многом это связано с тем, что с лесом человек контактирует в большей степени.

Понятно, что для жителей обозначенной местности наименования данных существ в большинстве случаев являются табуированными. Поэтому они стараются передавать их эвфемизмами, а именно:

– переосмысленными общеупотребительными словами (*дядь* ‘дядя’, *кузь* ‘длинный’) либо словосочетаниями, в которых сочетание слов придает им не совсем обычное значение (*Ыджыт дядь* ‘Большой дядя’, *Кузь дядь* ‘Длинный дядя’);

– описательно (*куим чуня тѣтка* ‘Тетка с тремя пальцами’);

– словами иноязычного происхождения (*Банник, Русалка*). При этом в некоторых названиях присутствуют суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением (*Сусеткоок* ‘Суседушко’, *домовѡнок*). Понятно, что снабжение

подобными маркерами указанных наименований происходит в силу нежелания людей попасть в немилость к данным существам.

2. Лексические единицы, отражающие внешний вид названных мифологических существ. Слова этой группы указывают, что все сверхъестественные существа выступают в образе человека, имеющего некоторые аномальные черты:

- слишком большой рост или наоборот маленький (для характеристики лесного духа применяются слова *ыджыт* ‘большой’, *кузь* ‘длинный’, а по отношению к домовым – *учётикось* ‘маленькие’);

- чрезмерный волосяной покров или наоборот всякое его отсутствие (примечательно, что домовый может быть *гёна* ‘волосатый’, *кузь юрсиа* ‘с длинными волосами’, *чикися* ‘с косами’ и *лысёй* ‘лысый’; *сьод тоша* ‘с черной бородой’ – может быть дух бани);

- какие-либо необычные части тела (*юрыс ыджыт, пиннес та кузяось...* ‘голова большая, зубы вот с такой длины’ – характерно для лесного духа; *бёжаось* ‘с хвостами’ – свойственно для духа-хозяина бани; *сюра* ‘с рогами’, *куим чуня* ‘с тремя пальцами’ – характеризуется дух воды).

У этих антропоморфных существ можно определить пол. Лесной дух, как правило, выступает в виде мужчины, на это указывают его наименования – *дядь* ‘дядя’ либо *кузь дядь* ‘длинный дядя’. Домовой, по представлениям мысовско-лупьинских пермяков, может быть как женского пола, так и мужского, напр.: *учётик мужичок* ‘маленький мужичок’, *кузь юрсиа, чикися нылка роно ме дынё локтас* ‘как-будто с длинными волосами, с косами девушка ко мне идет’. По мнению некоторых, они представляют собой пару (*татшём учётикось, пара, гозйён* ‘Такие маленькие, пара, муж с женой’) или даже множество (*ох, кыдз свадьба ылас гуляйтёны* ‘ох, как на свадьбе (они) гуляют’). Полевой материал показывает, что дух бани – мужского пола (*сьод тоша* ‘с черной бородой’), а дух воды – преимущественно женского (*мича нылка, кузь юрсиа* ‘красивая девушка, с длинными волосами’). На женскую природу этого духа указывают и

его названия: *Водяной нылка* ‘Водяная девушка’, *Куим чуня тётка* ‘Тётка с тремя пальцами’.

3. Слова, передающие обращения людей к данным сверхъестественным силам. Здесь следует указать, что жители названного региона могут обращаться только к домовому. Это обращение звучит следующим образом: *сусетко* (*суседушко*)-*батюшко* ‘суседко (*суседушко*)-*батюшко*’, оно является заимствованным из русского языка. К другим духам-хозяевам обращение невозможно, их наименования являются табуированными. Каждое произнесенное слово-наименование рассматриваемых существ сразу же влечет за собой совершение чего-либо нехорошего.

4. Лексика, передающая способы контактирования данных существ с людьми. Все рассматриваемые существа, за исключением домового, в представлениях мысовско-лупьинских пермяков являются злыми духами-хозяевами, способными совершать плохие или же пугающие действия. Эти действия они могут совершить непосредственно сами или же могут превращаться в кого-то. Появление того или иного сверхъестественного существа мысовско-лупьинские пермяки обозначают заимствованным словом – *явиччыны* ‘появиться’. Домового в большинстве случаев видят во сне – *вётаси* ‘увидел во сне’; в отличие от других существ он давит человека – *ляпётё*.

5. Лексика, передающая способы защиты от злых существ. Человек, зная о существовании недобрых сверхъестественных сил, старается уберечься от них. Для этого он применяет разные способы. Наиболее часто встречающимся способом является употребление определенных словесных выражений. В них, как правило, содержатся слова с семантикой, относящейся к небесным силам, например, *бог-батюшкоён колялан* ‘с богом-батюшкой проводишь’, *ен-батюшкосё касьтылан* ‘бога-батюшко упомянешь’, *сьётрат босьтан ангылёкёс* ‘с собой возьмешь ангелочка (маленький ребенок считается ангелочком)’. Другим распространенным способом является запрет на произношение наименований злых духов.

Лексический материал показывает, что ирреальный мир мысовско-лупьинских пермяков населяют как добрые силы, так и злые. В научной литературе часто указывается, что согласно представлениям коми-пермяков небесных «добрых» и хтонических сил много. Но у каждой из этих групп имеется один главный владыка: у «добрых», как правило, *Ен* 'Бог', а у «злых» сил – *Куль* 'Дьявол'. Как показывает диалектный материал, у мысовско-лупьинских пермяков вышесказанное подтверждается только по отношению к «добрым» силам, что касается «злых» сверхъестественных сил, то у них этого владыки нет. По представлениям лупьинцев, каждый из рассмотренных нами хтонических персонажей имеет свое конкретное место обитания, где он является хозяином. При этом представляет собой совершенно независимое существо.

Заметим, что сфера демонологических представлений лупьинцев чрезвычайно колоритна и до настоящего времени неплохо сохраняется. Для более полного описания мифологических представлений мысовско-лупьинских пермяков необходимы дальнейшие изыскания.

Раздел 3. РУССКАЯ РЕЧЬ СОВРЕМЕННЫХ ЛУПЬИНЦЕВ

Основная сфера применения родного коми-пермяцкого языка в современных условиях – устное общение пожилых людей. В общении молодежи, лиц среднего возраста в основном используется русская речь. Мысовцы и выходцы из Лупьи, родившиеся перед войной, вспоминают, что русский язык был тогда еще мало распространён: *«По-русски у нас даже мама не знала. И бабушка не знала никогда. Когда книги в школе давали, тогда уже начинали по-русски болтать. А потом русскэй язык стали изучать, и научились»*. В наши дни родной язык используется всё меньше и меньше, он практически уходит из речи молодежи и детей; в последние десятилетия прекращено его преподавание в школе. Современный массовый переход на русский язык местное население связывает с более широкими перспективами

профессиональной и социальной мобильности, с возможностями более успешно продолжить образование в городах.

Русская речь коми лупинцев, которые, как и коми-пермяки в целом, являются билингвами, чрезвычайно своеобразна. Естественно, что в ней сильно влияние коми-пермяцкой фонетики и грамматики, отмечается использование русифицированных форм коми лексики и калькированной фразеологии, включение коми-пермизмов: *«Покойнику платок суют в карман и десять рублей эшö пуктöны деньга. Чтобы он денежный был, значит, он там в деньгах будет, при деньгё. Чтобы он был богатый. Можно десять рублей пуктыны, много нельзя»*. В приведённом примере отражены коми-пермяцкие фонетические черты (напр., в слове *эшö* ‘еще’ использован коми-пермяцкий неогубленный гласный так называемой средней узости [ö]). В деформированном виде используется здесь русский фразеологизм *при деньгах* (‘с деньгами’): *при деньге, в деньгах*. Любопытно в этом фрагменте описания похоронной традиции использование в русском контексте коми-пермяцкого глагола *пуктыны* (‘положить’). Выбор информантом этого слова скорее всего связан с желанием сохранить установки на табуирование (за глаголом *пуктыны* стоит обрядовое действие, которое представляет собой контакт с умершим; при этом действие должно выполняться с особыми предосторожностями и условиями: *«Можно десять рублей пуктыны, много нельзя»*).

Степень владения русским языком не одинакова у разных групп населения. Наибольшее сохранение в русской речи особенностей фонетического и грамматического строя и даже лексических единиц родного языка отмечается у пожилых: *«Старука серöмчис [засмеялась] тай да говорит: как-то всё же зашла»*. Массовость такого рода явлений позволяет говорить о процессах пиджинизации русского языка, когда используется упрощенная, структурно менее сложная грамматика чужого языка. Пиджин выступает прежде всего как вспомогательное средство в общении с русскими. Тексты, иллюстрирующие такую речь, наглядно представляют процессы языковой интерференции на разных уровнях — нарушение носителем двуязычия правил

соотнесения родного и осваиваемого языков, перенос навыков владения своим языком на явления другого языка.

В то же время в речи наиболее образованного населения пиджин становится более грамматически правильным, имеющим большую словарную базу. Расширение его возможностей и функций отчасти может свидетельствовать о постепенном превращении его в своеобразный диалект русского языка. Чрезвычайно интересным в этом плане является богатство русского словарного запаса говорящих, в том числе сохранение архаичных пластов русской лексики, нередко выветрившихся в традиционных русских говорах.

Наиболее активно русская речь применяется лупьинцами молодого и среднего возраста. Основательное знание в крае русской речи объясняется давними культурно-языковыми и хозяйственно-экономическими связями русских и коми-пермяков. Русское население закрепляется в Гайнском районе уже с XVI века, соответственно с этого времен осуществляется постоянный контакт с коми-пермяками. Как в местных русских говорах немало финноугорских включений (терминология охоты, рыбалки и собирательства, отдельные пласты лексики, связанные с семейным укладом, природная и географическая лексика), так и в лупьинской речи обнаруживаются значительные пласты русской лексики, в том числе диалектной. Ярким примером является слово *ослядь* — 'бревно, лес годный на брёвна, строевой лес'. Как отмечал В. И. Лыткин, это слово активно усвоено разными группами коми-пермяков (в т.ч. в форме *öшл'ад* 'толстая жердь, тонкое бревно')¹. Этимологически оно восходит к глаголу *оследить* — 'выбрать, отследив', и отражает здешнюю старую «технологию» заготовки леса для последующего сплава и продажи — по историческим данным известно, что лупьинцы активно занимались поставкой леса, в том числе отборного, для солеваренных заводов Соликамска и Усолья (города Дедюхина). В целом следует отметить, что

¹ См. подробно: В. И. Лыткин. Древнейшие русские заимствования в коми языке. Вопросы филологии. М., 1969. С. 242-248.

сохранение архаических форм русской народной лексики, использование русских лексем на месте коми-пермяцких является примечательной чертой и русской речи лупынцев, и местного коми диалекта (*«У нас половина русскэй язык. Черт по коми Дьявол, куль у нас не говорили. Кедра не сыспу, кедра и эм»; «Здесь говорят «куница», а в Пуксибе вот говорят: «Кулан»; «Петли на дичь — зырянские сюда приходят, говорят «лэч». Мы — петли, петляэз»*).

3.1. Фонетические и грамматические особенности русской речи лупынцев

Русская речь лупынцев представляет собой смешанный, часто грамматически неправильный язык, с ярко выраженным влиянием фонетики, лексики и грамматики коми-пермяцкого языка. Характер фонетических и лексико-грамматических коми включений иллюстрирует следующий текст: *«Ой, раньше другой одежда была. Сарапан, да дубас эшэ. Дубас — сами делают. Сарапан — это покупаешь откуда-то всё равно немножко ситец. Печатные дубасы раньше были у кого чуть богаче живут. У меня сарапан был, нучатка концерт показывала, он взяла, не принесла ешэ. Асыка — полосками был. Красивый, красивый был. На лямках. Пояс тоже был, она же взяла»*. Как видно из примера, построение фраз отличается структурно упрощенной грамматикой. В речи отсутствует согласование слов по роду (*другой одежда* — в связи с неизменяемостью коми-пермяцких прилагательных, *он, нучатка*, т.е. внучка, *взяла* — в связи с отсутствием категории рода в коми-пермяцком языке (лексически проявляется лишь родополовая дифференциация); редко и своеобразно используются сложноподчиненные конструкции (*«Печатные дубасы раньше были у кого чуть богаче живут»*), применяются слова родного языка (*асыка* — о набивной ткани).

Особенности русской речи лупынцев связаны и с тем, что достаточно ощутимо влияние на здешнюю речь языка соседей коми-зырян, что хорошо осознают сами носители языка, особенно приезжие: *«Язык здесь половина*

зырянскэй. Печь истопилась – «печь ваймис». Я не понимаю, что значит «ваймис». «Они здесь как-то так – «лупьянка» говорят, более мягко этот звук произносили. Они как-то на «ль» разговаривают, мягко так «ль» говорят. Бабушка верхлупьинская, баба Наталья была, она так мягко говорила». В рассказах пожилых лупьинцев немало воспоминаний о их поездках в ближние коми-зырянские деревни – Дзоль, Оська. «Мы к ним. И к нам они ездили. У них Покров праздник. В Покров было едут, а наш праздник Строица, примерно, вот Ильин день. Такие дни опять к нам они идут молодёжь да старые-то, конечно». Контакты с особой культурой и языком географических соседей коми-зырян хорошо иллюстрирует достаточно анекдотический пересказ гощения лупьинки в зырянском селе Дзоль: «Язык у зырян другой немножко, но понятно. Я не знала, как пить в Дзоли. «Ю», — пить принесут. – «Ог». Он: «Кэ», и всё, и унесут, и больше тебе крен. Один раз только приглашают. У нас коть бы сколько раз, да пей же, да ю, да ю. Больше так и сидела, не поили больше. Попала, как дурочка».

В фонетической сфере в русской речи лупьинцев отмечается характерное для диалекта использование твердого [р] вместо мягкого («он стал реветь матерэ», «я кражую бревно», «ров подняли дети»), замена звуков [ф] на [п], [х] на [к] (сарпан, пупайка/ пайка вместо фуфайка, пронт вместо фронт, колодно, Кристос), использование более мягких и «шепелявых» фонем (щевкровка вместо свекровка, щемья вместо семья). Грамматические особенности русской речи связаны с принципиальным несоответствием строя русской флексивной грамматики и коми-пермяцкой грамматики агглютинативного типа. Иная система падежей, отсутствие категории рода, неизменяемость по падежам прилагательных, особые средства выражения одушевленности / неодушевленности, практически полное отсутствие согласования, особые формы глагольных времен, свои способы выражения видовых и залоговых отношений, особая роль порядка слов, специфика в оформлении сложных предложений для передачи сложных мыслей в виде коротких предложений, следующих друг за другом – все эти факторы приводят к смешению русской

речи с коми-пермяцкой, к многочисленным фактам межъязыковой интерференции.

В сфере грамматики имени наибольшее своеобразие отмечается в использовании таких грамматических категорий, как падеж, род, число.

Падежи

Одна из особенностей изменения существительных по падежам — упрощение падежных парадигм. В формообразовании могут не использоваться дополнительные морфонологические средства (напр., чередование гласных в основе — *багором работал* вместо *багром*; «*В рожки растёт эта трава*» вместо *во ржи, стукать лбом* вместо *лбом, шлепать ремнем* вместо *ремнём*). В этом и подобных случаях имеет место влияние чисто коми-пермяцкой закономерности — все русские заимствования, как существительные, так и другие части речи, склоняясь или спрягаясь в языке коми-пермяков, изменяясь по числам, всегда сохраняют начальную форму: *багоррез* «багры», *багорён* «багром», *багорся* «кроме багра», *ременьын* «в ремне».

Последовательно осуществляется «выравнивание» падежной парадигмы по доминирующей разновидности склонения: «*Помечь делать — картошку копать да што – так позовёшь суседов, они помогут*». В этом случае используется флексия *-ов* вместо *-ей* в нарушение ограничения: по правилам, их выбор в родительном падеже множественного числа связывается с характером конечной согласной основы (используется флексия *-ов*, если основа оканчивается на парно-твердые согласные, а флексия *-ей* после парно-мягких согласных и шипящих).

Типичным является опущение предлогов при создании падежных форм, что связано с отсутствием предлогов в коми-пермяцком языке (*Жили Верх-Лупье; Гуляет другим мужиком; Не было кладбища, кто куда, кто межу свою коронит*, т.е. *на свою межу*). В этом случае основным показателем падежа выступает флексия (значительно реже используется избыточное оформление падежа — введение предлога: *От медведей, от волков мы не боялись* вместо

боялись медведей). Иногда отмечается использование в качестве показателя падежа только предлога (*«Дочь работала в Тюмень»*).

Отмечается широкое, недифференцированное применение одного и того же предлога для выражения разных значений того или иного падежа: *«На пасху яйца крашу — с веника лист, они зеленые становятся; Кольцо делают с виц, с сучьев»*; *«Наш жеребец, отец выросил, и забрали на войну — прямо с сарая забирают»*; *«С калеги не делали вроде пироги, а с моркови мать у меня как-то делала»*. В этом случае имеет место замена использующихся с родительным падежом многозначных предлогов, участвующих в выражении родительного «места» (*из сарая*), родительного «материала» (*из веника, из моркови*) на предлог *с*, содержащий в своей семантике общее указание на исходную точку движения (действия). Отмечается смешение родительного и дательного падежей (*Мне злость чё-то взяла вместо меня злость взяла*), что связано, скорее всего, с близостью их значений (в обоих случаях выражено объектное значение). Может заменяться форма предложного (местного) падежа на винительный (*Бобры в нору, под берегами живут*). В этом случае передается общее пространственное значение (со смешением значений нахождения внутри, движения внутрь). Предложный падеж в местном значении может быть заменен винительным объектным падежом: *«Вот Паска, Кристос рисует на небо кресты, просит молиться»* (вместо *на небе*).

Наконец, непоследовательно передается падежными формами одушевленность / неодушевленность, недифференцированно используются формы винительного и родительного падежей: *«Белки не едят, ик токо на шапку»* (вместо *белок*); *«Бобры осин валят»* (вместо *осины*), *«Карась не разу не ловила»* (вместо *карася*).

Род

Широко распространенные ошибки в использовании родовых форм существительных связаны с отсутствием в коми-пермяцком языке категории рода: *«Бóбра жила под берег»*, *«Два лошадя кодят»*. Чаще всего колебания в родовой отнесенности, представленные формализованными средствами

(флексиями), касаются абстрактных и неодушевленных существительных: *сорочина* вместо названия поминок на сороковой день *сорочины* («*Сто грамм наливаем и краюшек хлебушка, это всё стоит до сорочины*»), *поминка* вместо *поминки* («*Мёд делают рисом — первую очередь на поминку это наливают*»), *приманок* вместо *приманка* («*Рябок подходит к приманку*»), *продукта* вместо *продукты* («*Он пойдёт в магазин, купит продукту*»). Отмечаются также случаи аналитического выражения иной родовой характеристики слова: «*На печке пыль был*», «*Полный веранда барахло*». Колебания в родовой отнесенности одушевленных существительных отмечаются реже («*выйдешь взамуж, родишь ребёнку*»), обычно в этих случаях отмечается нарушение координативной связи существительного и глагола-сказуемого: «*Белка по огороду ходил; Белка надо белый чтоб был; Ребёнок у меня уже была*».

Число

Как и при маркировании других грамматических категорий, в выражении числа наблюдается морфологическое выравнивание форм. Прежде всего, это «экспансия» основного средства выражения числа — наиболее частотной флексии *-и* (*сторожи, поясы*), частое отсутствие морфонологических чередований (*дятлы* вместо *дятлы*). Множественное число приобретают собирательные существительные («*Мы сю жизнь скоты держали*»), абстрактные существительные («*Злы у них были*»), форму единственного — существительные *pluralia tantum* («*Самогон дрожжью пахнет, не нравится мне*», «*Штаном что ли будут старики кодить*», «*Пуповину ножницам отрезали*», «*Вода в стакане стоит до сорочины*», «*Картошку в летнее время которое чистишь, очистку зимой вместо канпетки сосёшь*», «*Мне деньги не нужен*»). В использовании русскоговорящими числовой корреляции заимствованных русских существительных *pluralia tantum* значимым оказывается стремление наделить любое слово формой единственного и множественного числа, последовательно реализуемое в родном языке (*поминка* с точки зрения коми-пермяка есть поминание умершего в одном конкретном доме, *поминки* — в нескольких домах).

Глаголы

При использовании глаголов в живой русской речи лупынец наблюдается словоизменение по наиболее продуктивным типам, часто без дополнительных морфонологических чередований: «*Русалка сидит на брёвнышке и голову чешает*»; «*Дерево рубаем в мороз*»; «*Я ругаюсь, но драться-то не драюсь*» (используется соотношение основ инфинитива и настоящего времени «нуль согласной – j», т.е. так называемый первый словоизменительный класс), выравнивание словоизменения глаголов разного типа спряжения (*они кричат* вместо *кричат*). В формообразовании нередко своеобразно используется морфонологическое чередование в основе («*Толчили сами же перловку*» вместо *толкли* – из соотношения с основой настоящего времени *толчём*). Свою специфику имеет использование глагольного управления: «*Если плоко спишь, вот этим травой дыметь можно сама себя*», «*Ветер меня дунул*». В этих случаях глаголы *дыметь*, *дунуть* использованы как переходные, пропуск предлога направленного действия *на* приводит к усилению объектного значения управляемого имени.

Наибольшие сложности создает для говорящих использование возвратных и видовых форм глаголов.

Возвратность

При использовании русского глагола может быть либо опущен постфикс возвратности *–ся* («*Мы вот в лесу работали, в Ягдыне, вот там и познакомили*»), либо создана возвратная форма невозвратного глагола, в том числе и непереходного («*Саваном редко тут короняются сейчас*», «*Она корошэ живется*», «*Квас быстро убывается*»). Нередки случаи использования особых оттенков среднего залога. Так, во фразе «*Мать пришла, говорит: «Родилась, слава Богу, родилась. Уже рэбёнка на руки взяла*» форма *родиться* синонимична форме *родить*, имеет общевозвратное значение и выражает внутреннее состояние субъекта (в литературном языке глагол в форме *родиться* обозначает действие, замыкающееся в самом субъекте).

Вид

Категория вида в коми-пермяцком языке имеет свою специфику — служит не только для выражения направленности действия на достижение предела, но и для обозначения характера протекания действия во времени. С её помощью действие представляется как совершаемое однократно, многократно, мгновенно, длительно, как законченное и незаконченное. При этом способы передачи оттенков видовых значений не всегда грамматикализованы. Вероятно, этими различиями объясняются многие особенности использования видовых форм русских глаголов в речи лупинцев.

Смешение форм совершенного / несовершенного вида показывают случаи типа *«Отца не было у меня – в тридцатом году раскулачивали»*, где многократный глагол несовершенного вида в соответствии с контекстом указывает на завершенность действия (ср. также *«Эше лифчик старинный где-то есть, я сама шивала»*). Нейтрализовано соотношение предельности-непредельности действия в случаях типа *«Щепки от гроба жигают, до конца жигают»* (глагол *жигать* может быть соотнесен и с *сжигать*, и с *жгать* – жечь), *«Если женщина глазит, трудно уже лечить человека»* (*глазит* вместо *сглазить*). Не координируются, свободно соединяются в речи формы совершенного и несовершенного вида (*«Старука меня парила в бане, лечила. Парила и обрызгала»* — вместо *обрызгивала*; *«Она поила меня, и меня сон взяло»* — вместо *напоила*; *«Кому бросают ветки за гробом. А мне не бросайте, ветки не принесите»* — вместо *не носите, не приносите*). Такое же свободное совмещение форм совершенного и несовершенного вида проявляется в случаях типа *«Его стали в армию взять, он стал реветь»*.

При создании видовых пар очевидна тенденция к выбору наиболее частотного видового форманта, напр., префикса **с-**: *«Сосна сохнет, поди вся уже ссохла»* (вместо *высохла*). Следует отметить также активное использование в создании видовых пар нетипичных видовых морфем. Так, во фразе *«Кама промелела совсем»* использован префикс **про-** вместо **об-**, указывающего обычно на изменение объекта, на возникновение у него нового свойства. В

результате слово приобрело семантическое осложнение за счет введения оттенка «полностью» (приставка **про-** обозначает не только окончание действия, но и движение внутрь и насквозь).

Синтаксические особенности

Как отмечалось выше, построение словосочетаний нередко подчиняется особенностям коми-пермяцкой грамматики, где отсутствуют те или иные категории русского грамматического строя (*«Радуга перед корошим погодой показывается»* — сочетание *хороший погода* объясняется отсутствием категории рода и согласования определения и определяемого слова). В оформлении словосочетаний существенное воздействие особенностей коми-пермяцкого языка сказывается в передаче сочетания притяжательного прилагательного с существительным сочетанием существительного с существительным в родительном падеже (вместо *беличья шкурка* — у *белки шкурка*: *«Пока полна котомка не будет у белки шкурка, отец с окоты не идёт»*). В коми-пермяцком языке в этом случае особое значение имеет порядок слов (на первом месте стоит слово-определение, на втором — определяемое слово), что отражено и в русском варианте.

Координация подлежащего и сказуемого может быть чисто смысловой (*«Леспромхоз стали дома строить»*; под компонентом *леспромхоз* понимаются рабочие леспромхоза или же форма косвенного падежа с субъектным значением — в этом случае конструкция уподобляется коми-пермяцкому неопределенно-личному предложению. Во фразе *«По всей посёлке кукушки да сюзь летает, это к несчастью»* сказуемое, как и в родном языке, координируется только с предыдущим из однородных подлежащих.

В сфере простого предложения обращает на себя внимание активное функционирование конструкций, напоминающих одновременно и личные, и безличные: *«Вода под горой было»*, *«Лузан у нас не было, только видала»*, *«Мэдгорт тоже деревня было, там тоже люди жили»*, *«Заваривали верес, чтобы запах никакой не было»*, *«С мужиком вместе ночуешь, дети получается»*. В них отсутствует и координация в роде и числе (*вода* — *была*,

колодец – срублен, дети — получаются), и управление безличным глаголом именем в родительном падеже (*лузана не было*), что характерно для выражения семантики наличия или отсутствия кого-либо или чего-либо. Коми-пермяцкое предложение с подобным значением имеет двусоставное строение (ср.: *Пенсии сейчас стало хватать — Пенсия öні пондіс тырмыны*, досл. «*Пенсия сейчас стала хватать*»). Основная причина появления такого рода синтаксических построений – тот факт, что родительный коми-пермяцкого и родительный русского языков семантически не совпадают (родительному русскому соответствует винительный коми-пермяцкий). По этой причине варианты конструкций типа *запах никакой не было* представляют собой дословный перевод с коми-пермяцкого языка, т.е. являются результатом грамматической интерференции. Близки к данному типа построениям конструкции-результативы типа «*Колодец срублено у меня*», которые содержат краткую форму пассивного причастия и обозначают результат развития некоторой ситуации (такого рода результатив до сих пор сохраняется в русской диалектной речи, в том числе и в Прикамье, ср. *у их в обнимку спано было, у его уйдено из дому*).

В связи с общим для живой речи преобладанием паратаксиса над гипотаксисом, со слабой разработанностью средств формального выражения синтаксической зависимости частей сложного предложения в русской лупьинской речи имеет место своеобразное оформление сложных предложений. Конструкции типа «*Пирог рыбный ложат в которое ветром дерево сваленное*» показывают промежуточное положение их между простыми и сложными, осмысление причастного оборота как самостоятельного придаточного предложения. Сложные предложения нередко воспроизводят русские диалектные синтаксические модели. Так, во фразах типа «*Коровы начали падать весной, плохой фураж да*», «*Дома на Лупье поди разваленные уже. Я не знаю, давно не бывала да*» причинные отношения переданы использованием частицы *да* в постпозиции («*Коровы начали падать, потому что плохой фураж*»; «*Не знаю, потому что давно не бывала*»). Аналогичное русское диалектное явление представлено и в синтаксисе сложного

предложения коми языков, ср.: *«Кага эз вермы узьны, номъяс курччалёны да»* ('ребёнок не мог спать, потому что комары кусают'). Таким же способом передаются уступительные отношения: *«Титьки у мамы сама вытаскиваю и сосу, большая уже да»* (т.е. хотя уже большая).

Повторяет русскую диалектную модель конструкция с коррелятивной частицей **дак** (*так*) в качестве средства выражения причинных и временных отношений: *«До того на пылянах играю, что коросты даже, приду так»*. Как особый конструктивный элемент предложения используется диалектная частица *и... и* в постпозиции: *«Частушки, песни всё по-русски пели. Длинные такие были писни, старинные. И понимали и»*. Возможно в таких случаях и одиночное постпозитивное использование союза **и**: *«В Ильин день-то тоже наверно свежий хлеб пекли и»*, *«Вот колдуны-то колдуют и»*. И в том, и в другом случае, помимо того, что частица имеет выделительно-усилительное значение, она служит для завершения темы цельного высказывания, оформляет связь последней фразы с предыдущим контекстом. Аналогично может использоваться и союз **да**: *«Он большенькой, да понимает да»*.

Для указания на дополнительное присоединение используется частица **дай** (из соединения *да, и*): *«Ноги шупали покойнику, прошались дай»*; *«Некакой благословение не был, Господи благослови скажут дай. Благословит дай клебом»*. Она же используется для подчеркивания результата действия (обычно с глаголами движения: *«Русалка как женищина сидит на брёвнышке и голову чешает. Потом смотрели, смотрели, она в воду прыгнула дай»*). Аналогична по функции частице **дай** и вводная коми-пермяцкая частица **тай** 'оказывается' (также из соединения 'да и'): *«Не съили тай, живу»*.

Синтаксическую функцию могут брать на себя выделительные частицы – **то** (*то*), **же**. Встречается и вполне нормативное их применение (*«У них не белёной было дом-то»*; *«Мы, дети, еле дождемся, когда Абрам-Вань зайдет. Он же всякие басни рассказывает»* — здесь частица находится после выделяемого слова, усиливая его роль). Однако в целом ряде случаев при построении фразы говорящими учитывается значимость этого средства

усиления для высказывания в целом, а не того слова, перед или после которого она стоит: *«Девятого мая-то Егорий. В этот день отпускаем скотину, на Егорьеву руку отдаем её»*; *«Коровиный шерсть-то тонкий»*; *«Работали парни и девки же в лесу»*, *«Окопы — белые да красные воевали. Окопы же большие ямы»*, *«Лыжи — дед мне показал же, покойный. Просто он мне показал, как делается»*.

В русскую фразу нередко встраивается коми-пермяцкая частица **пӧ** (пэ), которая используется только в глагольных сочетаниях и вносит значение неочевидности совершаемого (совершившегося) действия: *«Это человек такой пэ и есть, он еще ругает кого-то»*; *«Про Степана Пермского-то рассказывали, по Каме пэ плыл на камне ли что ли»*; *«Старые люди грехи обмаливают берёзе, каются. Видимо, берёзе токо. Видимо, забирает. Это дерево потом пэ сохнет и падает»*. Частица синонимична русским вводным словам *говорят, мол, дескать* или частице *де* (синонимичными последней фразе будут высказывания *«Говорят, что это дерево потом сохнет и падает»*; *«Мол, это дерево потом сохнет и падает»*).

Включение в русскую речь коми-пермяцких модальных средств демонстрирует пример *«А мене, мыся, тоже надо стать, через трубу пройти»*. Слово *мыся* примерно равно по семантике русской частице *мол*, указывает на источник высказываемой мысли.

Во фразах типа *«Даже папирсы в гроб ложат, если он курящий был кэ»* используется коми-пермяцкая частица **кӧ** с семантикой условности. Эта частица всегда употребляется после глагола, к которому относится. Примечательно, что данная фраза содержит и русский маркер условности — союз *если*, т.е. говорящим используется удвоение этой семантики. Частица *эдэ* коми-пермяцкого языка используется как аналог частицы *ведь* — *«Частушки, песни — всё по-русски, я не знаю, почему по-русски, правда эдэ. Некоторэй раз я сама думаю: сами всё коми, а вот почему-ко вот всё по-русски пели»*.

3.2. Особенности словообразования и словоупотребления в русской речи лупыинцев

В сфере словообразования отмечается ряд тенденций, которые касаются использования словообразовательных средств. В частности, в русской речи лупыинцев отмечается высокая частотность различных форм деминутивов, в которых значение малого объема, размера и т. п., выражаемое посредством уменьшительных аффиксов, ощущается слабо либо нейтрализовано: *«Охотнички ещё другой раз зайдут ночевать в избушку»*, *«Он штук по семьдесят куничек сдавал»*. Немотивированное использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами весьма распространено в живой русской речи и расценивается то как показатель непринужденного, неформального общения, то как свидетельство зависимости говорящего от слушающего, показатель его особого эмоционального состояния. Обращение к уменьшительным словам русского языка, имеющим ярко выраженный эмоционально-оценочный компонент значения (*«Я поленко взяла, печку затопила»*; *«На куторе три-четыре семейки жили»*; *«Сухари, сакарок, чай брали, заваривали»*; *«Соборок был, отдала сыну, когда он женился»*), с одной стороны, следует оценивать как показатель манеры ведения речи (проявление доброжелательности, настрой на общение, желание избежать отчуждения). С другой стороны, можно допустить, что эти слова были восприняты из живой эмоциональной речи русских именно в этом виде, и их использование оформилось уже в стилистический приём (ср. образование форм, не отмеченных в собственно русской речи: *«Мать мне постелет ковришку с соломы, спи»*: форма *ковришка* вместо *ковричек* от *коврик*). Заимствование эмоционально-экспрессивных средств, и при этом средств позитивной окрашенности, может быть связано со слабой представленностью их в родном языке.

Для русской речи лупыинцев характерно активное словопроизводство, которое ориентируется на использование наиболее продуктивных словообразовательных морфем и словообразовательных моделей. Так, при

образовании прилагательных используется достаточно широкий набор суффиксов: **–ин–** («Коровиный шерсть-то тонкий, а лосячий длинный»; «Лесной как человек же, а ноги, говорит, коровиные»), **–ист–** («Черёмуха плодистая, говорит, нельзя рубить» -, «Суседко гонял, лошадь-то аж пенистый стал»), **–оват–** («Кустоватый такой цветочек растет»), **–ов–** («Сарапаны раньше были холстовые»). При этом у суффикса **–ин–** при нарушении его типичной сочетаемости сохраняется базовое значение принадлежности, у суффикса **–ист** указание 'обладающий большим количеством', у суффикса **–оват–** значение неполноты проявления признака. Абсолютное доминирование в образовании прилагательных однако демонстрирует суффикс **–н–**, имеющий общее значение признака: «У них род очень колдунный были»; «Ползун-трава возле дороги, где высокое ёлочное место, в таких местах»; «В окошке чтобы не сгнило у нас мох, борный мох. Он на борах, белый», «Мать у меня не такая староверная была». Продуктивность способа иллюстрируют слова *колдунный* вместо *колдовской*, *елочный* вместо *еловый*, *борный* вместо *боровой*, *староверный* вместо *староверский* (ср. также *охотная лайка охотничья*, *картошная похлебка*, *мать ворчильная* т.е. *ворчливая женщина*: суффикс **–н–**, получивший наращение *ль*, здесь «вытеснил» суффикс **–лив–** со значением склонности к какому-либо действию). Любопытно, что с ним образуется даже прилагательное от коми-пермяцкого причастия, напр., *куланный* от *кулан* 'мертвый': «Он пал и сразу куланный стал». Лишь в единичных случаях возникают формы типа *тракторовый* вместо *тракторный* («Мы тракторные сани сели и приекали»).

Наблюдается тенденция к упрощению морфемной структуры русского слова (особенно при использовании производных существительных): «Найдыша кормили собаку» (вместо *найдёныша*; причастный суффикс **–ен–** опущен, и суффикс лица **–ыш–** присоединён непосредственно к корневой морфеме). В форме *дребеда* от *дребедень* опущен суффикс **–ень**: «Бабушка знала скороговорки, пословицы, поговорки, всякую дребеду». Любопытно, что эта же форма отмечена и в окказиональном собственно русском использовании

– ср. в примерах современного словоупотребления типа *«На сайте одна дребеда»*. Аналогично используется почти «потенциальное» слово *домовья* ‘дома’: *«Два брата у матери жили в Керосе, они домовья оставили корошье»*, в котором использован суффикс **–овј-**. Слово *домовье* известно в ряде русских говоров (пск. гроб, особенно одnodеревый, долбленный), известно в поэтическом словоупотреблении (ср. у М. Кузмина в цикле «Форель разбивает лед»: *«Вот какое твое домовье: Свет мадонны у изголовья»*). В образовании абстрактных существительных суффикс книжной окраски может быть вытеснен разговорным (*«Несколько дней оставляли на подготовку, на обдумку»*).

При словообразовании может осуществляться замена синонимичных по семантике морфем: *«К ране прилепить подорожку»* (вместо *подорожник*), нередко игнорируется (или не замечается) возможная омонимия (*«Строили из кондовой сосны, еловик быстро гниет»* — слово *еловик* используется в русском языке лишь в значении ‘еловый рыжик’, здесь же с его помощью назван еловый лес). Единичны случаи образования сложных слов с сохранением коми-пермяцкого компонента: *«Понболье — это собачья болезнь. Это ребенок калека получается, не развивается»* (от коми-пермяцкого *пон* ‘собака’, русского диалектного *боль* ‘болезнь’, с привлечением суффикса **–ј(е)** со значением отвлеченности).

Активно использование для образования глаголов «классического» суффикса-финали с семантикой совершения действия **–и-** (*колдунить* вместо *колдовать*: *«Вот колдуны-то колдуют и»*, *дурмить* вместо *дурманить*: *«Трава дурман с синими цветочками – дурмит; я помню, у нас отец заставлял матери в квас класть. Мать ругалась»*). Сюда можно отнести и глагол *лешиться* – ругаться с упоминанием лешего (ср. диалектное русское *лешакаться*): *«Проклинаться и лешиться не надо, это тоже грех»*.

Паронимические формы демонстрируют примеры типа *рассуждать* вместо *обсуждать* (*«Грех, нельзя людей рассуждать»*), *Спаска* вместо *Пасха* (*«Радольница — это Спаска родительскэй»* — сближение со словом *Спас*), *Строица* вместо *Троица*, *ужимки* вместо *ужинки* ‘праздник в честь окончания

жатвы' (*«В ужимки пировали. На поле квас берём, пироги»*), любопытный вместо любопытный (*«Они любопытные в Верк-Лупье-то, если увидят, кто-то приедет, угощают обязательно»*). Любопытно слово *мачерица* в значении 'мачеха', образованное по внешней аналогии и под влиянием семантической близости с *падчерица*: *«В воде и наверху живут черти три сорта. Это нам сказала наша мачерица»*.

Ряд фактов свидетельствует о семантическом освоении русской лексики коми-пермяцким языком. Так, слово *посудка* 'обиходный сосуд, предмет домашнего обихода для хранения, приготовления или подачи пищи' развивает значение 'небольшая бутылка спиртного' (*«Чем платить — посудку мне купишь да и ладно, поллитровочку»*). Глагол *воспитывать* 'развивать ребенка, прививать ему навыки поведения' семантически расширяется, переосмысливается в 'восстанавливать здоровье, лечить': *«Больницы ничё не были да, всё знахарством люди-то и воспитывали»*. Слово *лекарственный* может использоваться в значении 'лечебный' (*«С белки шубы-то шили. Она тёплая, лекарственная»*).

Одна из бросающихся в глаза особенностей – «игнорирование» при усвоении стилистической окраски заимствованного слова. Так, вполне нейтрально используется слово *капнуть* в значении 'тайком сообщить' (*«Никто ничего не знал, а потом отцу-то капнула тётка-тэ. «Ой, — говорит, — звери. Девчонку-то таку испортили»*). Аналогично глагол *шмолить* об интенсивном действии: (*«Смотрю, рябины нету. Такой шмоток грозди повесил, крупный, красный. Одна кожура на земле валяется, семечки. Интерес мне взял, какой зверь, кто так делает. Повесил снова. И попался мне бурундук. Он шмолит токо так»*). Экспрессивность глагола, связанная с наличием в нём семы интенсивности, в данном случае сохранена, однако семантика глагола расширена (в собственно русской жаргонизированной речи глагол *шмолить* имеет значение не 'много есть', а 'много курить, курить наркотики'; 'вести интенсивную стрельбу'). Сугубо жаргонное русское обозначение кошелька *гуманок* (явно из диалектов – ср. *гаманец, гаманок* южное западное

‘кожаный кошелек для денег’) используется как нейтральное (*«Гуманок какой-то был у бабушки старый, в нем деньги»*). Данное слово родственно другим жаргонным обозначениям кошелька (реже кармана) — *гомонец, гаман, гомак* и, возможно, восходит к переосмыслению и секретной «перекодировке» по некоторому созвучию слова *гомон* ‘карман’ (при этом нейтрализуется ассоциация *гомон* ‘шум’, активизируется модель обозначения денег через идею шума, звука их при счете, когда обычный «шелест купюр» гиперболически возводится к интенсивному шуму (ср. также *хруст* деньги).

Диалектизмы

Как отмечалось выше, лупьинцами активно усваиваются русские диалектные элементы, как знаменательные, так и служебные части речи (ср., кроме отмеченных синтаксических частиц использование диалектной частицы с семантикой неопределенности –**ко**, аналога постфикса –**то**, встречающегося в неопределенных словах *какой-ко, куды-ко*: *«Сами все коми, а вот почему-ко вот всё по-русски пели»*). Можно говорить об одной из ярких особенностей лупьинской русской речи — обилии диалектных лексем, прежде всего, севернорусских. Собственно и в словаре лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка таких заимствований (разной степени освоенности) немало. В составе публикуемого в издании словаря лупьинского диалекта представлены лексемы *комутеч* ‘болезненное уплотнение на теле’ (ср. *хомутец* в этом же значении), *матка* ‘компас’, *мусник* ‘хлебное изделие в виде лепешки’, *чурка* ‘внебрачный ребенок’, *шыргун* ‘бубенчик на конской сбруе’ (ср. русское *ширкунчик, ширкунец*) и др. В приложении приведен в словарном виде список русских диалектных лексем (около 100 слов), отмеченных в русской речи лупьинцев.

Заимствованная русская диалектная лексика входит в самые различные тематические группы. Это обозначения природных явлений типа *старолунье* (*«Старолунье мы говорим, чтобы было, когда надо лес рубить»*; слово образовано по аналогии с *безлунье, послелуние* и пр.); термины родства (*свестья*

- сестра жены или мужа; в русских говорах слово *свестья*, *свестя* известно как вологодск., вятск., архангельск., в том числе в форме *свѣстка*, *свясь*, и используется русскими лишь для обозначения сестры жены); многочисленные этнографизмы (*сеченка* или *сиченка* 'квашеная капуста из верхних рубленых листов кочана' – в южнорусских говорах так называют изрубленную на корм животным солому); названия растений («*Шишибар* — лопух, это от каши, от сдыканне-то. Она не вредный, она очень короший лекарство»; слово, в том числе и в виде варианта *шишибарник*, встречается в пермских, архангельских говорах, является производным от *шиш* 'черт' и глагола *бороть*, по аналогии с чертополох от *черт* и *полохать* 'пугать'). Дialeктная лексика включает также технические термины и профессионализмы (*домная пила* 'пила для распилки бревен на плахи, тес', *глухарный сплав* 'сплав бревен «глухарями», бревнами в особой укладке, напоминающей баржи'),

Русские диалектные лексемы могут использоваться не только в «чистом» виде, но и в семантическом переосмыслении (*шором* 'укладка снопов в скирду'; слово используется в пермских, сибирских говорах для обозначения копны гороха, стога сена, сооружения из жердей для просушки сжатого хлеба), а также в морфемном преобразовании. Так, обозначение суеверной приметы *захматка* известно в русских говорах Прикамья в форме *захмат* в том же значении. Вероятна его связь с именем тюркского происхождения *Захмат*, которое в свою очередь восходит к арабскому «труд». Привлечение его для обозначения хитроумной уловки, суеверной приметы, действий сверхъестественной силы связано, очевидно, с эвфемическим обозначением вредоносного ритуала через общее понятие труда, «делания» — ср. также переосмысление общего пермского *делать* в 'колдовать; лечить знахарством').

Лексика и фразеология русского происхождения, отмеченная в мысовско-лупьинском ареале, раскрывает особенности местной духовной культуры. Особенно наглядно это проявляется в использовании обрядовых терминов русского происхождения: «*Свататься — знамя просит женик. Знакомишься, да придёт, знамя просит, если желаешь ты замуж выходить. Я носовой*

платок вышивала мужику, он мне платок дал. Это знамя как называется, мене он платок дал, а я носовой платок вышила, дала, когда сватается». Обрядовый термин в своей внутренней форме содержит указание на глагол *знать* (*знамя* – это не флаг, а вообще то, что позволяет отличать, замечать, т.е. отличительный знак).

Лексика и фразеология отражают бытующие в регионе верования и представления. Сочетание *Иван Гарнозович* используется как эвфемическое обозначение лешего. На Русском Севере и в Прикамье как у русских, так и у коми-пермяков зафиксировано множество имен духа леса, которые характеризуют различные особенности его облика и занятий (*Теретей Теретеевич, Виктор Викторович, Салапон Салапонтович, Леонтий Леонтьевич* и пр.). Редкий для традиции быличек выбор имени лешего *Иван* может быть связан с использованием его как сугубо русского, т.е. как показателя отнесенности героя к чужой, в данном случае славянской культуре (значимо может быть и то, что во многих сказках, известных в том числе и коми-пермякам, Иван и леший – антагонисты, противники, которые, как известно, мифологически могут уподобляться друг другу). Отчество *Гарнозович* затемнено, хотя очевидна связь слова *Гарнозович* с отмеченным у гайнских пермяков именем духа лесных урочищ *Гарнуз Иванович*¹, имя *Иван* в котором также значимо. Выражение *нелюбку пустить* ‘отсушить, отвратить колдовством от кого-л.’ содержит старое русское *нелюбка* ‘гнев, неудовольствие’ и отражает веру в такой способ колдовства, как пускание порчи по ветру. Фразеологизм *Могилев город*, обозначающий тот свет, отражает бытующие представления о жизни после смерти, ср. об этом в следующем контексте: *«Когда умирают люди, потом живут там в городе. Могилев город. Дым едят. Там верес растет. Они работают, горшки делают. Триста лет проживешь, и снова молодой сделаешься...»*. Фразеологизм

¹ Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми. Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996, с. 65: «У... северных, гайнских пермяков отдельные духи лесных урочищ именовались *Гарнуз Иванович, Музгарт Иванович*, его сын *Руслан Музгартович*. Самым главным среди всех лесных духов-хозяев считался Митрофан Митрофанович».

соотносится с русским диалектным обозначением кладбища *Могилевская деревня* (ср. в широком употреблении – каламбурное *Могилевская губерния*), с представлением о кладбище как места «жительства» умерших родителей (как в выражениях *Крестовая деревня, Голубой городок, Звездный городок*).

Фразеология, как наиболее сложная часть словаря любого языка, при освоении может подвергаться разного рода трансформациям. Так, выражение *на весь галоп* ‘очень быстро’ («*Она не вернётся, на весь галоп посёлок убежала*») представляет собой вариант общерусского выражения *во весь галоп*, в котором использовано слово *галоп* – название самого быстрого способа бега лошадей (от франц. *galop*). Выражение *положить на себя руку* представляет собой деформацию оборота *наложить на себя руки* ‘совершить самоубийство’ («*В Лупье такое дело не было да, чтобы руку на себя положил*»). Шутливое выражение о крайне пьяном («*Я такой квас умею делать: один глаз Коми Асэсэр смотрит, второй на Тимшер. Такой пьяный квас*») строится по схеме русских выражений, характеризующих либо пьяного, либо косоглазого: *один глаз на Кавказ, другой на Арзамас, один глаз на печь, другой в Галич, один глаз на Кавказ, а другой на Белы горы* (последнее отмечено в русских говорах Прикамья).

Встречаются случаи «перевода» на русский язык коми-пермяцких фразеологизмов. Так, выражение *как смоляной пень* о имеющем крепкое здоровье («*Раньше люди были как смоляные пни, не болели, а теперь слабые*») ассоциативно соотносится с коми-зырянской пословицей *кадыд и сирёд мырьёс сісьтё*, букв. «время–то и смолистый пень гноит». Шутливое название алкоголя (водки, самогона) *горькая капля* близко к коми *курыт ва* ‘водка’, досл. «горькая вода». Нередки, впрочем, случаи такого перевода коми фразеологизма, когда своей внутренней формой калька не совпадает с языковой «логикой» русского языка. Таково сравнение *как птичка* о быстром, подвижном («*Телёнок-то у меня такой короший, как птичка прыгает*»); в русских говорах сравнение с птичкой актуализирует иные смыслы (напр., идею «малости», откуда выражение *есть как птичка*). Сравнение с муравьём в

русской языковой среде может характеризовать трудолюбивого, тогда как в устах русскоговорящего коми-пермяка оно может оценивать бедного (*«Деньги не были, как мурашки жили»*).

Таким образом, русская речь лупьинцев имеет чрезвычайно широкую сферу применения. Приведенные материалы свидетельствуют о явной пиджинизации русского языка в регионе, о чрезвычайно сильном воздействии на него норм коми-пермяцкого языка на всех языковых уровнях. Особый интерес вызывает высокая степень частотности в местной речи русского диалектного материала, как лексического, так и грамматического.

Приложение 1. Словарь мысовско-лупьинского диалекта

Публикуемый словарь территориально ограниченных лексем мысовско-лупьинского диалекта включает в себя около двухсот лексических единиц и устойчивых словосочетаний. Все они характеризуются с ареальной точки зрения, со стороны происхождения и структуры и в своей совокупности дают впечатление о культурно-языковом своеобразии этнографической группы. Каждая лексема иллюстрирована диалектным материалом (представлена в составе высказывания). При наличии у слова нескольких значений иллюстрируется каждое из них. У лексических единиц указано ударение (ударный гласный выделен жирным шрифтом). В ряде случаев применены специальные пометы (указание на часть речи, на характер экспрессивной окраски, на сферу применения слова или выражения – например, отнесенность к обрядности – обрядов. или суеверным представлениям – суев.). Слова размещены в алфавитном порядке.

Словарная статья строится следующим образом. Толкуемое слово вынесено вперед, за ним следует характеристика с помощью помет экспрессивных качеств и сферы применения, описание значения, территориальная помета и контекст употребления (с переводом на русский язык). Далее приводится сравнительное описание (соотнесенность с лексикой

других финноугорских языков, наличие в этих языках аналогов и эквивалентов), этимологизация слова. Фразеологизмы в составе словарной статьи даны на слово, являющееся опорным (грамматически господствующим в составе устойчивого сочетания) и выделены знаком =. При описании применены сокращения – в указаниях на территорию фиксации и на данные словарей (см. список сокращений).

Список сокращений

Названия населенных пунктов:

Вл. – Верх-Лупья; Кон. – Конопля; К-Сотч. – Коса-Сотчём; Мыс. – Мысы; Пург. – Пурга; Сойг. – Сойга; Тош. – Тошиб; Хар. – Харин; Шург. – Шурга шор сай.

Названия использованных словарей и других научных изданий:

Баталова 1975 –Баталова Р. М.. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1975. 252 с.

Баталова 1990 –Баталова Р. М.. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. 205 с.

Баталова 1995 –Баталова Р. М.. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М., Гамбург, 1995. 197 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. Ок. 27 000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман; ИЯ АН СССР; Пермский ГПИ. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

КРК – Коми-роч кывчукör (Коми-русский словарь). Ок. 31000 слов / отв. ред. Л. М. Безносилова. Сыктывкар, 2000. 815 с.

КЭСЯ – В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев Краткий этимологический словарь коми языка. Переизд-е с дополн. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

КЯД – В. И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М., 1961. 226 с.

Лобанова 1993 –Лобанова А. С.. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук / РАН. Ин-т языкозн. М., 1993. 167 с.

РКС – Русско-коми словарь. Ок. 52000 слов / отв. ред. Л. М. Безносилова. Сыктывкар, 2003. 1103 с.

Рогов Н. А. Пермяко-русский и русско-пермяцкий словарь. С.-Петербург, 1869.

СГСРПО – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973. 706 с.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1 (А – Н). Пермь, 2000. 605 с.; Вып. 2 (О – Я). Пермь, 2002. 574 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / АН СССР. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. дополн. 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2001. 939 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь. Ок. 35 000 слов / под. ред. В. М. Вахрушева. М., 1983. 591 с.

С Л О В А Р Ь

АЗЬ. =Вольгум азь ~ сера азь ~ гӧна азь ~ коч азь.

Сныть; растение борщевик, пикан. *Вольгум азьыт нюрын быдмӧ*. (Сныть-то на болоте растёт). Мыс. Названия растений с компонентом *азь* встречаются как в коми-зырянских диалектах (*азь*, *азьгум*, *азьпӧк*, *гумазь* ‘борщевик сибирский’) [ССКЗД 1961: 10], так и в других пермяцких диалектах (косинское *азь* ‘зеленая листва капусты, рыхлый кочан капусты’, *азьгум* ‘борщевик’). Однако подобные названия сныти в них на сегодняшний день не зафиксированы. В верхневычегодском диалекте коми-зырянского языка употребляется сочетание *сера азь* с семантикой ‘борщевик сибирский’ [ССКЗД 1961: 10]. По своей структуре *вольгум азь ~ сера азь ~ гӧна азь ~ кӧч азь* являются словосочетаниями с определением к компоненту *азь* (соотв. ‘с гладким стеблем’, ‘пятнистый’, ‘мохнатый’, ‘заячий’).

АНГЫЛӚК. Ребенок. *Кагаӧс киӧттис тадз нямыртӧ, ангылӚкыткӧт пӧ ожжык сибал лешакыс*. Мыс. (Ребенка своего руку так сжала, с ангелочком-то, мол, меньше приближается леший-то). Заимствование из русского языка.

АСКИ. Завтра. *Аски мунам ягӧдла*. Сойг. (Завтра пойдем за ягодами). В аналогичном значении и фонетическом оформлении употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 31], в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 13]. В других коми-пермяцких диалектах, в коми-пермяцком литературном языке в значении ‘завтра’ также употребляется слово *ашын* [КПРС 1985: 23]. По происхождению лексема является исконной, восходит к общепермскому *aski* ‘наутро’ — корень *ас-* этимологически

тождественен *ас-* в слове *асыв* ‘утро’, которое является общеупотребительным в коми-пермяцком языке. [КЭСКЯ 1999: 34].

БАБА. Жена. *Менам бабаё куліс нин.* Пург. (Моя жена умерла уже). В данном значении слово *баба* употребляется во всех коми-зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 15]. В коми-пермяцком литературном языке лексема *баба* имеет значение ‘бабушка’, в других пермяцких диалектах слово также употребляется с семантикой ‘бабушка’. В некоторых случаях в речи коми-пермяков слово *баба* может встречаться в значении ‘женщина’ с негативной оценкой. Заимствовано из русского языка [КЭСКЯ 1999: 35].

БАБУШИТНЫ. Обрядов. Оказывать помощь при родах. *Гөгинь – кёда бабушитё кагасё.* Тош. (Гөгинь – которая оказывает помощь при рождении ребенка). В литературных коми языках – *бабитны* [КПРС 1985: 23; КРК 2000: 35]. Оба варианта представляют собой русские заимствования, *бабитны*, по всей видимости, восходит к слову пермскому диалектному *бабить*, *бабиться*, а *бабушитны* – *бабушка*.

БАДЬЛУДЫК. Клещ. *Бадьлудыкыс пырём шеяас.* Тош. (Клещ-то на шею сел; букв. зашел). Данное слово является специфическим для мысовско-лупьинского диалекта. По структуре представляет собой сложное слово: *бадь* – ‘ива’, *лудык* – ‘клоп’, букв. ‘ивовый клоп’. Компонент *бадь* является исконным по происхождению, имеет параллели с другими пермскими языками (кз. *бадь*, удм. *бадь*), с финским *raju*, с венгерским *fagyal* ‘бирючина’ и с другими финно-угорскими языками [КЭСКЯ 1999: 35]; *лудык* – заимствование из прибалтийско-финских языков, ср., например, финское *lutikka* [КЭСКЯ 1999: 163]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах значение ‘клещ’ передается сложным словом *льёмтой* (*льём* ‘черемуха или ягоды черемухи’ + *той* ‘вош’). Коми-зырянские эквиваленты – *пу той*, *вөр лудік* [РКС 2003: 339].

БРАЧЧИК. Деверь (брат мужа). *Браччик, лок таччё.* Сойг. (Деверь, иди сюда). Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *ичипиян* [КПРС 1985: 157]. В коми-зырянском литературном языке и в большинстве зырянских диалектов в

значении ‘деверь’ используется лексема *нивер* [КРК 2000: 501; ССКЗД 1961: 284]. Слово *браччик* заимствовано из русского языка, ср. русское диалектное *братчик* (ласк.) ‘брат’ [СПГ 2000: 55]. Семантику ‘деверь’ эта лексема приобрела, возможно, уже непосредственно в рассматриваемом диалекте.

БРОТТЬЫНЫ. Напирать. *Петі бы да бротти бы кыдз сійö.* Сойг. (Хочется мне выйти и напирать ему). Данное слово в несколько ином фонетическом оформлении (*бротъйöдлыны* ‘напирать’ или *бротъкыны* ‘пнуть’) встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 60] и в некоторых зырянских диалектах (ср. присыктывкарское *бротъкыны* ‘пнуть’) [ССКЗД 1961: 27]. По всей видимости, представляет собой производное от изобразительного слова *бротъ* или *брот*.

БРУЧЧИТЫШТНЫ. Быстро доестъ. Мыс. *Килограмм вöлі босьтлі молокосö да ставсö ни бруччитышитісö.* (Килограмм было покупала (я) молоко сухое, да всё уже доели). В данной форме это слово является специфическим для мысовско-лупьинского диалекта. По всей видимости, является производным от изобразительного слова *брут* (передающего шум от падения), которое соответствует коми-пермяцкому литературному *бут* ‘хлоп, бряк’.

ВÖЛТÖШИЧЧЫНЫ. Возиться, заниматься чем-либо. *Вермасö пуртöн вöлтöшиччыны.* Мыс. (Могут ножом возиться). В аналогичном значении данная лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 120], а также в разных фонетических вариантах (*вöлтöшиччыны*, *вöлтэшиччині*, *вöвтöшитчыны*) - в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 67]. Происхождение неясно.

ВÖНЬ. Кушак. *Ачит матишкатлö пöдаритан соса йöрнöс да мыксö. Вöнь пöдаритан. Ачым кыи.* Вл. (Сама свекрови подаришь рубашку с рукавами и стан. Кушак подаришь. Сама соткала). Лексема встречается в коми-зырянском литературном языке в значении ‘пояс, поясок’ [КРК 2000: 121] и в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 65]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах слово употребляется с *о*-овой огласовкой и обозначает либо подвязку — шерстяной шнур у лаптей, либо

опояску — шерстяной шнурок поверх рубахи [КПРС 1985: 79]. Слово является исконным по происхождению, имеет параллели и в других финно-угорских языках, например в финском - *vuõ* ‘кушак, пояс’, в венгерском - *öv* ‘пояс’ и др. [КЭСКЯ 1999: 67]. =Т а б ь я в ö н ь. Мужской пояс (вязаный). *Мужикьеслõн вöллисö табья вөнъез*. Мыс. (У мужчин были пояса вязаные). Сочетание зафиксировано и в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 634]. Компонент *табья* является производным от корня неясного происхождения *таб* ‘бердечко (деревянный прибор, служащий для вязания поясков)’ [КЭСКЯ 1999: 277], второй элемент *вөнъ* представляет собой исконное слово, имеющее параллели с финским *vuõ* ‘кушак, пояс’, с венгерским *öv* ‘пояс’ [КЭСКЯ 1999: 67; 277].

ВÖРМОРТ ~ ВÖРДЯДЬ. Суев. Леший. Буквально соотв. ‘лесной человек’ или ‘лесной дядя’. *Вöрас тай кодъя олö вöрмортыс, вöрдядьыс*. Мыс. (В лесу-то который живет леший). Сходным образом лешего называют и в других пермяцких диалектах, особенно в севернопермяцких, в южнопермяцких диалектах это значение в большинстве случаев передается исконным словом *вöрись* или (чаще) русским *лешак*. Разные наименования лешего возникают в силу того, что названия мифологических существ для коми-пермяков, как и для других народов, являются табуированными, запретными. По структуре лексемы *вöрморт* и *вöрдядь* представляют собой сложные образования, где *вöр* ‘лес’, а *морт* ‘человек’, *дядь* ‘дядя’. В названиях типа *вöрдядь* очевидно задабривание сверхъестественного существа, обращение к нему как к родственнику.

ВА. =С о б о р в а. Обрядов. Вода, которой моют икону «Собор»; букв.: соборная вода. *Собор вана́с мамöс юктышті́ перед смертью-то*. Мыс. (Соборной водой напоила маму перед смертью-то). Первый компонент *собор* заимствован из русского языка (ср. русское *соборовать* – причащать перед смертью), а второй имеет параллели почти во всех финно-угорских языках (например, удмуртское *ву*, марийское *вјуд*, финское *vesi* и т.д.), считается индоевропейским заимствованием [КЭСКЯ 1999: 46]. Ш о н д і т о м в а. Обрядов. Вода, которую приносят из трех источников до восхода солнца для

магического обряда лечения; букв. ‘вода без солнца’. *Менö вомдзаллісö. Ся матушка менö енванас или шондітöм ванас брызгайтіс*. Мыс. (Меня сглазили было. Потом свекровь меня водой без солнца побрызгала). По своей структуре является определительным словосочетанием, где первый компонент – производное от исконного корня *шонді* ‘солнце’ (ср. удмуртское *шунды* ‘солнце’), суф. *-тöм* несет значение отсутствия признака, предмета, второе слово *ва* ‘вода’ имеет параллели во всех финно-угорских языках.

ВАСÖК. Сырой, влажный. *Васöк местаыс сэтöн*. Тош. (Сырое место там). Слово с несколько иным фонетическим оформлением встречается в коми-зырянском литературном языке – *васöд* [КРК 2000: 82], а также в зырянских диалектах – *васöд, васэд, васыд* [ССКЗД 1961: 39]. В коми-пермяцком языке в названном значении употребляются, как правило, лексемы *ва, вайсь*. Согласно КЭСКЯ [1999: 46], слова, представленные в коми-зырянских диалектах с указанной семантикой, являются производными от *ва* ‘вода’ [КЭСКЯ 1999: 46]. Лексема *васöк*, безусловно, также восходит к слову *ва*, однако природу других компонентов лексемы определить трудно.

ВЕЖУР. Желтая сыроежка (синявка). *Вежурсö мийö огö öктö*. Сойг. (Желтую синявку-то мы не собираем). Возможно, здесь имеет место отпадение последнего компонента сложного слова *-тишак* ‘гриб’: *вежуртишак* букв. ‘желтый беличий гриб’; *уртишак* в коми-пермяцком языке – сыроежка, букв. ‘беличий гриб’.

ВЕК. Всегда, постоянно. *Температуритö нö вöлі век*. Сойг. (Температурила, мол, она постоянно). Лексема в указанном значении встречается как в коми-зырянском [КРК 2000: 88], так и (реже) в коми-пермяцком литературном языке [КПРС 1985: 62]. Однако следует отметить, что коми-пермяки в значении ‘всегда, постоянно’ чаще употребляют исконное слово *пыр*, в диалектах — *прокод, шуч*. По происхождению лексема *век* является заимствованной из русского языка [КЭСКЯ 1999: 51]. =В е к н а. Всё ещё. *Öні тöлькö гöд куйим ог видз скöтсö, а баляэз век на видзи*. К-Сотч. (Теперь только года три не держу скот-то, а овцы всё ещё держала). Сочетание

встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 88], в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 43]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах это значение обычно передается словосочетанием *сё эшö*, заимствованным из русского языка. По происхождению *век* является русским заимствованием, а *на* – исконная частица, имеет параллели в удмуртском языке – *на* ‘еще’ [КЭСКЯ 1999: 185].

ВЕЛЬ. Очень. *Татöн вель дыр ола нин*. Вл. (Здесь очень долго живу уже). Лексема употребляется как в коми-зырянском языке [КРК 2000: 90], так и в коми-пермяцком [КПРС 1985: 63]. В данном значении слово употребляется не во всех коми-пермяцких диалектах — по нашим данным, чаще встречается в косинско-камском диалекте. В южных пермяцких диалектах значение ‘очень’ передается, как правило, исконной лексемой *öddöñ*. По происхождению [КЭСКЯ 1999: 51] слово *вель* является заимствованием, ср. старославянское *вельми* ‘очень’, *великий*.

ВЕСИГ. Даже. *Ме коросьтö енöлтi сэччö и ачым гортö котöртi да весиг ог вермы не сёйны, не мый*. Вл. (Я веники-то оставила туда и сама домой побежала и даже не могу ни есть, ни что). В указанном значении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 94], а в разных фонетических вариантах (*весиг*, *весигас*, *весигъя*, *весегъя*) - в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 46]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах в значении ‘даже’ употребляется исконная частица *нельки*. Помимо этого, значение ‘даже’ в пермяцких диалектах может выражаться и посредством русской частицы *даже*. Слово *весиг* является производным от лексемы общекоми происхождения *весь* ‘зря, напрасно, даром, попусту’ [КЭСКЯ 1999: 53].

ВЕСЬКАЛНЫ. Попасть (в цель). *Сiдз и мунiс вирöн (ошыс). Не местäö веськалi*. Сойг. (Так и ушел с кровью (медведь-то). Не в место (нужное) попал’. В указанном значении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 94], в отдельных зырянских диалектах - в разных формах (*веськалны*, *веськалнi*, *веськооны*, *веськоонi*) [ССКЗД 1961: 46]. В коми-

пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах слово тоже встречается, но с иной семантикой: 1) разогнуться, выпрямиться, распрямиться; 2) вправиться (о вывихе); 3) выздороветь, выздоравливать, поправляться, вылечить, исцелиться; 4) заживать, заживляться [КПРС 1985: 66]. Семантика ‘попасть (в цель)’ в пермяцком литературном языке и в остальных коми-пермяцких диалектах выражается другими исконными лексемами *инмыны*, *шедны*. По происхождению лексема *веськальны* является исконной, восходит к общепермскому **ves* ‘прямой’ [КЭСКЯ 1999: 54].

ВИДЛЫНЫ. Пробовать на вкус. *Ме эг и видлы: крепыт ли, абу ли винас.* Пург. (Я и не пробовала на вкус: крепкое или некрепкое вино-то). В данном значении указанное слово употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 100], а также в разных фонетических вариантах (*видліні*, *видлывны*, *визьлыны*) встречается в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 49]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в пермяцких диалектах (за исключением мысовско-лупьинского) в значении ‘пробовать на вкус’ используется лексема *пеишлыны*. Авторы КЭСКЯ предполагают, что слово *видлыны* одного корня с лексической единицей *видзны* ‘беречь, держать’, которая восходит к допермскому *wičʼ3* – ‘беречь, беречься’ [КЭСКЯ 1999: 56].

ВИЛИН. Целина, новь, новина, букв. *виль ин* ‘новое место’. *Уджалны радейтёны, вилинъез керёны.* Пург. (Работать любят, новины готовят). В КПРС это слово дано в том же значении с пометой *сев.*, а за норму принято слово *вильса*. В зырянском *вылин* означает ‘новое место’, а значение ‘целина’ передается словом *эжа*.

ВИЛЬПÖЛ. Вновь, снова. *Шышкаыс потомас бокас эиö вильпöл вермас петны.* Мыс. (Шишка-то потом рядом еще вновь может появиться). Коми-зырянский вариант – *виль пöв* ‘вновь, снова, наново, вторично’. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах это значение передается словами *мöдпöв*, *вились*. По структуре *вильпöл* представляет собой сложное слово (*виль* ‘новый’ и *пöл* ‘раз’).

ВИР. =В и р л ö с я л і с . Обрядов. Объяснение удачного магического лечения (букв. «кровь подошла, кровь совпала»). *Вот зонкатö верми лечитны, вирö лöсяліс, видимо*. Мыс. (Вот парня-то смогла вылечить, кровь подошла, видимо). По содержанию фразы можно понять, что вылечить человека мог только тот, у кого энергетика (букв. *вир* ‘кровь’) совпадает (*лöсялö*) с энергетикой пациента. В коми-зырянском языке оборот *вирныс оз лöсяв* означает ‘они не ладят’, *вирныс лöсяліс* ‘они поладили’, т. е. эти обороты также указывают на установление между людьми особых (в данном случае психологических) соответствий (букв. ‘по крови’).

ВИРУЛЬЯ. =В и р у л ь я я й . Сплошная кровавая рана. *Этія гöрб косьыс ставыс гир-гир вöлі. Вирулья яй вöлі*. К-Сотч. (На спине кости торчали. Сплошная кровавая рана была). Подобное сочетание (*вируля яй*) встречается в коми-зырянском литературном языке в значении ‘тело с кровоточащими ранами’ [КРК 2000: 104], в отдельных зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 52]. По своей структуре представляет собой сложное слово, состоящее из двух компонентов: *вир* ‘кровь’ и *уль* ‘сырой’, где последний снабжен суффиксом обладания *-а*. По происхождению каждый компонент является исконным, ср.: *вир* имеет параллели в удмуртском языке – *вир*, марийском – *вур*, эрзянском – *верь*, мокшанском – *вяр*, финском – *veri* и др.; *уль* – удмуртское *ыль*, марийское *иле* и др.; *яй* – энецкое *ajja*, камасинское *uja* и др. [КЭСКЯ 1999: 57; 296; 337].

ВИСЬМЫНЫ. Заболеть, захворать, занемочь. *Тайö моньным öддöн бур, да висьмис*. Сойг. (Эта наша невестка очень хорошая, но заболела). В аналогичном значении лексема *висьмыны* употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 104], а также в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 52]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в этом значении обычно употребляются выражения *пондыны висьны* или *пондыны шогавны*, где глагол *пондыны* указывает на начало действия. Слово *висьмыны* является, безусловно, однокоренным лексеме *висьны*, которая, в свою очередь, имеет параллели и в удмуртском языке – *висьыны* ‘болеть, хворать’ [КЭСКЯ 1999: 58].

ВИЧМЫНЫ. Достаться. *Пыр меным удж вичмис.* Вл. (Постоянно мне работа доставалась). В данном значении лексема зафиксирована в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 106] и - в разных фонетических вариантах (*вичмыны, вичмині, ичмыны*) - в отдельных зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 53]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в этом значении употребляется слово *дӧнзбыны*. Лексема *вичмыны* исконного происхождения, восходит к корню *вич-* ‘целый, целиком всё’, ‘с избытком’, имеет параллели в удмуртском языке – *вичак, всяк, вочак* ‘целиком, все’, эрзянском языке – *весе* ‘весь, вся, всё, все’ [КЭСКЯ 1999: 59].

ВОК. Брат. *Талӧн вокыс волліс ме дынӧ.* Вл. (У этого брат приходил ко мне). Слово с названной семантикой употребляется как в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 111], так и в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 57]. С пометой, указывающей на функционирование в северных диалектах в значениях: 1) старший брат (по отношению к младшим); 2) двоюродный брат, - эта лексема зафиксирована и в Коми-пермяцко-русском словаре [1985: 78]. По мнению Утилы [КЭСКЯ 1999: 61], слово *вок* имеет параллели с финским *veikko* ‘брат, товарищ, друг’.

ВОЛШЕБНИЧА. =Перво́й волшебница. О самой сильной колдунье. *Сылӧн мамыс – перво́й волшебница.* Мыс. (Её мать – сильная колдунья, букв. ‘первая волшебница’). Оборот не зафиксирован в других коми диалектах и литературных коми языках. По происхождению является заимствованием из русского языка (ср. русское пермское *первый бес* об отчаянном).

ВУГЫРГАГ. Дождевой червь. *Кӧбырнитіс землясӧ, сэтӧн пуӧ вугыргагыс.* Тош. (Перевернул землю, там кишат дождевые черви-то). Сложное слово: *вугыр* пермяцкое ‘удочка’, зырянское ‘крючок’ + *гаг* ‘червяк’; то есть дословно ‘червяк для нанизывания на крючок (рыбацк.)’.

ВУШТЫНЫ. Скрести, соскрести. *Гӧнсӧ (кучиксис) ставсӧ ся вуштан.* Кон. (Шерсть (со шкуры) полностью затем соскребешь). В указанном значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 129-130], а

также в разных фонетических вариантах (*вуштыны, вуштіні, вужтыны*) в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 71]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах это значение оформляется исконной лексемой *зыртны* или же русским словом *тѣритны*. По происхождению лексема является исконной, имеет параллели в удмуртском языке *вуштыны* ‘тереть, скоблить, скрести’, восходит к общепермскому **vuštъ* [КЭСКЯ 1999: 71].

ВЫЛИДЬЁ. =На вылидьё. Для выхода в люди, в общество, принарядившись. *На вылидьё плаш босьтас*. Тош. (Для выхода в деревню плащ купит). В юксеевском говоре данная лексема имеет несколько иную форму и значение – *вылиддѣ* ‘выскачка’. По происхождению лексема представляет собой заимствование из русских диалектов, ср. русское диал. *вылюдье* [СПГ 2000: 141].

ГӨГӨРВОНЫ. Понимать. *Учөтик кага мамсө да батьсө гөгөрвоө*. Тош. (Маленький ребенок свою мать и своего отца понимает). Это слово с обозначенной семантикой употребляется как в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 151], так и в зырянских диалектах в разном фонетическом оформлении – *гөгөрвоны, гөгервоны, гөгервоні* [ССКЗД 1961: 86]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в остальных пермяцких диалектах в данном значении используется исконное слово *вежөртны*. По своей структуре лексема *гөгөрвоны* является сложной, состоит из двух исконных самостоятельных слов *гөгөр* ‘кругом’ и *воны* ‘прийти, дойти’. Первоначально обозначало ‘кругом (всесторонне) дойти (до сознания говорящего)’, т. е. ‘всё воспринять, всё взять’ [КЭСКЯ 1999: 79-80].

ГӨГИНЬ. Обрядов. Повивальная бабка. *Гөгинь – көда бабушитө кагасө*. Тош. (Повивальная бабка – которая оказывает помощь при рождении ребенка). Данное слово в разном фонетическом оформлении (*гөгинь, гөгөнь, гөгунь*) встречается в коми-зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 85]. В Коми-пермяцко-русском словаре [1985: 104] слово в указанном значении дается с пометой — устаревшее. Слово сложное, *гөг* ‘пуп’, *инь* – ‘жена, женщина’.

ГӨЛИНИКА. Бедненько. *Гөлиника олöны, нем абу керкаын*. Тош. (Бедненько живут, ничего нет в доме). Корень слова является заимствованием из русского языка, восходит к русскому *голь* [КЭСКЯ 1999: 80]. Производными от русского *голь* в коми-пермяцком и зырянском языках выступают разные лексемы, например коми-зырянское *гöль* ‘бедный’, *гöльлун* ‘бедность’, *гöльмыны* ‘беднеть’ и др. [КРК 2000: 153]; в коми-пермяцком языке – *гöль* (северное) ~ *гов* (южное ‘бедный, голодный’ [КПРС 1985: 99, 105]. Однако лексема *гöлиника*, содержащая в себе уменьшительный суффикс, на сегодняшний день не зафиксирована ни в диалектах коми-зырянского языка, ни в других коми-пермяцких диалектах.

ГӨЛК. Эхо. *Ылö гöлкыс кылö*. Тош. (Далеко эхо-то раздается). Литературный пермяцкий вариант *говк*, севернопермяцкий – *йöйк*; коми-зырянский эквивалент – лит. *йöлöга*, диалектное *йöла*. Учитывая севернопермяцкую форму, можно сравнивать слово *гöлк* (*йöйк*) с финским *kaiki*, ‘эхо’. Не исключена контаминация с русскими лексемами *гул*, *гулкий*.

ГӨРБ. Спина. *Спинаыс миянног – гөрб*. Пург. (Спина по-нашему – гөрб). В аналогичном значении данная лексема изредка употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 155], являясь синонимом к исконному *мыш* ‘спина’. В коми-пермяцком литературном языке и в других диалектах это значение передается обычно русским заимствованием *спина*. *Горб* в значении ‘спина’ имеет место в пермяцких фразеологизмах, например, *горбö суйны* ‘ударять по спине’ [КПРС 1985: 101]. По происхождению лексема является заимствованием из русского языка (в этом же значении слово известно русским говорам Прикамья).

ГАЛТЫК. Кадык. *Вон тай галтыкыс кыдз сылön петöм*. Пург. (Вон ведь как кадык у него выступил, оказывается, букв. «вышел»). В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах слово выступает в несколько ином фонетическом оформлении – *кавтык* ~ *калтык* [КПРС 1985: 161]. В коми-зырянском языке – *гольган*, *голя петук* [РКС 2003: 322]. На наш взгляд, лексема *галтык*, как и *кавтык* ~ *калтык*, является фонетическим

преобразованием русского *кадык* (оформлено в русских говорах Прикамья как *калтык*).

ГАРМОНЯСЬНЫ. Играть на гармошке. *Талун мужикыслö тииöктам гармониясьны, асьным йöктам*. Сойг. (Сегодня ее мужа попросим играть на гармошке, сами спляшем). Данное слово в аналогичном значении и фонетическом оформлении присутствует в зырянском литературном языке [КРК 2000: 137], а также - в разном фонетическом оформлении - зафиксировано в некоторых коми-зырянских диалектах: нижневычегодском – *гармониасьны*; печорском – *гармонеясьны*; летском – *гарамоньньöасьны* [ССКЗД 1961: 91]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *гармонняён орсны* [КПРС 1985: 96]. Аналогичным образом семантика ‘играть на гармошке’ выражается в остальных пермяцких диалектах. Лексема *гармониясьны* является производным от русского *гармонь*.

ГАЧ. Штаны. *Вылат тэнат гач, а менам треко*. Сойг. (На тебе штаны, а на мне трико). Данное слово с обозначенной семантикой встречается во всех коми-зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 77], а также в зырянском литературном языке [КРК 2000: 139]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в других пермяцких диалектах в этом значении выступает лексема *вешьян*. Слово *гач* является заимствованным из русских диалектов [КЭСЯ 1999: 75].

ГАШКÖ ~ ДАШКÖ. Вводное слово со значением вероятности — может быть, наверно, авось. *Зоныслö гöда два, гашкö*. Вл. (Сыну года два, наверно). В варианте *гашкö* указанное значение реализуется в зырянском литературном языке [КРК 2000: 139], в разном фонетическом оформлении (*гашкö, гашке, дашкö, дашке* и др.) названная лексема зафиксирована в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 77]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *натьтö* или русское заимствование *может (можот, можöт)*. Подобным же образом обозначенная семантика сегодня выражается в остальных пермяцких диалектах. Тот факт, что слово *гашкö* в аналогичном значении присутствует в словаре Н. Рогова [1869], позволяет утверждать, что в XIX в. данное слово

имело более широкое распространение, употреблялось в кудымкарско-иньвенском и нердвинском диалектах коми-пермяцкого языка. По происхождению лексема *гашикӧ* является исконной, восходит к сочетанию двух слов: *гаж* ‘желание’ и *кӧ* ‘если (союз)’, которые в данном слове утратили свои первоначальные значения [КЭСКЯ 1999: 75].

ГЛУШИТНЫ-ЮНЫ. Сильно пить (вино). *Татишӧмсянь челядьыс глушитӧны-юӧны*. Тош. (С такого роста дети-то глушат-пьют вино). Первый компонент данного парного образования является заимствованием из русского языка, ср. русское *глушить* – просторечное ‘пить спиртное в большом количестве’ [ТСРЯ 2001: 133], второй компонент представляет собой исконное слово с семантикой ‘пить’.

ГОЛБЕЧВЫЛ. Приступка (небольшая лесенка для подъёма на печку). *Голбечвылсянь уси да кызд дойми*. Мыс. (С приступки упала (я) и как (сильно) ушиблась). В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах – *гӧбеч*. В коми-зырянском литературном языке – *тишунӧд* [РКС 2003: 749]. По структуре *голбечвыл* представляет собой сложное слово, где первый компонент восходит к русскому диалектному *голбец* ‘подполье’ [СПГ 2000: 170], а второй – исконное *выл*, обозначает ‘поверхность, верх’. В итоге это то, что находится над подпольем.

ГОР. =Кӧртовӧй гор. Железная печка, временка. *Керкаас кӧдзыт, да кӧртовӧй горсӧ лонти*. Мыс. (В доме-то холодно, и железную печку истопила я). В других коми-пермяцких диалектах это значение обычно передают посредством русской лексемы *печка* или в сочетании с прилагательным *кӧртовӧй* ‘железная’ – *кӧртовӧй печка* ‘железная печка’. В коми-зырянском литературном языке в указанном значении возможно слово *кӧртпач*, представляющее собой сложное образование: *кӧрт* ‘железо, железный, железная’ + *пач* ‘печь’ [КРК 2000: 305]. По структуре *кӧртовӧй гор* является словосочетанием, где первая часть *кӧртовӧй* – производная от *кӧрт* (< иранское заимствование, ср. осетинское *kard* ‘нож, сабля’), а второй компонент *гор* восходит к общепермскому *gor-* ‘печь’ [КЭСКЯ 1999: 142; 78]. Сӧйӧвӧй

г о р . Русская печь. *Керкаам эм сёйöвöй гор*. Мыс. (В доме моём есть русская печь). В других коми-пермяцких диалектах и в литературном языке это значение выражается словом *гор* (в зырянском литературном языке и диалектах русским заимствованием *пач*). В словосочетании первый компонент указывает на материал, из которого сделана печь (*сёйöвöй* ‘глиняная’). Прилагательное *сёйöвöй* является производным от корня *сёй* ‘глина’, который имеет параллели с удмуртским *сюй* ‘земля (почва)’, ‘глина’, с финским *savi* ‘глина’ и другими финно-угорскими языками [КЭСКЯ 1999: 252].

ГОРМУШКА. Небольшая выемка в передней части русской печи, куда можно класть спички или другие мелкие вещи. *Гормушкаас вöлісö спичаес*. Мыс. (В кармашке были спички-то). Лексема является специфической для мысовско-лупьинского диалекта. По структуре представляет собой производное слово от корня *гор* ‘русская печь’, содержит уменьшительный суффикс русского происхождения –*ушк(а)*. Необъяснимым остается элемент *м*.

ГУДОКАСЬНЫ. Играть на дудке. *Пöлянöн гудокасис*. Сойг. (На дудке из стебля дягиля играла она). Слово с пометой, указывающей на употребление его в аналогичном значении в севернопермяцких диалектах, зафиксировано в Коми-пермяцко-русском словаре – *гудöкасьны* [1985: 109]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *пöлянасьны* или *пöлясьны* [КПРС 1985: 366]. Подобным образом указанное значение выражается и в южных пермяцких диалектах. В коми-зырянском литературном языке, а также в зырянских диалектах слово *гудöкасьны* (диалектные формы – *гудöкасьны*, *гудэкасьны*, *гудэкасьні*, *гудöгасьны* и др.) употребляется в несколько иной семантике – ‘играть на гармонике’ [КРК 2000: 161; ССКЗД 1961: 91]. По происхождению указанная лексема является русским заимствованием, ср. *гудок* ‘род скрипки’.

ГУДРАЛНЫ. Мешать, перемешать. *Квасыс сöдзöм, да гудралі*. Сойг. (Квас-то стал прозрачным, и я помешала). Слово с указанной семантикой встречается и в других севернопермяцких диалектах [КПРС 1985: 109], а также в коми-зырянском литературном языке (в форме *гудравны*) [КРК 2000: 161]. В коми-пермяцком литературном языке оно представлено в форме *гудравны*, с

другим значением — ‘мутить’. В значении ‘мешать’ в литературном пермяцком употребляется исконная лексема *сорлавны* [КПРС 1985: 442], которая в несколько ином фонетическом виде (*сорлавны*) функционирует в нижеиньвенском и кудымкарско-иньвенском диалектах. По происхождению лексема *гудралны* является производной от *гудыр* ‘муть, осадок, отстой’, имеет параллели с удмуртским *гудыри* ‘гром’ [КЭСКЯ 1999: 82].

ГЫНЫ. Ходить с шумом взад-вперед. *Ме гыа-ветлӧта да тэныт мешайта узьныт.* Вл. (Я хожу взад-вперед и тебе мешаю спать-то). С похожим значением данное слово присутствует в коми-зырянском литературном языке – *гыны* ‘кишеть, копошиться’ [КРК 2000: 168], а также - в несколько ином фонетическом оформлении - в зырянских диалектах – *гыні* [ССКЗД 1961: 96]. В коми-пермяцком литературном языке лексема *гыны* употребляется в другом значении ‘болтать, молоть чушь’ [КПРС 1985: 112]. Авторы КЭСКЯ предполагают, что рассматриваемое слово, возможно, единого происхождения с *гы* ‘волна’ [КЭСКЯ 1999: 85] и первоначально означало ‘волноваться’.

ДӖЛ. Весь, полностью. *Мийӧ первой гӧтсӧ дӖл умӧля олімӧ.* Мыс. (Мы первый год-то полностью плохо жили). Данное слово в аналогичном значении встречается в язьвинском диалекте коми языка [КЯД 1961: 111]. В других коми диалектах это значение выражается самыми разными лексемами, например, в южнопермяцких диалектах - словом *быдӧс*, в других севернопермяцких диалектах – *дӧс*, в большинстве коми-зырянских диалектов - посредством *став* в разных фонетических вариантах (*стал, стаф, тав*) [ССКЗД 1961: 346]. Происхождение слова *дӖл* не выяснено.

ДЕВАСЬНЫ. Дружить. *Девасисӧ да и настряпали.* Тош. (Дружили они и настряпали ребенка). Слово является производным от русского *дева*. Интересно, что в рассматриваемом регионе *девасьны* ‘дружить’ можно использовать по отношению не только к девочкам, но и к мальчикам, а также этим словом обозначают дружбу между женщиной и мужчиной. В существующих нормативных и диалектных коми словарях это слово не фиксируется. В языке коми-пермяков данное значение в большинстве случаев

выражается русским заимствованием *дружитны* (от русского *дружить*), и лишь изредка в этом значении может использоваться исконная лексема *ёртасьны*, полностью сохранившаяся в коми-зырянском литературном языке.

ДЕРТ. Конечно. *Гортын нинам абу, дерт*. Вл. (Дома ничего нет, конечно). Слово с названной семантикой характерно для коми-зырянского литературного языка [КРК 2000: 172], для зырянских диалектов с разными фонетическими модификациями или в аналогичном литературному варианту виде (*дерт, дертысь, герт*) [ССКЗД 1961: 99]. В других коми-пермяцких диалектах, а также в пермяцком литературном языке обозначенная семантика выражается русской лексемой *конечно*.

ДЖУДЖЫТ. Высокий. *Джуджыт кересын, гажа Нёрысын...* Вл. (На высокой горе, в д. Нёрыс...). Лексема имеет место и в других севернопермяцких диалектах, встречается также в коми-зырянском литературном языке в виде *джуджыд* [КРК 2000: 174], в зырянских диалектах в формах *джуджыд, джуджид* [ССКЗД 1961: 101]. По происхождению слово является исконным, имеет параллели в удмуртском языке, ср. удмуртское *джужыт* ‘высокий, рослый’ [КЭСЯ 1999: 89]. В коми-пермяцком литературном языке и в южнопермяцких диалектах в этом значении употребляется слово *вылын*.

ДОН. Цена. *Кыдз камерсантъеслён донныс содö, сыдз и татöн магазинъезас донныс содö*. Сойг. (Как у коммерсантов цены прибавляются, так и здесь в магазинах цены-то прибавляются). Лексема с указанной семантикой широко используется как в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 192], так и в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 110]. В других коми-пермяцких диалектах, равно как и в пермяцком литературном языке, слово относится к разряду пассивной лексики (точнее к архаизмам) и заменяется, как правило, русской лексемой *цена (цена)*, хотя производные от *дон* – *дона* ‘дорогой (по цене)’, *донтöм* ‘дешевый’ и другие активно функционируют в языке пермяков.

ДЫНЫША. Комлистое, с толстым комлем (дерево). *Пестö ваясö, да пуйт пö дыныша.* Тош. (Дрова-то привезут, и дерево мол с толстым комлем). Слово в указанном значении встречается и в других севернопермяцких диалектах. В языке коми-зырян оно представлено в форме *дiныш* либо сочетанием *кыз дiна* ‘с толстым комлем’. В южнопермяцких диалектах то же значение обычно выражается с участием русского заимствования: *кыз комеля (ну)* ‘с толстым комлем (дерево)’.

ЕМЙЫЛТУРУН. Пырей. *Емйылтурунсö косаыс оз бось ни грамма.* Тош. (Пырей-то коса не берет ни грамма). Сложное слово: *ем* ‘иголка’, *йыл* ‘верхушка’, *турун* ‘трава’. В других коми диалектах не зафиксировано. Коми-пермяцкий литературный эквивалент — *ошрудзöг*, в севернопермяцких диалектах — *толидз*, в литературном зырянском — *толич*.

ЗАВОДИЧЧЫНЫ. Начинать, начать. *Люба, заводиччыны колö карток садитны.* Тош. (Люба, надо начинать картошку садить). Аналогичным образом указанное значение выражается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 223], а также в зырянских диалектах, при этом выступает в них в разном фонетическом оформлении – *заводитны*, *заводитнi*, *завöдитны* и др. [ССКЗД 1961: 127]. В Коми-пермяцко-русском словаре данное слово с обозначенной семантикой также зафиксировано [1985: 144], однако глагол *заводитны* с семантикой ‘начинать, начать’ в коми-пермяцком литературном языке, как и в остальных пермяцких диалектах, выступает крайне редко (это значение в языке пермяков обычно выражается исконной лексемой *пондыны*). Слово *заводитны* является заимствованным из русского языка, ср. русское *заводить* ‘вводить, основать, начинать’.

ЗУЛЬÖТНЫ. Тыкать носом (кого-то). *Нырнаныс колö зультны, штобы не лазили (каньес).* Тош. (Носом надо тыкать, чтобы они не лазили, кошки). Слово с указанной семантикой встречается и в других севернопермяцких диалектах [КПРС 1985: 150]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в южнопермяцких диалектах это значение выражается лексемой *тукöтны* (*нырнас*). В коми-зырянском литературном языке и в зырянских диалектах

указанная семантика может выражаться словом *зульӧдны* [КРК 2000: 232; ССКЗД 1961: 132], которое является фонетическим вариантом севернопермской лексемы *зульӧтны*.

ИНДЫНЫ. Направить (с указанием на место). *Центрланяс инды, кытӧнкӧ, поди, шодлӧ сойыс.* Сойг. (В сторону центра направь, где-то, может быть, бегают сестра-то). В зырянском языке слово в таком же фонетическом оформлении имеет значение ‘указать’; встречается оно и в отдельных зырянских диалектах, в том числе в форме *индіні* в верхневыхегодском [ССКЗД 1961: 137], граничащем с мысовско-лупьинским. Коми-пермский литературный и южнопермский эквивалент – *иньдыны* ‘отправить’, в других севернопермских и зырянских диалектах семантика ‘отправить, направить’ выражается с помощью лексемы *мӧдӧтны* (*мӧдӧдны*). Лексема *индыны* и его фонетические варианты *иньдыны*, *индіні* являются производными от исконного *ин* ‘место’ [КЭСЯ 1999: 109].

ИСТОӢГ. Горючая сера. *Истӧгись керлім съпича.* Вл. (Из горючей серы (мы) готовили спички). В Коми-пермяцко-русском словаре данная лексема зафиксирована в двух значениях: 1) спичка (с пометой *устаревшее*) и 2) горючая сера (с пометой, указывающей на фиксацию ее в Лексиконе пермского языка... Г. Чечулина, 1828 г.) [КПРС 1985: 157]. В коми-зырянском литературном языке слово *истӧг* имеет значение ‘спички, спичечный’ [КРК 2000: 244]. С исторической точки зрения данная лексема представляет собой сложное образование, где первый компонент *ис* (< *из*) ‘камень, каменный’, а второй – *тӧг* (< *тэг*) ‘сера (горючая)’ [КЭСЯ 1999: 110].

ЙӖЖАЛЫШТНЫ. Слегка оттаять, размягчиться. *Сяс сія (чэриыс) ачыс йӖжалыштас.* Мыс. (Сейчас она (рыба) сама оттаёт немного). Как в языке зырян, так и в коми-пермском литературном языке и в остальных пермских диалектах указанный глагол в этом виде не употребляется. Однако в коми-зырянском литературном языке имеется слово *йӖжыштны* с аналогичным *йӖжалыштны* значением [КРК 2000: 250]. Все перечисленные глаголы являются производными от слова *йӖж* ‘замерзший или оттаявший наполовину’,

самостоятельно употребляющегося в языке коми-зырян [КРК 2000: 249; ССКЗД 1961: 141]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в остальных пермяцких диалектах данное значение выражается исконными по происхождению словами *сылыштны* (южн. *сывыштны*) и *небзыштны*. Лексема *йӧж* является также исконной, восходит к общепермскому **joz-* ‘полумягкий, хрящевидный’ [КЭСКЯ 1999: 112].

ЙӖЙТАЛНЫ. 1. Баловаться, дурачиться. *Челядьыс ӧд жӧ йӧйталӧны, котрасьӧн да мый да*. Шург. (Дети-то, смотри же, балуются, бегают да что да). 2. Безумствовать. *Тая мортис йӧйталӧ, мыйкӧ юрнас лоӧм*. Мыс. (Этот человек безумствует, что-то с головой стало). В данных значениях лексема (в форме *йӧйтаваны*) встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 251], в разных фонетических вариантах (*йӧйталны*, *йӧйтоони*, *йӧёоны* и др.) - в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 142], а также в других севернопермяцких диалектах. Коми-пермяцкие литературные эквиваленты: со значением ‘баловаться, дурачиться’ – *бӧбавны*, со значением ‘безумствовать’ – *бӧбсяваны*. Указанная лексема является производной от корня *йӧй-*, который предположительно сопоставляют с горно-марийским *йой* ‘хитрый, лукавый’ [КЭСКЯ 1999: 113].

КӖБРЕГ. Погреб со льдом. *КӖбрегын видза гожумнас яй да мый*. Мыс. (В погребе держу летом мясо и другое). В указанном значении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 299], а также в разном фонетическом оформлении (*кӖбрӧг*, *кӖбрег*, *пӧгрӧб* и др.) функционирует в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 168]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в этом значении обычно употребляется исконная лексема *гу* ‘яма’ или же русская единица *яма*. Слово *кӖбрег* считается русским заимствованием, известным русским говорам Прикамья, ср. русское *погреб*, (с перестановкой звуков).

КӖБЫРНИТНЫ. Перевернуть кусок земли. *Кобырнитис землясӧ, сэтӧн пуӧ вугыргагыс*. Тош. (Перевернул он кусок земли, там кишат дождевые черви). По нашим данным, слово *кӖбырнитны* с названной семантикой встречается и в

кочевском диалекте севернопермяцкого наречия. В языке коми-зырян данная лексема не встречается. Происхождение слова *кӧбырнитны* предположительно связано с русским глаголом *ковырнуть*.

КӖМТАСЬНЫ. Навязаться, начать надоедать. *Менам юр вылӧ кӧмтасисӧ внукъез*). Тош. (На мою голову навязались внуки, т.е. надоели уже). В данном фонетическом оформлении это слово не зафиксировано в имеющихся словарях. Возможно, что оно связано с зырянским *кӧвъясъны* ‘навязаться, прицепиться’, см., например: *Мый ме дынӧ кӧвъясин!* ‘Что ты ко мне привязался!’ Не исключено, однако, что *кӧмтасъны* является усеченным от **кӧмутасъны*, и в таком случае оно будет производным от заимствованного *кӧмут* ‘хомут’. В коми-пермяцком литературном языке представленное значение может выражаться разными моделями, например, *юр вылӧ пуксисӧ* ‘букв. сели на голову’ и др.

КӖСЙЫНЫ. Хотеть, желать. *Зонкаыс дынӧ кӖсйӧ вӧлі мунны*. Вл. (К мальчику-то хотел он идти). Данное слово в указанном значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 306], а также в разном фонетическом оформлении (*кӖсйыны*, *кӖсйины*, *кӖсйині*) функционирует в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 173]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в остальных пермяцких диалектах это слово также употребляется, но в другом значении – ‘обещать, сулить’ [КПРС 1985: 194]. Семантика ‘хотеть, желать’ в пермяцком литературном языке и диалектах (помимо мысовско-лупьинского) выражается с помощью лексемы *мӧдны* ‘хотеть, желать’ или посредством сочетания глагола в настоящем времени и частицы *бы* (*муна бы* ‘хочу идти’, букв. ‘иду бы’). По происхождению лексема *кӖсйыны* является исконной, восходит к общепермскому **kes-* [КЭСКЯ 1999: 143].

КАРТОК. Картофель. *Картокӧй менам таво умӧль*. Пург. (Картофель мой нынче плохой). Слово является заимствованным из русского языка. Следует заметить, что в разных диалектах коми языков данная русская лексема употребляется в самом разном фонетическом оформлении: *картошка*,

картовка, картошки, картовки (встречается в большинстве коми-пермяцких диалектов), *картол* (свойственна речи носителей севернопермяцких говоров), *картупель, картопель, картапель* и др. (встречается в коми-зырянских диалектах). В форме *карток* она зафиксирована, помимо рассматриваемого диалекта, в летском диалекте коми-зырянского языка [ССКЗД 1961: 149].

КАТТИСЬНЫ-ПРИДИРАЙЧЧЫНЫ. Приставать (о ком-либо). *Вот талун ме дынӧ и каттисьӧ-придирайччӧ.* Мыс. (Вот сегодня ко мне и пристаёт). Лексема является парным образованием. Первый компонент представляет собой исконное слово, ср. зырянское *каттьысьны* ‘лезть’; второй компонент – заимствование из русского языка, ср. русское *придираться*.

КЕРЖАНКА ~ КЕРЖАЧКА. Женщина, исповедующая старообрядческую веру. *Ме мискаись ог ю, табашишккескӧт ог ю, миськаласӧ кружкасӧ, тожно ме кержанка, кержачка юа.* Сойг. (Я из миски не пью, с курильщиками не пью, вымоют кружку, затем я, кержанка, кержачка пью). Слово заимствовано из русских говоров [СПГ 2000: 387].

КЕРЖАЧЬЕЗ. Кержаки, старообрядцы. *Кержачьезӧн мянӧс шуӧны, мыля табашишккескӧт ӧтлаын огӧ юӧ.* Мыс. (Кержаками нас называют, потому что с курящими вместе не пьем). Слово заимствовано из русских говоров [СПГ 2000: 387].

КЕРКА. Дом. *Керкаас кытиӧмкӧ воздух, колӧ уберитны.* Вл. (В доме-то какой-то запах, его надо вывести). В данном фонетическом оформлении указанная лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 268], а также в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 153]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в других пермяцких диалектах названное слово имеет несколько иной фонетический облик – *керку* [КПРС 1985: 170]; впрочем, вариант *керку* нами зафиксирован также у носителей мысовского говора. Варианты *керка ~ керку* с исторической точки зрения являются сложными, состоят из двух корней: *кер* ‘бревно’ и *куа* < допермского * *k8ta* ‘вид примитивного жилища’ [КЭСКЯ 1999: 114; 121; 122].

КЕРНЫ. =Ч а д у к е р н ы . Быстро убежать, скрыться. *Оленьыс баран вирсö нюкалём и чаду керём.* Шург. (Олень-то понюхал баранью кровь и убежал). Выражение в других коми диалектах не встречается. Происхождение первого компонента неясно (возможно, от русского *чад* в винительном падеже), второе слово *керны* имеет параллели в удмуртском языке – *карыны* ‘делать’ (ср. русское просторечное *дать копоты* ‘сделать что-л. с особой силой’).

КЕРСЬЫНЫ. =Л а ж к е р с ь ы н ы . Присесть (на корточки). *Лаж керсян да он и тыдал.* Тош. (Присядешь на корточки, и не видно тебя). Корень данного слова тот же, что и в коми-пермяцком *лажмыт*, коми-зырянском *лажмыд* ‘низкий, невысокий’. С семантикой ‘присесть на корточки’ представлены однокоренные указанной лексеме слова *лажмöччыны* (коми-пермяцкое), *лажгöдчыны*, *лажмöдчыны*, *лажыньтчыны* (коми-зырянские).

КИРИТНЫ. Вычеркнуть. *Школьниккес двойкасö киритасö.* Тош. (Школьники-то двойку вычеркнули). Лексема имеет общесеве́рнопермяцкое распространение, а также употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 273] и в зырянских диалектах - в разном фонетическом оформлении: *киритны*, *киритні*, *тиритны*, *керитны*, *херитны* [ССКЗД 1961: 155]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в южнопермяцких диалектах в этом значении используется слово *кырöвтны* [КПРС 1985: 213]. Заметим, что лексемы *киритны* и *кырöвтны* являются разными по происхождению, слово *киритны* представляет собой русское заимствование, ср. русское *херить*, *похерить*, *выхерить* ‘зачеркнуть вкрест’ [КЭСЯ 1999: 124], а *кырöвтны* – восходит к общепермскому **kur-* ‘резать, разрезать, распороть’ [КЭСЯ 1999: 154].

КЛЫСЬКЫНЫ. Хлестать (о сильном дожде). *Кыдз толькö коньчитіс старикут зоротсö, да кыдз ведра помись клыськис, кös сунис выланым некодлön эз вöл.* Вл. (Как только закончил старик-то стог, да как из-под ведра хлестануло, сухой нитки на нас ни у кого не было). Лексема в несколько ином фонетическом оформлении (*клысьйöдлыны*) встречается в коми-зырянском литературном языке в значении ‘хлестать, нахлестать (напр. плетью)’ [КРК

2000: 277], в отдельных зырянских диалектах – *клысьситны*, *клышитны* в значении ‘хлестать (о дожде)’ [ССКЗД 1961: 157]. Рассматриваемое слово является, по всей видимости, фонетическим преобразованием русского глагола *хлестать*. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в указанном значении употребляется другое русское заимствование – *клёшитны* [КПРС 1985: 176].

КОД. Кто. *Колин квастё банкат, да ёні код нё юас*. Вл. (Оставил ты квас-то в банке-то, теперь кто же будет пить его). В указанном значении лексема в формах *код* и *кодi* встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 279], в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 158]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *кин* [КПРС 1985: 173], распространен также во всех пермяцких и некоторых южнозырянских диалектах. Лексема *код* одного происхождения с местоимением *кёда* (в диалектах *кёдя*, *кодiя*, *коддя*) ‘который’, имеющим общепермяцкое распространение. Слова *код* и *кёда* имеют параллели с удмуртским *кудiз* ‘который’, с финским *kuika* ‘кто’ и восходят к допермскому **k8*- ‘вопросительное местоимение лица’ [КЭСЯ 1999: 125].

КОДЫР. Когда. *Кодыр тэ мунан ягёдла?* Вл. (Когда ты пойдешь за ягодами?) В указанном значении слово встречается в отдельных диалектах как пермяцкого, так и зырянского языка, например, у пермяков – в нижеиньвенском и оньковском диалектах [Баталова 1990: 185; 1995: 175], у зырян – в печерском, присыктывкарском и среднесыольском, а также в верхневыхегодском в виде *кодiр* [ССКЗД 1961: 159]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *кёр* [КПРС 1985: 192]. Последний в севернопермяцких диалектах (за исключением рассматриваемого) может употребляться с *о*-овой огласовкой – *кор*. В подобном фонетическом варианте это слово представлено и в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 291]. С исторической точки зрения лексема *кодыр* является сложной по структуре: *ку*- ‘вопросительное слово’ + *дыр* ‘время’ [КЭСЯ 1999: 127].

КОЙӖЧЧАН. Обрядов. Узел (на голове) во время процесса магического лечения от кары, причиненной Богом или умершим человеком (обычно родственником). *Кодыр мыждас, кӖрталӖн юр бердӖ койӖтчан.* Шург. (Когда покарает (Бог или умерший), завязывают голову узлом). Лексема является специфической для рассматриваемого диалекта. Можно предположить, что слово является производным от глагола *кайиччыны* ‘каяться’.

КОККУЛӖ ~ КОКУЛӖ. Обрядов. Ряженный, колядовщик. *КоккулӖес пыралӖны да йӖктӖны. НылӖ колӖ кытшӖмкӖ сӖянок сетыштны.* Мыс. (Ряженные заходят и пляшут. Им надо какую-нибудь еду дать немного). Лексема является специфической для рассматриваемого диалекта. Этимология слова неизвестна. На наш взгляд, в обоих представленных вариантах может быть усмотрен корень *куль* ‘черт, дьявол, сатана’. Возможное образование данных лексем от *куль* подтверждается и тем, что ряженные ходят во время святок, когда, как известно, активно проявляет себя нечистая сила (ряженные наряжаются в это время, как правило, в чертей или в злых духов).

КОКЛЯБӖР. Пятка ноги. *ДетинаӖй пышйис, коклябӖръес только тыдалисӖ.* Мыс. (Мальчик мой убежал, пятки ног только были видны). В данном значении слово встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 283], а также в разных вариантах (*кокбӖрля, кок бӖр* и др.) употребляется в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 161]. В коми-пермяцком литературном языке, как и в остальных пермяцких диалектах, названное значение выражается, как правило, определительным словосочетанием *кок пята* (первый компонент представляет собой исконное слово, а второй – является русским заимствованием), в редких случаях может обозначаться сложной по структуре лексемой *кокбӖр* (*кок* ‘нога’ + *бӖр* ‘задняя часть’). Следует также заметить, что первая часть мысовско-лупьинского слова *коклябӖр*, а именно *кокля*, встречается в коми-пермяцком литературном языке в значении ‘голеностопный сустав, лодыжка (у животных)’ [КПРС 1985: 179]. По структуре *коклябӖр* является сложным словом, где первый компонент *кокля*,

безусловно, производное от *кок* ‘нога’ < общепермское **kok*, а вторая часть *бөр* ‘задняя часть’ < допермское **perä* ‘зад, задняя часть’ [КЭСЯ 1999: 41; 129].

КОМИДЗ. Зелёный лук. *Комидз шупыштим пирөггез пöжалны.* Тош. (Зелёный лук нащипали мы пироги испечь). В Коми-пермяцко-русском словаре данная лексема с представленной семантикой дается с пометой диалектное, при этом без указания на конкретную диалектную принадлежность [КПРС 1985: 183]. В языке коми-зырян это слово не встречается, но имеет параллели с коми-язьвинским *кумич* ‘перо лука, зеленый лук’, с удмуртским *кумызь* ‘дикий чеснок’, а также с венгерским *haguta* ‘лук’ [КЭСЯ 1999: 409].

КОМУТЕЧ. Суев. Болезненное уплотнение на теле, которое возникает в результате действий колдуна. *Комутеч вот вермасö султöтны кöлдунъес. Комутечыс – шишка. Менам кагаелö пуктылисö.* Мыс. (Комутец вот могут поставить колдуны. Комутеч-то – шишка. Моим детям ставили). На наш взгляд, мысовско-лупьинское слово *комутеч* в указанном значении заимствовано из русских говоров, в последних встречается выражение *хомутец надеть* ‘наговорами, колдовством вызвать болезнь’ [СПГ 2002: 509].

КОТЫР. Гнездо, кучка (растений, ягод). *Картошкаыс котыра пö таво.* Тош. (Картофель-то нынче с большим гнездом). Слово с аналогичным значением присутствует также в других севернопермяцких диалектах [КПРС 1985: 189], в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 298], в некоторых зырянских диалектах (в удорском), а в форме *котір* в верхневычегодском [ССКЗД 1961: 290]. В коми-пермяцком литературном языке и в южнопермяцких диалектах указанному слову соответствует лексема *поз*. Слово *котыр* восходит к общепермскому **kotir* ‘группа однородных предметов’ и имеет параллели с финским *kotras* ‘куча, стадо’ [КЭСЯ 1999: 136]. Интересно, что в коми-зырянском языке слово *котыр* в последние годы приобрело новое значение — ‘общественная организация’.

КОЧКАЛНЫ. Груб. Умереть. *Если паньыс кынмас, да сэтöн ловас гуранок, значит тэ таво кочкалан.* Мыс. (Если ложка замерзнет, и там будет ямка, значит, ты в этом году умрешь). Слово в виде варианта *кочкавны*

встречается в нижневыхегодском и удорском диалектах коми-зырянского языка, но имеет несколько иное значение, а именно: ‘кольнуть (в боку)’, ‘надорваться (в поясице)’ [ССКЗД 1961: 168]. В других коми диалектах указанное выше значение (стилистически сниженное) можно выразить разными словами, например, в южнопермяцких диалектах – *нёрны*, в других севернопермяцких диалектах – *чезнитны*, в удорском диалекте коми-зырянского языка – *чездыны-кувны* [ССКЗД 1961: 102] и многими другими лексемами.

КРУГЪЯЛНЫ. Кружить, кругом ходить. *Кругён султасё и кругьялёны тадзи.* Мыс. (В круг станут и кругом ходят таким образом). В несколько ином фонетическом оформлении (*кругйёдлыны*) данная лексема встречается в верхнесыольском диалекте коми-зырянского языка [ССКЗД 1961: 190]. В остальных зырянских диалектах это значение выражается словом *кытилавны* (с разными модификациями — *кытишлалны*, *кытишлалні*, *кытишлооны*, *кытишны* и т.д.) [ССКЗД 1961: 190]. *Кытишлалны* встречается также в севернопермяцких диалектах. Южнопермяцкий эквивалент – *гёгравны*. Лексема *кругьялны* является производной от корня *круг*, который представляет собой русское заимствование.

КУТНЫ. Начать, стать (что-то делать). *Сэсся оленьыс абу кутём воллыны.* Шург. (Затем олень-то не стал приходить). В аналогичном значении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 322], в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 182]. По мнению авторов КПРС, указанное слово с семантикой ‘начать (что-либо)’ встречается и в коми-пермяцком литературном языке [КПРС 1985: 205]. На наш взгляд, названное значение в языке коми-пермяков в подавляющем большинстве случаев передается глаголом *пондыны* и (реже) *куччыны*. Слово *кутны* исконного происхождения, имеет параллели с удмуртским *кутыны* ‘поймать, схватить’, с мордовским *кундамс* ‘поймать’, ‘приняться за дело’ и т.д. [КЭСЯ 1999: 147].

КЫРЫЛ. Уклон, склон (возвышенности). *Чойпон кырылсянь лотокъезён ысласьлім.* Тош. (Со склона Чойпон на лотках катались мы). Лексема имеет

место и в других севернопермяцких диалектах. В коми-пермяцком литературном языке и в южнопермяцких диалектах это значение выражается, как правило, лексемой *керӧс* ‘гора’, *покат* ‘склон’. Коми-зырянский литературный эквивалент – *кырув* [КРК 2000: 337]. По структуре *кырыл*, на наш взгляд, является сложным образованием (состоит из исконного происхождения корней *кыр* ‘обрыв’, ‘крутой, обрывистый, высокий берег’, ‘гора’ и *ыл* (< *ул*) ‘низ’).

КЫС. Шкура с ноги животного. *Лызяс кыс вуралӧны, штобы лымас эз сибды*. Тош. (На низ лыжи пришивают шкуру, чтобы в снег не увязла). В аналогичном значении данная лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 337] и в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 189]. В коми-пермяцком литературном языке и в пермяцких диалектах это слово не зафиксировано. По происхождению лексическая единица *кыс* является исконной, имеет параллели с удмуртским *кусланы* ‘тормозить’ и другими финно-угорскими языками [КЭСКИЯ 1999: 154].

ЛӐСЬЫТА. Хорошо, хорошенько. *Тая мортыс ӧддӧн ни лӧсьыта йӧктӧ*. Сойг. (Этот человек очень уж хорошо танцует). Слово с аналогичной семантикой изредка встречается в коми-пермяцком литературном языке [КПРС 1985: 229], а также в других севернопермяцких диалектах. В южнопермяцких диалектах в этом значении употребляются, как правило, исконные слова *бура*, *бытшӧма*. В несколько ином фонетическом оформлении указанная мысовско-лупьинская лексема отмечена в коми-зырянском литературном языке (*лӧсьыда*) [КРК 2000: 363], в этом же фонетическом облике зафиксирована в присыктывкарском и среднесысольском диалектах зырянского языка [ССКЗД 1961: 205]. Слово является однокоренным с лексемой *лӧсьӧдны* (зырянская форма) / *лӧсьӧтны* (пермяцкая форма) ‘готовить, наладить, приладить’, которая имеет параллели с удмуртским *лӧсьтыны* ‘делать, производить, приготовить, строить’ [КЭСКИЯ 1999: 163].

ЛАВКА. Лавка, магазин. *Лавкасӧ миян осьтӧны одиннацетъ часов*. Мыс. (Лавку-то у нас открывают в одиннадцать часов). Спорадически

отмечается и в других коми диалектах, в основном в речи пожилых людей. Русское заимствование.

ЛАЖГӖЧЧЫНЫ. Принижаться, унижаться. *Мед оз лажгӖччы.* Шург. (Пусть не унижается). В коми-зырянском литературном языке и диалектах данная лексема (в формах *лажгӖдчыны*, *лажмӖдчыны*) имеет значение ‘присесть на корточки’ [ССКЗД 1961: 192]. В коми-пермяцком языке представлена в форме *лажмӖччыны*, которая, помимо значения ‘присесть на корточки’, означает ‘понизиться, принижаться, снижаться’. В мысовско-лупьинском диалекте через промежуточную семантику ‘занять более низкое положение’ произошел сдвиг к указанному переносному значению.

ЛАЙКАН. Деревянная жердь, к которой подвешивали люльку. Слово распространено в коми-зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 192] и литературном языке [КРК 2000: 344] в значениях ‘очеп’, ‘перевес, рычаг’, в удмуртском *лайкан* обозначает ‘палка для переноски грузов, коромысло, носилки, рессора’ [УРС 1983: 250]. Производное от корня *лайк-* со значением ‘качать(ся)’. Возводится к допермскому времени, ср. в финском *liekki* ‘качели, колыбель’ [КЭСЯ: 1999: 157]. В других пермяцких диалектах для обозначения указанного объекта употребляется сложное слово *латтянсёр*, где *латтян-*, вероятно, является модифицированным из *лайкан* (> *лакйян* > *латьян* > *латтян*), а *сёр* имеет значение ‘перекладина’.

ЛАТШКЫТИК. Маленький (невысокий, приземистый). *Кытишӧм латишкытик берёзас.* Тош. (Какая невысокая берёза-то). Можно сопоставить с коми-зырянскими диалектными формами *латишкыд*, *латишкӧс* (имеет место и в зырянском литературном языке) [КРК 2000: 346], *латишкес*, *латишыд*, несущими значение ‘коренастый, приземистый, низкорослый, кряжистый’ [ССКЗД 1961: 195], далее, возможно, с марийским *лапцака* ‘что-либо сплющенное, сплюснутое’ [КЭСЯ 1999: 158]. Лексема *латишкытик* содержит в себе суффикс *-ик*, несущий значение уменьшительности.

ЛЕСТОВКА. Обрядов. Лестовка (род четок из холста у староверов). *Пёдор Аннас, менам деваыс, вурліс лестовкасӧ да мӧдлӧ сетӧма.* Мыс. (Фёдор

Анна, моя подруга, сшила было лестовку-то да другому отдала). Слово является заимствованным из русского языка.

ЛОНЫ. =П и н ь ö д з л о н ы . До ругани, до спора дойти. *Отлаын сыкõt уджалим да сысса пиньöдз лоим.* Мыс. (Вместе с ней работали мы и затем до ругани дошли). Подобная конструкция зафиксирована в коми-зырянском литературном языке (*пиньö воны* ‘вступить в спор’) [КРК 2000: 502], где первый элемент является образованием от *пинь* ‘спор, ссора, склока’ [КРК 2000: 502]. Надо полагать, что в рассматриваемом диалекте данное сочетание возникло также от *пинь* ‘спор, ссора, склока’. В остальных пермяцких диалектах и в литературном языке подобное выражение не зафиксировано, хотя в них имеется глагол *пинясьны* ‘ругаться, спорить’, который, безусловно, является производным от корня *пинь* с указанной семантикой.

ЛОТШКÖТНЫ. Сильно бить. *Лотшкõtис да лотшкõtис менö бедьнас.* Вл. (Сильно била меня она палкой). Слово является производным от глагола *лотшкыны*, который, в свою очередь, восходит к звукоподражательному корню *лотш*, передающему хруст в суставах. Данная форма не зафиксирована в остальных коми диалектах, но имеет семантическое сходство с удмуртским *лошъяны* ‘бить, побить, поколотить’ [УРС 1983: 259].

ЛОТШКЫНЫ-СЁЙНЫ. Жадно есть. *Лотшкö-сёйö, пöтны оз вермы.* Сойг. (Жадно ест, насытиться не может). Слово представляет собой парное образование, где первый компонент несет семантику ‘хрустеть (о костях, в данном случае челюсти)’, а второй имеет значение ‘есть, кушать’. В южнопермяцких диалектах имеется аналогичная конструкция – *вутшкыны-сёйны* ‘уплетать, есть с аппетитом’ [КПРС 1985: 90]. На наш взгляд, лексема *лотшкыны* (фонетический вариант *вутшкыны*) представляет собой производный глагол от изобразительного корня *лотш* (*вутш*), передающего хруст в суставах.

ЛЫ. Кость. *Четыре метра вöлöма кузянас богатырыс. Метровöйöсь лыезыс вöлöмась.* Тош. (Четыре метра был в высоту богатырь-то. Метровые кости-то были). Известно и в других севернопермяцких диалектах, а также в

коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 366], в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 207]. По своему происхождению лексема является исконной, имеет параллели в удмуртском языке (*лы*), марийском (*лу*), эрзянском (*ловажа*), финском *luu* и др. [КЭСКЯ 1999: 163]. В южнопермяцких диалектах, в большинстве случаев и в литературном пермяцком языке это значение оформляется русской лексемой *коска*.

ЛЫЗЬ. Лыжа, подбитая камысами. *Лызьсö пыдöссö кучикöн керöны.* Сойг. (Низ лыжи шкурой обшивают). Слово распространено как в литературном коми-зырянском языке [КРК 2000: 369], так и в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 208]. В остальных пермяцких диалектах эта единица не встречается. По происхождению лексема *лызь* является заимствованием из древнерусского языка, в котором *ж* звучало мягко: *лыжь*, *лыжи* [КЭСКЯ 1999: 164].

ЛЯПИЧЧЫНЫ. Прилепиться, сцепиться. *Тöлалö, да вермас ляпиччыны льöмтойыс.* Сойг. (Ветрено, и может вцепиться клещ-то). В несколько ином фонетическом облике (*лепитчыны*) с аналогичной семантикой слово встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 348], а также в разном фонетическом оформлении (*лепитчыны*, *лепитчині*, *лепиччыны*, *лепиччины*) присутствует в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 196]. В коми-пермяцких диалектах *лепитчыны* имеет значение ‘заниматься лепкой’ [КПРС 1985: 220], а в значении ‘прицепиться’ употребляются слова *лякасьны*, *кышасьны*. Рассматриваемая лексема происходит от русского *лепиться*.

МÖДНОГ. По-другому, иначе. *Тая вареннё колö керны мöдног, мöдног колö сваритны.* Мыс. (Это варенье надо сделать по-другому, по-другому надо сварить). В данной лексеме чуждым коми-пермяцкому литературному языку и другим пермяцким диалектам является второй компонент *-ног*, (вместо него в них употребляется *-нёж* – *мöднёж* ‘по-другому’). В аналогичном мысовско-лупьинскому варианту значение ‘по-другому, иначе’ выражается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 400] и в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 224]. Данное слово сложное, его первая часть — *мöд* в

коми языках имеет значение ‘другой’, а *ног* в зырянском означает ‘способ, образ, манера’ [КРК 2000: 434].

МАТКА. Компас. *Вөрö муна, матка дынам босьта*. Вл. (В лес иду, компас с собой беру). Данная лексема в аналогичном значении употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 385], а также в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 218]. В коми-пермяцком литературном языке, как и в других пермяцких диалектах, это значение выражается посредством слова *компас* (русское заимствование). Стоит заметить, что лексема *компас* также встречается в языке мысовско-лупьинских пермяков. Слово *матка* в указанном значении считается заимствованным из русских говоров [КЭСКЯ 1999: 416].

МАТШӨТНЫ. Жать. *Сапогыс учёт, кокто матишөтö*. Тош. (Сапог-то маленький, ногу-то жмёт). Данное слово можно сопоставить с севернопермяцким *матшалны* ‘отсидеть (ногу)’ [КПРС 1985: 245], а также с такими зырянскими словами, как *маджа* ‘подпорная вода’, *мыдж* ‘опора, упор’, *мыджны* ‘подпирать’, выражающих в конечном счете идею сдавливания, надавливания. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *зэлöтны*, в южнопермяцких диалектах – *зэвöтны* ~ *зэötны*.

МАТШКАЛОБ. Нижняя часть русской печи. *Эта горыслöн матшкалоб*. Мыс. (Это у печи матшкалоб). Слово является специфическим для мысовско-лупьинского диалекта, состоит из двух корней: *матшка* ‘свекровь’ и *лоб* ‘лоб’. На наш взгляд, оба компонента являются заимствованными из русского языка, *лоб* функционирует без каких-либо изменений, а *матшка*, возможно, – преобразование от *матушка*.

МАЧАСЬНЫ. Играть в мяч, играть мячом. *Челядьыс öтöрас мачасьöны*. Тош. (Дети-то на улице играют в мяч). Лексема в аналогичном значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 386], а также в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 19161: 218]. В коми-пермяцком литературном языке, в остальных пермяцких диалектах это значение в настоящее время выражается посредством словосочетания, кальки из русского языка, *орсны мячöн* ‘играть мячом, играть в мяч’ [КПРС 1985: 262]. В XIX веке

кудымкарско-иньвенские и нердвинские пермяки представленное значение передавали глаголом, образованным от заимствованного существительного *мач*, – *мачавны* ‘играть в мяч’ (на это указывают данные словаря Н. Рогова [1869: 95]).

МЕСЬТИТНЫ. Поместить, положить что-либо на место, убрать. *Компастö месьтит, а то челядьыс босьтасö.* Тош. (Компас-то убери, а то дети-то возьмут). В аналогичном значении данная лексема встречается в коми-зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 220], в коми-зырянском литературном языке (орфографически *меститны*) [КРК 2000: 392], а также в других севернопермяцких диалектах [КПРС 1985: 248]. В коми-пермяцком литературном языке и в южнопермяцких диалектах это значение реализуется с помощью исконного слова *пуктыны*. Лексема *месьтитны* является русским заимствованием, ср. русское *поместить*.

МИЗГЫРАСЬНЫ. Сердиться, дуться. *Вачкал челядьöс, да сэсса ния мизгырасьöны.* Тош. (Побей детей, потом они и сердятся). Эта лексема в указанном значении и фонетическом оформлении встречается также в других севернопермяцких диалектах [КПРС 1985: 249] и в удорском диалекте зырянского языка [ССКЗД 1961: 221]. В коми-зырянском литературном языке и в других зырянских диалектах употребляются однокоренные *мизгыны* ‘быть недовольным, хныкать’, *мизгöтчыны* ‘нахмуриться, насупиться’, *мизгырвидзны* [КРК 2000: 393; ССКЗД 1961: 221]. В коми-пермяцком литературном языке и южнопермяцких диалектах это значение, как правило, передается посредством фразеологизма *ныр öшöтны* ‘букв. нос повесить’. Происхождение слова *мизгырасьны* не ясно. Впрочем, напрашиваются аналогии со славянским *мизгирь* ‘паук’.

МИСЬТÖМ. Некрасивый. *Менам зонöй мисьтöм ловис.* Пург. (Мой сын некрасивым стал). В аналогичном значении слово встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 394] и в разном фонетическом оформлении (*мисьтöм, мисьтэм, мичтöм, мычтöм, мытьтöм*) функционирует в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 221]. В коми-пермяцком

литературном языке и в других пермяцких диалектах эта лексема также встречается, но в несколько иных значениях: 1) неумытый; 2) неопрятный, неряшливый [КПРС 1985: 250]; является, по всей видимости, однокоренным от *миссьыны* ‘умыться’. Слово *мисътӧм* с семантикой ‘некрасивый’ считается производным от слова *мич* ‘красивый’ [КЭСКЯ 1999: 172], на это указывают зырянские диалектные формы *мичтӧм*, *мычтӧм*; суффикс *-тӧм* придает значение отсутствия признака (в данном случае красоты). В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах семантика ‘некрасивый’ передается, как правило, исконным словом *нӕштӧм*.

МИЧ. Ясная (солнечная) погода. *Если опеть ӧддӧн понас зэрны, дак мич корисӧ.* Мыс. (Если опять очень будет дождь идти, то ясную погоду просили). Слово встречается в разных коми-пермяцких говорах, однако значения его не совпадают; например, в верх-иньвенском оно означает то же, что и в мысовско-лупьинском, в северных говорах – ‘краса, красота’ и в левичанском говоре его семантика — ‘краска’ [КПРС 1985: 250]. В коми-зырянском литературном языке и зырянских диалектах *мич* употребляется в значении ‘краса, красота’ [КРК 2000: 395; ССКЗД 1961: 221]. Слово *мич* является исконным по происхождению, имеет параллели с ненецким *мэцэй* ‘разукрашенный’ [КЭСКЯ 1999: 172]. В коми-пермяцком литературном языке значение ‘ясная погода’ передается сочетанием *мича погоддя*, в зырянском — *мича поводдя*, *мичадыр*, в удорском диалекте — *кошкым*.

МИЧӖНИКА. Как следует, хорошенько. *Потом куштасӧ гӧнсӧ кучиксис ставсӧ мичӖника.* Сойг. (Потом отдерут шерсть-то с кожи всё хорошенько). В аналогичном виде лексема не зафиксирована ни в других коми-пермяцких, ни в зырянских диалектах. По структуре представляет собой производное от исконного *мич* ‘краса, красота’. В других пермяцких диалектах указанное значение выражается также исконными лексемами *бытшӧмика* или *бура*, в зырянском – наречием *буриндзи*.

МОДНӖЙ. Постоянно недовольный чем-то человек. *Сылӧн инькаыс моднӖй, сы дынӧ эн мун.* Мыс. (Его жена постоянно недовольная чем-то, к ней

не ходи). Слово известно как в зырянском литературном языке [КРК 2000: 397], так и в пермяцком [КПРС 1985: 252], но употребляется в ином значении, аналогичном русскому диалектному *модный*. В коми-пермяцком литературном языке значение ‘постоянно недовольный (человек)’ выражается, как правило, словосочетаниями *пыр недовольнӧй, вечно недовольнӧй*, первое из которых является полукалькой из русского языка, а второе – полной русской калькой. Лексема *моднӧй* представляет собой русское заимствование, возможно изменившее значение под влиянием созвучного исконного глагола *модьны* ‘ворчать’.

МОЛЬ. Бусы, бусина. *Магазинись мийӧ мольсӧ босьтлімӧ*. Вл. (Из магазина мы бусы покупали). В аналогичном значении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 397], а также в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 223]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах это слово принадлежит к числу архаизмов и заменяется в речи русскими лексемами *пристеж* (< русское, ср. русское *пристегнуться*) или *бусы*. Слово *моль* хорошо сохранилось в пермяцком литературном языке и в южнопермяцких диалектах в составе композит *туримоль* ‘клюква’ (< *тури* ‘журавль’ + *моль* ‘косточка, бусинка’), а в севернопермяцких – *нюрмоль* ‘клюква’ (< *нюр* ‘болото’ + *моль* ‘тж’). Лексему *моль* можно сопоставить с удмуртским *мульы* ‘косточка (плода)’, ‘орех’ [КЭСЯ 1999: 173].

МУСЬНИККЕЗ. Мусники (хлебные изделия, представляющие собой тонкую лепешку). *Мусьниккез простӧй пизись пӧжалі*. Сойг. (Мусники из одной только муки сделала я). Заимствование из русского языка, сравни русское диалектное *мусник, мучник* от *мусный* ‘мучной’ [СПГ 2000: 531]. Встречается также и в других севернопермяцких диалектах.

МЫЙТӖМ. Сколько. *МыйтӖм талун вӧрсит ягӧттӧ ӧктін*. Сойг. (Сколько сегодня из лесу-то ягод собрала). Данная лексема в разных фонетических вариантах встречается в коми-зырянском литературном языке (*мыйта, мыйтӖм*) [КРК 2000: 412, 413] и в зырянских диалектах (*мыйта,*

мыйтта, мыйда, мыйтӧм, мыйтэм и др.) [ССКЗД 1961: 230]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *мымда* [КПРС 1985: 260]. В этом же виде указанное значение реализуется и в остальных пермяцких диалектах. Лексема *мыйтӧм* является производной от местоимения *мый* ‘что’, имеющего параллели во всех финно-угорских языках (ср. удмуртское *мар*, финское *miika*, венгерское *mi* и др.) [КЭСЯ 1999: 181].

МЫНӦТНЫ. Освободить. *Молитванас вермисӧ мынӧтны.* Вл. (Молитвой-то смогли они освободить). Лексема в указанном значении, кроме рассматриваемого диалекта встречается и в других севернопермяцких (кочевском и косинско-камском) диалектах. По происхождению является исконной, имеет параллели с мокшанским *мянемс*, венгерским *kimenik* и др. [КЭСЯ 1999: 183], представляет собой производное от *мынны* ‘высвободиться, избавиться, вырваться’. В коми-зырянском литературном языке и в зырянских диалектах встречаются самые разные формы от *мынны*, например, *мынтӧдчыны* ‘освободиться, отвязаться от кого-чего-либо’, *мынтысьны* ‘освободиться, высвободиться’ и др. [КРК 2000: 414; ССКЗД 1961: 231]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в южнопермяцких диалектах это значение может выражаться самыми разными лексемами в зависимости от контекста, например, *лэдзны тюрмаись* ‘освободить из тюрьмы’, *веськӧтны шогӧтсянь* ‘освободить (вылечить) от болезни’ и др.

НӐРЫС. 1. Холм, возвышенность. *Сэтчин нӐрыс вылас колӧ кайны-тӧ.* Мыс. (Туда на холм нужно подняться-то). 2. Название деревни Мысы на родном языке. *Мысысӧ НӐрысӧн шуллӧмась.* Мыс. (Мысы-то НӐрысом называли). В первом значении встречается и в других диалектах коми языков (в т.ч. в форме *нырӧс*). Не зафиксировано в нижеиньвенском диалекте. По происхождению является исконным, можно сопоставить с мансийским *нӐр* ‘гора’ [КЭСЯ 1999: 195], или же, учитывая форму *нырӧс*, считать его производным от *ныр* ‘нос’.

НА. Ещё (частица). *Не пӧрись на эшӧ.* Вл. (Нестарая ещё я). Частица *на* в указанном значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК

2000: 418], в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 233]. Она имеет место и в литературном пермяцком языке, а также в других пермяцких диалектах [КПРС 1985: 262]. Однако там она употребляется крайне редко и, как правило, заменяется частицей, заимствованной из русского языка, - *эишö*, ср. русское *ещё*.

НЕСЯДНО. Очень сильно. *Локті гортö да эпеть несядно висьми.* Хар. (Приехала я домой и опять очень сильно заболела). Заимствование из русского языка (с фонетическим переоформлением, ср. *нещадно*). В других коми диалектах употребляются соответствия типа *ёна*, *öддьöн* и др.

НИМКЫЛ. Заговор, наговор, заклинание, молитва. *Сія просто, может, пробуйтис, дейстуйтöн, озö нимкыльес.* Мыс. (Она просто, может, пробовала, действуют, нет молитвы). Лексема в значении 'заговор, наговор, заклинание' встречается в коми-зырянском литературном языке (*нимкыв*) [КРК 2000: 431], в разных фонетических вариантах (*нимкыв*, *нимкыл*, *нимкыы*) функционирует в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 242]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах с семантикой, аналогичной коми-зырянской, относится к разряду пассивной (устаревшей) лексики [КПРС 1985: 274], заменяется, как правило, в литературном пермяцком языке исконной лексемой *кöрткыв* 'букв. железное слово' (< *кöрт* 'железо, железный' + *кыв* 'слово'), в диалектах – помимо *кöрткыв* — могут встречаться русские *заговор*, *заклинаннë*, *наговор*. Как видно из изложенного, в рассматриваемом регионе лексема *нимкыл* приобрела более широкое значение, стала употребляться и в значении 'молитва' (в остальных пермяцких диалектах семантика 'молитва' передается русской лексемой *молитва*). По структуре *нимкыл* – сложное образование: *ним* 'имя' и *кыл* 'слово'.

НИН. Уже. *Татісь кулісö нин уна.* Вл. (Отсюда умерло уже много). В аналогичном фонетическом облике лексема встречается также в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 431] и в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 242]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах это значение передается с помощью *ни* (этимологически — фонетический вариант слова *нин*) [КПРС 1985: 273].

Разные фонетические варианты лексемы *нин* можно сопоставить с удмуртским *ни*, *ини*, а также с эрзянским *ней* ‘теперь’ и с финским *пуку*, *пут* ‘сейчас’ [КЭСЛЯ 1999: 192].

НИНАМ. Ничто, ничего. *Кагаыслö нинам сёяныс оз палкы*. Вл. (Ребенку-то ничего из еды не попадает). Лексема в несколько ином фонетическом облике (*нинöм*) встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 432], в разных фонетических вариантах (*нинöм*, *нинэм*, *нимöн*, *нимен* и др.) – в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 242]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *нем* (усеченная форма от отрицательного местоимения *немый*). Подобным же образом это значение реализуется в остальных пермяцких диалектах. Ученые предполагают, что форму *нинöм* (его фонетические варианты, в том числе *нинам*) можно сопоставить с зырянским *нымöн* ‘едва, чуть’, ‘кажется, как будто’ [КЭСЛЯ 1999: 196].

НЫРОСЬТАЭЗ. Ноздри. *Ныросьтаэс и мортлöн эмöсь*. Мыс. (Ноздри и у человека есть). Лексема встречается и в других пермяцких диалектах, но, как правило, в указанном значении здесь употребляется другое сложное слово — *нырпыссэз*. В коми-зырянском литературном языке – *ныр розьяс* [КРК 2000: 440], в диалектах – *ныр розь*, *ныр рузь* [ССКЗД 1961: 248]. Представленная лексема является сложной по структуре, состоит из двух исконных самостоятельно употребляющихся компонентов *ныр* ‘нос, клюв, рыло’ и *осьтаэз* ‘отверстия’, корень *ныр* имеет параллели с удмуртским *ныр*, марийским *нер* и другими финно-угорскими языками [КЭСЛЯ 1999: 197], компонент *осьта* в пермяцком означает ‘отверстие’, его можно сопоставить с коми-зырянским *восьтыны* ‘открыть’, удмуртским *усьтыны* ‘открыть’ [КЭСЛЯ 1999: 64].

НЮКАЛНЫ. Нюхать. *Оленьыс баран вирсö нюкалöм и чаду керöм*. Шург. (Олень-то понюхал баранью кровь и убежал). В данном фонетическом облике лексема не зафиксирована в коми-пермяцком литературном языке и остальных пермяцких диалектах, не отмечена и в коми-зырянском литературном языке и его диалектах. В говорах коми языков в этом значении от русского *нюхать*

употребляются самые разные формы, например, *нюкайтны* ‘нюхать’ (в коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах), *нюшкыны* ‘нюхать’, *нюшкӧдны* ‘дать понюхать’ (в коми-зырянском литературном языке) и др.

НЮШЬИНЫ-КУРИТНЫ. Нюхая курить. *Одзам мунӧ да только нюшйӧ-куритӧ.* Мыс. (Впереди меня идет и только нюхает-курит). Представленная лексема – парное образование, оба компонента являются заимствованиями из русского языка (*нюшйыны* < русское *нюхать*; *куритны* < русское *курить*). Свойственным только мысовско-лупьинскому диалекту в данном парном образовании следует признать первый компонент (*нюшйыны*), поскольку в других коми диалектах это слово встречается с суффиксом -к вместо -й, например, коми литературные варианты – *нюшкыны*.

ОЛМӖЧЧЫНЫ. Обустроиться; начать жить. *Кычкӧ колӧ буржыка олмӖччыны.* Вл. (Как-то надо лучше устроиться). В этом же значении слово встречается в косинско-камском диалекте. В коми-зырянском языке имеет форму *овмӧдчыны* со значением ‘поселиться’.

ПАЛКНЫ. Достаться, перепасть. *Кагаыслӧ нинам сӕяныс оз палкы.* Вл. (Ребенку-то ничего из еды не попадает). В литературном коми-пермяцком языке значение этого слова (в форме *павкны*) иное — ‘задеть, коснуться’.

ПАСЪЯСЬНЫ. Креститься, перекреститься. *Ыджытжыка кӧ гымыштас, пасъясам.* Сойг. (Больше, сильнее если грянет гром, перекрестимся). В указанном значении лексема встречается в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 276]. В литературных коми языках и в остальных пермяцких диалектах названная семантика выражается глаголом *пернапасасьны* [КРК 2000: 495; КПРС 1985: 333], который по структуре является сложным, содержит компонент *перна* ‘нательный крестик’ и *пас* ‘знак, метка’. От последнего корня (*пас*) образовано мысовско-лупьинское *пасъясьны*. Лексема *пас* имеет параллели с удмуртским *пус* ‘метка, клеймо, тамга’ [КЭСЯ 1999: 217].

ПИМИ. Полуваленки (в т.ч. с завязками). *Кокам нимиез вöлісö*. Мыс. (На ногах полуваленки были). Лексема имеет общекоми распространение, однако употребляется в коми языках в разных значениях. К примеру, в косинско-камском диалекте пермяцкого языка слово несет семантику ‘валенки’, а в литературном языке – ‘войлочная обувь в виде глубоких галош’ [КПРС 1985: 341], в зырянских диалектах, как и в литературном языке – ‘высокая обувь из шкуры оленьих ног’ [ССКЗД 1961: 285; КРК 2000: 501]. Слово считается ненецким заимствованием, в большинство коми диалектов оно попало через севернорусские говоры [КЭСКЯ 1999: 221].

ПЛЕШ. Лоб. *Покойникыслö плешас пуктöны венеч*. Вл. (Покойнику-то на лоб кладут венец). В аналогичном значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 506] и в большинстве зырянских диалектов [ССКЗД 1961: 288]. В коми-пермяцком литературном языке и остальных диалектах данная семантика выражается, как правило, исконной лексемой *кымöс*, слово *плеш* с семантикой ‘лоб’ встречается редко. Слово *плеш* – заимствование из русского языка.

ПОМ. Конец. *Пом нин локтіс, пом*. Вл. (Конец уже пришел, конец). Встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 512], а также – в разном фонетическом оформлении (*пом, пон*) – в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 291]. С аналогичным значением это слово выступает в форме *пон* и в пермяцких диалектах [КПРС 1985: 355]. В литературном коми-пермяцком языке и в южнопермяцких диалектах в указанном значении преимущественно употребляется заимствованная из русского языка лексема *конец* ~ *конеч*. По происхождению слово *пом* является исконным, имеет параллели с удмуртским *пум* ‘конец, основание, исход, предел’, с финским *rää* ‘голова’ и со многими другими финно-угорскими языками [КЭСКЯ 1999: 224].

ПОС. Лестница. *Поссö умöля нин кая*. Пург. (По лестнице-то плохо уже поднимаюсь). С аналогичным значением встречается (наряду с *сод*) в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 516], в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 294]. В коми-пермяцком литературном языке и в

остальных пермяцких диалектах слово употребляется, как правило, с семантикой ‘мост’, ‘мостки’ [КПРС 1985: 359], а в значении ‘лестница’ выступает русское заимствование *лесница* ~ *леснича* ~ *леснич* либо производная от *пос* лексема *поспуэз* букв. ‘ступеньки’ (последняя имеет параллели с коми-зырянским *пусъез* ‘лестница’). Слово *пос* восходит к общепермскому языку-основе (**ros* или **pos*) [КЭСЯ 1999: 226].

ПОСКРЁБЫШ. О последнем ребенке в семье. *Последнёй кагас семьяас* – *поскребыш*. Мыс. (Последний ребенок в семье – поскребыш). Слово заимствовано из русских говоров, ср. русское диалектное *поскребыш*, *поскребенья* [СПГ 2002: 182].

ПУКТИСЯН. Сенокосный участок. *Пуктісяньес миян Лупьяс вёлісö*. Вл. (Сенокосные участки-то наши в Лупье были). С аналогичной семантикой в несколько ином фонетическом облике (*пуктысян*) встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 541]. Является производным от глагола *пуктісьны* ‘заниматься уборкой сена’, который имеет место и в коми-пермяцком литературном языке [КПРС 1985: 383]. Однако семантика ‘сенокосный участок’ как в коми-пермяцком литературном языке, так и в остальных пермяцких диалектах указанным словом не выражается, обозначается лексемами типа *видз* ‘луг’, *покос* и др.

ПЫНЬДИ. Из-за, вместо (послелог). *Татісь эд юöm пыньди вашöтісö*. Пург. (Отсюда ведь из-за пьянки выгнали они). *Йöз пыньди страдайтнытö колö*. Мыс. (Вместо народа страдать приходится). Лексема в ином значении (‘вместо [кого или чего-либо]’) присутствует в коми-зырянском литературном языке (в форме *пыдди*) [КРК 2000: 545], в разном фонетическом оформлении (*пыдьди*, *пыдьдись*, *пыдьдьö*, *пыдьдя* и др.) в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 311], а также в других севернопермяцких диалектах (в варианте *пиньди*) [Лобанова 1993: 118; Баталова 1975: 200] и в оньковском диалекте южнопермяцкого наречия (в форме *пыдди*) [Баталова 1990: 135]. В остальных коми-пермяцких диалектах эта лексема не зафиксирована.

ПЫРКАЛНЫ. Дрожать. *Мёсыс только пыркалӧ.* Тош. (Корова-то только дрожит). Лексема встречается и в других коми диалектах и литературных языках, но несколько в ином значении - ‘опась, выпась, вытряхнуться, стряхиваться’ [КРК 2000: 549; ССКЗД 1961: 313; КПРС 1985: 391]. Является производной от изобразительного корня *пырк* ‘подражание порханию птиц’ [КПЯ 1962: 325].

РУШКУ. Живот. *Рушкуй висьмис мыйкӧ.* Вл. (Живот мой заболел что-то). В указанном значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 572] и в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 326]. С семантикой ‘брюхо, пузо’ слово зафиксировано и в других севернопермских диалектах [КПРС 1985: 412]. Значение ‘живот’ во всех остальных коми-пермских диалектах и литературном языке выражается лексемой *кынӧм*. Слово *рушку* сложное по составу, первый компонент его восходит к общепермскому **ruš* ‘живот, желудок’ [КЭСКЯ 1999: 246], ср. удм. *джуш* ‘брюшнина, желудок’, а *ку* — ‘кожа, шкура’.

СІТАН. =*Сітан тупкӧток*. О последнем ребенке в семье. *Поскрёбышыс мӧдног сітан пукӧток.* Мыс. (Поскребыш по-другому *сітан пукӧток*). Метафорическое образование (букв. ‘кто закрывает задний проход’), ср. частое в русской диалектной лексике уподобление родов испражнению (перм. *высрать* ‘родить’).

САДИЧЧАЛНЫ. Сажать, заниматься посадкой (овощей). *Садиччаласӧ пока, деньгасӧ заработайтас.* Вл. (Пока занимаются посадкой (картофеля и других овощей), деньги заработает). Лексема является заимствованием из русского языка, ср. русское *садить*. От русского *садить* в коми диалектах и литературных коми языках образуются разные формы, напр., *садитны* ‘сажать, посадить’, *садитчыны* ‘заниматься посадкой (растений, деревьев)’ и др. [КПРС 1985: 414; КРК 2000: 574; ССКЗД 1961: 328]. Однако в указанной форме эта лексема в остальных коми диалектах и литературных языках коми не зафиксирована.

САЛДЫМИТНЫ. Много пить (например, вино). *Төн сія кыдз салдымитіс, стопкаусь стопка вежис*. Мыс. (Вчера он как пил, стопку на стопку менял). Данная лексема является специфической для мысовско-лупьинского диалекта. Соотносится с изобразительным представлением пьяного, опьянения в русских говорах (пермское) *салдым-салдым*.

САПОГ. =Гын сапӧг. Валенки (букв. ‘войлочный сапог’). *Кокам вӧлісӧ гын сапӧгъез*. Мыс. (На ногах были валенки). Встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 168], в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 393]. В коми-пермяцком литературном языке и в южнопермяцких диалектах семантика данного слова передается с помощью русского заимствования *валёнки*, в севернопермяцких диалектах, помимо *валёнки*, лексемой *пими*. По своей структуре *гын сапӧг* является определительным словосочетанием, где первый компонент *гын* ‘войлок’ исконного происхождения (ср. удмуртское *гын* ‘войлок’ [КЭСКЯ 1999: 85]), а второй – русское заимствование.

САТШКЫНЫ ~ СУТШКЫНЫ. Пырнуть, воткнуть (чем-то острым). *Кынӧмас сүтикіс пуртнас*. Вл. (В живот ножом он пырнул). С аналогичным значением данная лексема в обоих фонетических вариантах встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 579; 621] и - в разных фонетических формах (*сатшкыны*, *сатшкыні*, *затшкыны*, *сүтишкыны* и др.) - в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 352; 331]. В форме *сүтишкыны* употребляется и в других севернопермяцких диалектах. В коми-пермяцком литературном языке и в южнопермяцких диалектах указанная семантика передается словами *мӧртны* или *татшкыны*. По происхождению лексема *сатшкыны* ~ *сүтишкыны* является исконной, можно сопоставить с марийским *шышкаш* ‘набивать, совать’, с эстонским *süskama* ‘колоть, жалить’, с финским *sysätä* ‘толкать, пихать’ или *sytea* ‘бить, наносить удары, рубить’ [КЭСКЯ 1999: 250; 267].

СЕСТРАНКА. Двоюродная сестра. *Мекӧт орччӧн кодъя олӧ, сія меным сестранка лоӧ*. Пург. (Со мной рядом которая живет, она мне двоюродная сестра). В литературных коми языках эквивалентом этого слова является *оча*

сой (пермяцкое), *воча чой* (зырянское). Однако рассматриваемая лексема встречается в разных диалектах коми языка: в пермяцких в форме *сестрёнка* [КПРС 1985: 424], в зырянских в формах *сестрьёнка*, *сесьтронка* [ССКЗД 1961: 343]. Слово заимствовано из русских говоров, ср. русское *сестрянки* ‘двоюродная сестра’ [СПГ 2002: 332].

СЕСТРИЧКА. Золовка. *Сія менам сестричка*. Пург. (Она моя золовка). Данное слово является специфическим для мысовско-лупьинского диалекта. В литературных языках его эквивалент – *аяныв* [КРК 2000: 35; КПРС 1985: 23], в диалектах – *аяныв*, *аяныл*, *аяныы*, *золовка* [ССКЗД 1961: 15]. Слово *сестричка* заимствовано из русского языка (с переосмыслением).

СИКТ. Село. *Миян сиктын буржык зонъез ставыс призывайчёны*. Хар. (В нашем селе лучшие парни все призываются в армию). В данном значении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 591], в форме *сик* зафиксирована в верхневычегодском и среднесысольском диалектах зырянского языка [ССКЗД 1961: 336]. В пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в этом значении употребляются русские заимствования *посад* и *село*. Слово *сикт* исконного происхождения, восходит к общепермскому *s'ik* со значением ‘совокупность, множество, группа однородных предметов’ [КЭСЯ 1999: 255].

СИНЛАП. Глазное веко. *Сідз висьё, что синлапъесё оз вермны осьтны*. Пург. (Так болеет, что веки не может открыть). В аналогичном виде данное слово встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 592], в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 336]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах лексема функционирует с *о*-овой огласовкой во втором слоге – *синлоп* [КПРС 1985: 430]. По структуре представляет собой сложное слово, состоящее из двух компонентов, где первый компонент *син* – самостоятельно употребляющийся в настоящее время корень, а второй – *лап* ~ *лоп* ныне в языке коми-пермяков отдельно не встречается.

СИЧАНКА. Сеченка; квашеная капуста, приготовленная из нарубленных зеленых листьев. *Зелёной листьесис керам сичанка: мёслё или аслыт керам*.

Сойг. (Из зеленых листьев капусты сделаем сеченку: корове или себе сделаешь). Слово изредка встречается и в других севернопермяцких диалектах. Является заимствованным из русских говоров, ср. русское (пермское) *сеченка* [СПГ 2002: 332].

СКӨР. Моль. *Скөр сёйöма теписсесö да мый*. Тош. (Моль съела рукавицы и другое). Коми-пермяцкий литературный и южнопермяцкий эквивалент – *кор*, в других севернопермяцких диалектах – *көр*. В коми-зырянском языке это значение может выражаться разными лексемами, например, *воз*, *воз гаг*, *воз бобув* [РКС 2003: 442]. Происхождение слова неясно.

СКӨРМЫНЫ. Рассердиться. *Мужиккес кор скөрмасö, да матькисьöны*. Вл. (Мужики когда рассердятся, то матерятся). В аналогичном значении данная лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 597], в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 340]. Согласно авторам Коми-пермяцко-русского словаря [1985: 433], это слово известно и в коми-пермяцком литературном языке, однако, по нашим сведениям, в значении ‘рассердиться’ коми-пермяки употребляют, как правило, лексему *лöгасьны*. Рассматриваемое слово является производным от прилагательного *скөр* ‘злой’, происхождение которого неизвестно.

СПОРУЙТНЫ. Спорить. *Пырис сiя и понiс споруйтны, одно што споруйтö*. Вл. (Зашел он и начал спорить, спорит и всё). В указанной форме лексема с семантикой ‘спорить’ встречается в коми-зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 345]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в названном значении употребляется глагол *споритны* (т.е. с суффиксом *-ит* вместо мысовско-лупьинского и зырянского *-уйт*). По происхождению рассматриваемая лексема является заимствованием из русского языка, ср. русское *спорить*.

СТАВЫС. Все, всё. *Ставыс сылö тöдса*. Вл. (Всё ему знакомо). Мыс. *Сэтöн ставыс пуктисьö*. Мыс. (Там все сенокосят). В данных значениях эта лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 611], а также - в разном фонетическом оформлении (*ставыс*, *ставис*, *сталыс*, *тавис*) -

в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 346]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в значении ‘всё’ выступает лексема *быдӧс* (северное *дӧс*), семантика ‘все’ передается словом *быдӧнныс*. По происхождению лексема *ставыс* представляет собой заимствование из русского языка [КЭСКЯ 1999: 265].

СЮРЬЯ. Столб. *Ме кӧ кула, менӧ дзебӧ радиё сюръя дорӧ...* Вл. (Если я умру, меня похороните у столба радио...). Лексема в указанном значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 631], а также в отдельных зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 361]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах в этом значении употребляется русская лексема *столб*.

СЮСЬ. Сообразительный, смысленный, толковый, умный. *Сюсь кагаыт тай быдмӧ.* Тош. (Смысленным ребенок твой растет). В указанном значении данная лексема присутствует в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 631], в отдельных зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 361], а также в других севернопермяцких диалектах. В коми-пермяцком литературном языке и в говорах, распространенных на территории Кудымкарского района, в значении ‘умный’ употребляется исконное слово *вежӧра*, а в нижнеивненском диалекте данная семантика передается, как правило, русской единицей *толковӧй*. Происхождение слова *сюсь* не ясно, ученые предполагают связь с с марийским *шушо* ‘зрелый’ [КЭСКЯ 1999: 424].

ТАДЗ. Таким образом, так. *Тадз ми и олам то.* Мыс. (Так мы и живем вот). В аналогичном фонетическом оформлении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке и в зырянских диалектах [КРК 2000: 634; ССКЗД 1961: 363]. В коми-пермяцком литературном языке и в подавляющем большинстве других пермяцких диалектов это слово функционирует с инициальной э- (*этадз*). По нашим сведениям, *тадз* имеет место и в косинско-камском диалекте севернопермяцкого наречия. Лексему *тадз* ~ *этадз* можно сопоставить с удмуртским *тазӧ* [КЭСКЯ 1999: 277].

ТАСМА. Ремень. *Ременьыс миян ног шусьö тасма*. Мыс. (Ремень по-нашему называется тасма). Лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 638] и во всех зырянских диалектах (за исключением летского) [ССКЗД 1961: 366]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах в этом значении употребляется русское заимствование *ремень*. Слово *тасма* восходит к общепермскому корню **tasma*, который представляет собой иранское заимствование, ср. таджикское *тасма* ‘ремень’ [КЭСКОЯ 1999: 278].

ТАТШÖМ. Такой, такая, такое. *Татшöм тэнат работат абу бур*. Вл. (Такая твоя) работа нехорошая). В аналогичной форме указанная лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 638], в разных фонетических вариантах, но без начального э- (*татшöм, татшем, татшöмин, татшö* и др.) - в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 366]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах данное слово употребляется, как правило, с инициальной э- (*этшöм*). Лексема *татшöм* (и другие ее фонетические варианты) является производной от местоимения *та* ‘этот, такой’, которое имеет параллели во всех финно-угорских языках, например, в удмуртском *та* ‘этот’, в финском *tämä* ‘этот’ и др. [КЭСКОЯ 1999: 277].

ТАТШÖМЫС. Леший; букв. ‘такой-то’. *Татшöмыс кыдз вöрас петас, дак он тöд, кыччö воштисьны*. Мыс. (Леший-то как в лесу появится, то не знаешь, куда деваться). Подобное отстраненное наименование Лешего стало возможным в силу того, что название данного демонологического существа является запретным у мысовско-лупьинских пермяков. Происхождение этого эвфемизма строится на использовании дейктической семантики местоимения.

ТАЯ. Этот, эта, это. *Тая сё равно кулас*. Вл. (Эта всё равно умрет). В аналогичной форме лексема встречается в лузском диалекте зырянского языка [ССКЗД 1961: 362]. В коми-зырянском литературном языке и других зырянских диалектах – *тайö* [КРК 2000: 633; ССКЗД 1961: 362]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах в этом значении

выступает лексема с начальной э- (*эта*). Происхождение см. в статье *татишм* ‘такой, такая, такое’.

ТОПЬЯЛНЫ. Гладить, ласкать, прижимать к себе. *Кутіс зонсö да топьялö вöлі.* Мыс. (Взял на руки сына и гладит было). В данной форме лексема в других коми диалектах не зафиксирована. По происхождению является иконной, производной от корня *топ* ‘плотно, вплотную’, имеет параллели с удмуртским *тупен-тупен* ‘как следует, обстоятельно’ [КЭСЯ 1999: 282].

ТОТШКÖТНЫ. Трясти. *Эся киöс пондiс тотшкöтны да тотшкöтны.* Вл. (Затем руку мою стало трясти и трясти). Лексема в форме *тотшкöдны* с несколько иным значением ‘стучать, стучать’ встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 649] и в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 373]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах значение ‘трясти’ выражается, как правило, русским заимствованным словом *трёситны*. Происхождение слова *тотшкöтны* не ясно.

ТУНЫ. Прибывать (о воде). *Ваыс береггеись петö-туö.* Сойг. (Вода-то из берегов выходит-прибывает). Лексема в аналогичном значении присутствует в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 662], в разных фонетических вариантах (*туны, туні*) - в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 381]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *содны*, который встречается и в остальных пермяцких диалектах. По происхождению является исконной, восходит к общепермскому **tu-*, от которого также образовано *тулыс* ‘весна’ [КЭСЯ 1999: 286], слово можно соотнести и с финским *tulla* ‘приходить’.

ТУПКИНЫ. Закрывать (учреждение). *Магазинъесö öні тупкисö.* Шург. (Магазины-то теперь позакрывали). В указанном значении лексема употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 662], в разных фонетических вариантах (*тупкыны, тупкинi, тупйыны, тупльыны*) - в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 381]. В коми-пермяцком литературном языке, а также в остальных пермяцких диалектах это слово встречается с

семантикой, подобной указанной, – ‘заделать, заткнуть’ (например, *тупкыны осьтаэз* ‘закрыть, заткнуть дыры’), но в значении ‘закрыть учреждение, книгу’ употребляется другая лексема — *пöднавны*. По происхождению слово *тупкыны* является исконным, имеет параллели с удмуртским *тып-тып* ‘наглухо, совсем’, с финским *tukkia, tuketa* ‘закрывать, затыкать, загораживать’ [КЭСЯ 1999: 286].

ТУПЬЮРАЛНЫ. Надеть на голову платок особым образом. *Тадз тупьюралышти йурöс да пети öтөрö*. Мыс. (Таким образом надела на голову платок и вышла я на улицу). Компонент *тупьюр* встречается в коми-зырянском литературном языке (*тупьюр варыш* ‘сова’) [КРК 2000: 663], в зырянских диалектах (*тупьюр варыш* ‘сова’, *тупьюр* ‘калужница, желтоголовик’) [ССКЗД 1961: 381], однако подобный глагол не встречается ни в остальных диалектах пермяцкого языка, ни в диалектах зырянского языка. Компонент *тупьюр* можно сопоставить с марийским *тыпка* ‘охлопок волокна, охлопья кудели’, с финским *tukka* ‘волосы’, эстонским *tukk* ‘хохол, вихор’ [КЭСЯ 1999: 286].

ТУРУНГАГ. Кузнечик. *Турунгагыс чирзö и чирзö пель пытишам*. Вл. (Кузнечик-то чирикает и чирикает в ухе-то). Сложное слово: *турун* — ‘трава’, *гаг* в зырянском — ‘насекомое’. Литературный пермяцкий эквивалент — *кöбывка* (русское заимствование), в севернопермяцких диалектах встречается форма *турундзез*, зырянское соответствие — *чирк*.

ТУСЯПУ. Можжевельник. *Можжевельникыс миян сiя тусяпу*. Вл. (Можжевельник у нас это *тусяпу*). Слово с указанным значением встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 665] и - в разных фонетических вариантах (*тусяпу, тысяпу, трусяпу* и др.) - в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 383]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах в настоящее время эта лексема не встречается, в значении ‘можжевельник’ употребляется слово *верöс* (однако в «Коми-пермяцко-русском словаре» [1985: 496] слово *тусяпу* представлено с пометой устаревшее). По структуре *тусяпу* представляет собой сложное образование,

где четко просматриваются два компонента: *туся* ‘с зернами, с ягодами’ (производное от *тусь* ‘зерно, ягода’) и *пу* ‘дерево’.

ТУСЯСЬНЫ. Капать (о дожде). *Кымӧр кайӧ, пондӧс тусясьны.* Сойг. (Облако идет (букв. ‘поднимается’), начало капать). В указанном значении лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 665], а также в некоторых зырянских диалектах в разных фонетических вариантах (*тусясьны, тусясьні* и др.) [ССКЗД 1961: 57]. В коми-пермяцком литературном языке слово зафиксировано с семантикой ‘завязаться, появиться (о ягодах)’, в нижеиньвенском диалекте может иметь значение ‘собирать ягоды по штучке (когда очень мало ягод)’ [КПРС 1985: 496]. По нашим наблюдениям, данная лексема со значением ‘капать (о дожде)’ наличествует и в некоторых других коми-пермяцких говорах (напр., в говорах кудымкарско-иньвенского диалекта). По структуре рассматриваемое слово представляет собой производное от корня *тусь* ‘капля (дождя, воды)’, который можно сопоставить с удмуртским *тысь* ‘зерно, семя’, с марийским *туш* ‘семя, ядрышко’, волжско-пермское **tus'* заимствовано из чувашского, сра. чувашское *tüŝ* ‘зерно, косточка’ [КЭСКИЯ 1999: 288].

ТШАКАСЬНЫ. Собирать грибы. *То тай сапогьесӧ ягӧдасьны да тшакасьны кери.* Вл. (Вот эти сапоги-то приготовила я собирать ягоды и грибы). В аналогичной форме изредка встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 666], хотя нормой там является сочетание *тшаак вотны*, букв. ‘гриб собирать’. В ижемском диалекте рассматриваемое слово имеет семантику ‘есть грибы, гоняться за грибами (о животных)’ [ССКЗД 1961: 384]. Коми-пермяцкий литературный эквивалент – *тшакъявны*, эта же форма представлена в остальных пермяцких диалектах. Глагольные формы *тшакасьны* и *тшакъявны* являются производными от корня *тшаак*, имеющего параллели с удмуртским *тшаакмыт* ‘терпкий, вяжущий на вкус, безвкусный, суховатый’ и восходит к общепермскому **šak* ‘черствый, сухой, ноздреватый’ [КЭСКИЯ 1999: 289].

ТШУПӨТЪЕЗ. Выступы-рубцы на лестовке (четки из холста у староверов). *Лестовканас кӧ юрбытан, веиталан тишупӧтись тишупӧт*. Мыс. (Если молишься при помощи лестовки, то двигаешь отметку за отметкой). Лексема с основным значением ‘зарубка, засечка’ встречается в обоих коми литературных языках [КПРС 1985: 498; КРК 2000: 670]. Слово является исконным по происхождению, можно сопоставить с хантыйским *čir* ‘возвышение’, ‘горб’, ‘нарост’ [КЭСКЯ 1999: 291].

ТШЫНӦТНЫ. Кадить. *Сёян, юантӧ тшынӧтан, мед вошйӧныжык кулӧмьес*. Мыс. (Еду, питьё-то кадишь, чтобы лучше угощались умершие). Эта лексема встречается в обоих коми литературных языках (*тшынӧдны* – коми-зырянская форма), как правило, в значении ‘дымить, надымить, начадить’ [КПРС 1985: 499; КРК 2000: 671]. Слово является исконным по происхождению, произведено от корня *тшын* ‘дым’, который можно сопоставить с удмуртским *тшын* ‘дым’, далее с хантыйским и мансийским языками [КЭСКЯ 1999: 291].

УДИТНЫ. Успеть, успевать. *На месте он и удитлы олны*. Вл. (На месте и не успеваешь пожить). Лексема имеет место также в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 683], в разных фонетических вариантах (*удитны, удитні, уйдитны*) в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 396]. Коми-пермязский литературный эквивалент – *ештыны*, который употребляется и в остальных пермязских, а также (в форме *эштыны*) зырянских диалектах. Происхождение слова неясно.

УДНЫ. =Д а р ы у д н ы . Обрядов. Напоить перед смертью святой водой. Слово *дари* в коми языке означает ‘причастие’ (символизирующее кровь и тело Иисуса Христа вино в чаше с кусочками просфиры, принимаемое верующими во время церковного обряда причащения). Ср. пермязское *дари дорӧ мунны*, зырянское *дари босьтны* ‘принять причастие, причаститься’. Слово *дари* (дары) от русского *дары* (в смысле ‘дары Божьи’). Коми слово *удны* означает ‘подавать напиток за столом, угощать’. *Удны* имеет параллели в родственных

языках: фин. *antaa* ‘дать’, венг. *adni* ‘дать, подать’ и др. Оборот *дары удны* буквально означает ‘подать причастие’.

УЗЬМӨЧЧЫНЫ. Заночевать. *Додьёй жугалис, и татён пришлось узьмөччыны.* Вл. (Сани (мои) сломались, и здесь пришлось заночевать). Лексема в форме *узьмөдчыны* зафиксирована в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 683], в разных фонетических вариантах (*узьмөдчыны*, *узьмөдзчыны*, *узьмедчині* и др.) – в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 397]. Рассматриваемое слово является производным от исконного *узьны* ‘спать’, которое можно сопоставить с удмуртским *изьыны* ‘спать’ [КЭСКИЯ 1999: 296]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах имеются разные производные от *узьны* (например, *узьсьыны* ‘спаться, хотеться спать’, *узьтөтны* ‘дать кому-либо возможность выспаться’ и др.) [КПРС 1985: 511], однако форма *узьмөтчыны* в указанном значении в них не встречается, а ее семантика передается словом *оййыны*.

УЛӨС. Стул, табуретка. *Врачи бокам улөс вылө пуксис.* Пург. (Врач-то рядом со мной на табуретку сел). Слово встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 686], в фонетических вариантах *улөс* и *улэс* - в отдельных зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 398]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах в этом значении выступают русские единицы *стул* (южн. *стув*) и *табуретка*. Лексема *улөс* представляет собой производное от исконного *ул* ‘низ’ [КЭСКИЯ 1999: 296].

УМЛЯЛНЫ. Выть (о собаке). *Пон мисьтөма умлялө.* Сойг. (Собака некрасиво воеет). В несколько ином фонетическом облике (*омлявны*) встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 457] и в разных фонетических вариантах (*омлявны*, *омлялны*, *омлялі* и др) в отдельных зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 259]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах это значение выражается обычно словом *уннявны*. Лексему *умлялны* можно сопоставить с финским *attia* ‘мычать’ [КЭСКИЯ 1999: 418].

УСЬНЫ. Погибнуть. *Менам батьёй война вылас усис*. Вл. (Отец мой на войне погиб). В указанном значении лексема широко употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 691]. Менее употребительной является в коми-пермяцком литературном языке и с этой семантикой совсем не встречается в южнопермяцких диалектах (в них это значение выражается, как правило, другим словом – *кувны*). По происхождению *усьны* представляет собой исконное слово, которое имеет параллели с удмуртским *усьыны* ‘упасть’ и венгерским *esni* ‘падать, спускаться, снижаться’ [КЭСКЯ 1999: 298].

ЧӨДЛАЧ. Голубика. *Мийё чөдлачнас шуам, а рочнас голубика шуёны*. Вл. (Мы называем чөдлач, а по-русски называют голубика). Лексема употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 713], в разных фонетических вариантах (*чөтлач*, *чөдлач*, *чөдлас* и др.) в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 418], в вариантах *чөдлас*, *чөдлач* и *чөд* в других севернопермяцких диалектах. Литературный пермяцкий и южнопермяцкий диалектный эквивалент – *лөзьягөд*, дословно ‘синяя ягода’. Лексема *чөдлач* является производным от корня *чөд*, который восходит к общекоми периоду [КЭСКЯ 1999: 310].

ЧӨЖ. Послелог. В течение, в продолжение, во время чего-либо. *Таво гожум чөж көдзыт*. Сойг. (Нынче в течение лета холодно). С указанной семантикой лексема встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 713], в разных фонетических вариантах (*чөж*, *тиөж*) в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 416]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах в значении ‘во время чего-либо’ употребляется, как правило, послелог *сьөрна*, семантика ‘в продолжение’ может выражаться местоимением *быдөс* (сев. *дөс*) ‘полностью’ и другими словами. Послелог *чөж* можно сопоставить с удмуртским *тиоже* ‘в продолжение, в течение’, с некоторыми сомнениями — с финским *hetki* ‘минута, миг’ и др. [КЭСКЯ 1999: 310].

ЧАШКА. =Й о г о в о й ч а ш к а. Чашка, сделанная из нароста дерева. *Коркө вөлли йөговёй чашка, пуовёй солдоз*. Мыс. (Когда-то была чашка,

сделанная из нароста дерева, деревянная солонка). Коми-зырянский эквивалент – *йӧг тасьті*. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермяцких диалектах слово не зафиксировано. По структуре является словосочетанием, первый компонент — прилагательное, образованное с помощью русского суффикса *-овӧй* от исконного существительного *йӧг* ‘нарост на стволе дерева’ (в удмуртском — *лӧг* ‘то же’), а второй компонент *чашка* – русское заимствование.

ЧУЛЬӖШИТНЫ. Заманивать, подговаривать. *Менам мужикӧйлӧн сой чультӧшитіс сійӧ мунны Ивановоӧ.* Сойг. (Сестра моего мужа заманила её (мою дочь) поехать в Иваново). Лексема в несколько иных фонетических вариантах встречается в отдельных коми-зырянских диалектах, например, в присыктывкарском - в форме *чультӧшитны*; в вымском и нижневычегодском - в форме *чультеситны*. В этих диалектах имеет значение ‘подговаривать, подстрекать’ [ССКЗД 1961: 420]. Происхождение слова неясно.

ЧУРКА. Внебрачный ребёнок (сын или дочь). *Сія чурка вайӧма.* Вл. (Она внебрачное дитя родила). Слово представлено в коми-зырянском языке. В коми-пермяцком литературном языке *чурка* имеет значение ‘полено’, а для обозначения внебрачного ребенка употребляются лексемы *мирон* и *мироння*. Имеет русское происхождение.

ЧУРОШНИЧА. Женщина, родившая ребенка без мужа. *Тэ разь бур, тэ эд чурошница.* Вл. (Ты разве хорошая, ты ведь ребенка родила без мужа). Производное от слова *чурка* (см. выше).

ЧУШ. Губа. *Чушӧ доймӧ.* Тош. (Губа моя болит). Лексема в коми-пермяцком литературном языке употребляется в значении ‘намордник (для телят)’ [КПРС 1985: 549], в коми-зырянском литературном языке это слово имеет несколько значений: 1) губы у животных; 2) *груб.* губа; 3) намордник для телят; 4) *перен.* капризный, задиристый (о человеке) [КРК 2000: 722]. В ряде зырянских диалектов также имеет несколько значений, например, 1) верхняя губа; 2) намордник для телят [ССКЗД 1961: 422]. Таким образом, в мысовско-лупьинском диалекте слово приобрело более широкое значение, стало

выражать понятие *губа* независимо от того, относится это к человеку или к животному, получило стилистически нейтральную окраску. Лексема является заимствованной из русского языка, ср. русское диалектное *чушка* ‘нижняя часть подбородка вместе со ртом’ [СГСРПО 1973: 686].

ШӨМША. Еда из сныти, пиканов с квасом. *Шөмша колö керны*. Тош. (Еду из сныти с квасом надо приготовить). Лексема является специфической для рассматриваемого диалекта. По своей структуре представляет собой производное от корня *шөм* ‘закваска’, который можно сопоставить с коми-зырянским *шом* ‘закваска’, удмуртским *шөм* ‘вкус’, ‘закваска’, ‘хмель’ [КЭСКЯ 1999: 321]. Происхождение компонента *ша* неясно.

ШАНЬ. Хороший. *Тая шань мортыс*. Сойг. (Этот человек хороший). В аналогичной семантике встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 724], в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 424], в севернопермяцких диалектах и очень редко в литературном пермяцком языке [КПРС 1985: 552], где указанное значение передается лексемами *бур*, *бытшөм*. Лексема *шань* представляет собой исконную единицу, которую можно сопоставить, например, с финским *huvä* ‘добрый, хороший’ [КЭСКЯ 1999: 317].

ШАРГАЛЛЬО. Собираательно о маленьких детях. *Шаргалльо чукöрччöмась да йöйталöны*. Сойг. (Маленькие дети собрались и балуются). Данную лексему можно сопоставить с коми-зырянским удорским *шарага* ‘бойкий, боевой’ [ССКЗД 1961: 425], а также с русскими диалектными формами *шара* ‘большая компания людей, обычно нарушающая правила поведения’, *шаранга* ‘большая компания’ [СПГ 2002: 542-543].

ШЕВА. Суев. Существо в виде какого-то маленького животного или насекомого, с помощью которого напускают порчу. *Шеваес учöтикöсь, лягуша кодьöсь*. *Видзöны нийö гор ултас или гор велдöрас, или голбечас*. *Нылöн связь эм и вöркöт, и бескöт, и мый*. Мыс. (Шевы маленькие, как лягушки. Держат их под печкой, или на печке, или в подполье. У них есть связь и с лесом, и с бесом, и с другими). В указанном значении лексема встречается в коми-зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 427]. В других пермяцких диалектах

аналогичное значение передается лексемой *икота* (*икöта*). Слово *шева* имеет параллели с мансийским *sērap* ‘шаман’, хантыйским *чипән* ‘колдовство’ [КЭСЯ 1999: 318].

ШЕРБА. Уха. *Талун шерба пуышти*. Вл. (Сегодня уху я сварила). Лексема редко употребляется в других севернопермских диалектах. В остальных коми диалектах и литературных языках это значение выражается сложным образованием, например, коми-пермяцкое литературное *черива* (*чери* ‘рыба’ + *ва* ‘вода’), зырянское литературное *юква* (*юк*, возможно, связано с *ю* ‘река’ + *ва* ‘вода’) и др. Данное слово является заимствованным из русских говоров, куда, в свою очередь, проникло из тюркских языков.

ШИШ. Черт, дьявол, бес. *Чортыс мöдног шиш*. Мыс. (Черт по-другому шиш). Встречается и в других коми диалектах, однако в других значениях, например, в коми-пермяцких диалектах *шыш* несет семантику ‘ничего’ [КПРС 1985: 576], а в зырянских *шыш* – 1) ‘вор’, 2) ‘бродяга, беглец’, 3) ‘очень смывленный, сообразительный’ [ССКЗД 1961: 442]. Лексема является русским заимствованием, семантика ‘черт, дьявол, бес’ заимствована из русских говоров, ср. русское диалектное *шишига* ‘бес, домовый’ [СПГ 2002: 554].

ШОДЛЫНЫ. Бегать, резвиться (о детях). *Центрланяс инды, кытöнкö, поди, шодлö сойыс*. Сойг. (К центру отправь, где-то, наверное, бегают ее сестра). С аналогичной семантикой слово употребляется в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 739], в разных фонетических вариантах (*шодлыны, шодліні, шодлісьні*) — в отдельных зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 432]. В коми-пермяцком литературном языке и в других пермских диалектах это значение передается разными способами, например, *чеччалöмön котрасьны, бöбавны-котрасьны* и т. д. По происхождению лексема является исконной, ученые сопоставляют ее с удмуртским *шудыны* ‘играть’ [КЭСЯ 1999: 321].

ШОПКИНЫ. Обрядов. Нашептывать, наговаривать (о колдунах). *Тöдіссес шопкыны кужöны ассиныс молитваесö*. Мыс. (Колдуны умеют нашептывать свои молитвы). Слово встречается и в других коми-пермских

диалектах в значениях: 1) ‘шептать, нашептывать’; 2) ‘бормотать’. С семантикой ‘нашептывать (о колдунах)’ эта лексема в других пермяцких диалектах относится к пассивному словарю, на это указывают и данные Коми-пермяцко-русского словаря [1985: 565], где слово дается с пометой *устаревшее*. По происхождению *шопкыны* является заимствованным из русского языка, ср. русские *шепот, шептать*.

ШУПЫШТНЫ. Отщипнуть немного (например, зеленый лук). *Комидз шупышитім пирөггез пöжалны*. Тош. (Зеленый лук отщипали мы пироги испечь). Лексема в данном значении в других коми диалектах не встречается. Происхождение слова неясно. Возможно, корень *шуп* является модифицированием от русского *щупать*, где, согласно фонетическим закономерностям коми языков, согласный *щ* перешел в *ш*.

ШЫРГУН. Бубенчик. *Вöлыслö öшöтасö шыргун, да сiя тиньöтö*. Вл. (Лошади-то повесят бубенчик, он и звенит). Встречается и в других севернопермяцких диалектах, а также - в несколько ином фонетическом оформлении (*шыргунеч*) - в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 754], в разных фонетических вариантах (*шургын, шургунеч, шыргей*) в некоторых зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 372]. Коми-пермяцкий литературный и южнопермяцкий эквивалент – *силькан* или *джынняянок*. Слово *шыргун* заимствовано из русских говоров, ср. русское *ширкунчик* ‘бубенчик’ – из звукоизобразительного *ширкать* ‘производить шорох’ [СПГ 2002: 552].

ЫМРАЧИТНЫ. Сбить с толку, запутать. *Öтик инькаöс ымрачитöма вöрас Кузьыс*. Пург. (Одну женщину запутал, оказывается, в лесу-то Леший (букв. ‘Длинный’)). Лексема в других диалектах коми языков не встречается. Представляет собой заимствование из русских говоров, ср. русское *мрачить* ‘сбивать с толку, запутывать’ [СПГ 2000: 529].

ЭСЬКÖ. Бы (частица). *Эськö кöсий ветлыны лавкаö, да эг ветлы*. Мыс. (Хотела было я сходить в магазин, но не сходила). В аналогичном виде и этом значении встречается в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 771], в разных фонетических вариантах (*эськö, эське, эськөн, веськö* и др.)

употребляется в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 449]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах это значение выражается заимствованной из русского языка частицей *бы*. По своей структуре *эськӧ* является сложным образованием, где первый компонент *эсь*, возможно, уместно сопоставить с коми-пермяцким *ась* ‘пусть, пускай’ либо с *весь* ‘зря’ (на последний вариант указывает и коми-зырянская диалектная форма *веськӧ*), а второй компонент *кӧ* несет значение союза ‘если’ [КЭСЯ 1999: 137].

ЯГӖДАСЬНЫ. Собирать ягоды. *То тай сапогьесӧ ягӖдасьны да тшакасьны кери.* Вл. (Вот эти сапоги-то приготовила я собирать ягоды и грибы). Указанная форма является специфической для рассматриваемого диалекта. По структуре является производным от русского корня *ягӖд* (ср. русское *ягода*). Слово-корень *ягӖд* и его производные (например, *ягӖдавыны* ‘собирать ягоды’, *ягӖдассьыны* ‘закончиться (о сборе ягод)’, *ягӖдӧсьмыны* ‘запачкаться ягодами или их соком’) активно функционируют в коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах. Форма *ягӖдалны* встречается также в летском диалекте зырянского языка [ССКЗД 1961: 61].

ЯНДЗИМ. Стыд. *Абу яндзимыт, эта дыра узян.* Вл. (Нет стыда-то, так долго спишь). Указанная лексема активно функционирует в коми-зырянском литературном языке [КРК 2000: 783], в вариантах *яндзим* и *яньдзум* в зырянских диалектах [ССКЗД 1961: 455]. В коми-пермяцком литературном языке и в остальных пермяцких диалектах она тоже имеет место, но относится к пассивному словарю и заменяется обычно русским словом *стыд*. По происхождению, несомненно, слово связано с глаголом *янӧтны* ‘стыдить’.

Приложение 2. Материалы к словарю

«Особенности мысовско-лупьинской ономастики»

В разделе характеризуются типичные для края фамилии, исследуются особенности использования личных имен, коллективных и личных прозвищ, кличек животных¹. Дается описание основных топонимов мысовско-лупьинского ареала (гидронимов, ойконимов, оронимов), рассмотрены особенности микротопонимики (названия полей, логов, сенокосных угодий, мест рыбалки и пр.). При описании приводятся возможные версии происхождения топонима², в ряде случаев дается небольшая справка о месте нахождения топообъекта, его особенностях (например, при описании ойконимов отмечается в ряде случаев история возникновения населенного пункта).

Рассмотрение топонимов с точки зрения происхождения (мотивировки) показывает, что основная их масса представляет собой коми-пермяцкие образования с небольшим включением мансийских элементов (к ним относятся прежде всего гидронимы на –я). Доминирующим в регионе является пласт финноугорской топонимики (в том числе и в микротопонимике); практически не встречается тюркских названий. Чрезвычайно активным является использование в составе названий типичных коми апеллятивов и формантов типа *шор* ‘лесной ручей’, *ыб* ‘поле на возвышенности около деревни’, *яг* ‘сосновый бор’, *дын* ‘место’, *нюр* ‘болото’, активно используется в топонимах послелог *сай* со значением нахождения за чем-либо. При этом по закономерностям коми языков используются и русские заимствования (например, апеллятивы *лес*, *мыс*, *лог*, *луг* в качестве топоформантов).

¹ В анализе использовались имеющиеся уральские словари фамилий: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001; Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005.

² В работе при анализе топонимов использованы «Краткий топонимический словарь» А.С. Кривошековой-Гантман (Кривошекова-Гантман А.С. Собр. Соч.: в 2 т. Пермь, 2006. Т. 2. Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4); «Краткий коми топонимический словарь» А. И. Туркина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981.

Особенности мысовско-лупьинской антропонимики

Местные фамилии

Наиболее частотны в ареале фамилии *Мизёв, Лесников, Златин*. Жители с. Гайны считают происхождение всех Мизевых района от имени знаменитого «чудины» *Мизи*, брата (по другим версиям, дяди) Перы-богатыря. Внешне фамилия напоминает русскую, но относится к тем, что почти исключительно носят коми. Она может соотноситься со старинным русским именем *Мизей* ‘маленький’ (откуда образована и фамилия *Мизин* — из *mězinъ* «меньший, младший», того же корня, что латышск. *mazs* «маленький, русск. *мизинец*). Слово *мизя* в русских говорах Урала используется в значении ‘младший ребенок в семье’. Как прозвище оно может характеризовать также близорукого человека (родственно глаголу *мигать*, диалектным формам типа пермск. *мизюкать* ‘щуриться’, *мизики* ‘глаза’).

Фамилия *Лесников* содержит указание на название профессии отца: буквально ‘лесников сын, сын лесника’. Она может указывать на вид занятия её носителя: в старину *лесником* называли не только лесного смотрителя, но и лесовщика — торговца лесом, заготовителя леса, а также охотника, промышленяющего лесной охотой.

Фамилия *Златин* соотносится со славянскими именами *Злата, Златана, Златия* — от ‘золотая’, т.е. в основе лежит старославянское название золота (таковы и фамилии *Златов, Золотарёв, Золотов, Золотухин*). Как местная фамилия упоминается во многих исторических документах. Так, в очерке Владимира Соколовского «Пермь криминальная»¹, созданном на основе следственных и судебных дел XVIII в., рассказывается о некоем Денисе Златине, крестьянине деревни Лупленой, Гайнской волости, Чердынской округи, 29 лет, который отправился якобы поставлять дрова на Дедюхинские соляные промыслы, а сам находился в бегах с 1782 по 1785 год и с крестьянами-вологодцами «чинил разбои на реке Печоре».

¹ См.: ж. «Урал», 2005, № 4.

Ниже в таблице приведены сведения о распространении фамилий в поселениях по р. Лупье с 1834 г., которые показывают, что в крае были распространены фамилии исключительно русского происхождения, полностью отсутствуют фамилии, образованные от коми-пермяцких основ (типа *Лунегов*, *Кочев*):

Годы	Верх-Лупья	Мысы	Сойга	Конопля	Пурга	Тошиб
1834	Мизевы Булатовы	Златины Еремеевы Мизевы Мышкины	Мизевы Лесниковы	Демины Остаповы Мизевы	-	-
1881- 1918	Мизевы Булатовы	Златины Еремеевы Мизевы Лесниковы Демины Кузнецовы	Мизевы Лесниковы Златины Якимовы	Демины Остаповы Мизевы Лесниковы Сухановы	Лесниковы Мизевы Созоновы	Лесниковы Еремеевы Кузнецовы

Фамилия *Булатов* произошла от тюркского мужского имени *Булат* (из названия сорта стали – имя служило пожеланием мальчику стать крепким, как сталь). В XV в. отмечена в Устюге, известна на севере Прикамья с XVI в., была распространена в Соликамском уезде (*Кондратий Булатов*, уроженец *Булатова погоста* в Соликамском уезде, перепись 1695 г.). Деревни *Булатова*, *Булатовская*, *Булатовцы*, *Булатовщина* известны в Кировской области, в том числе в Верхнекамском районе. Фамилия *Логинов* восходит к церковному имени *Лонгвин* (лат. *longus* «долгий»), в русской разговорной речи упрощенному в *Логин* (или *Лонгин*). Фамилия *Суханов* образована от прозвища (перешедшего в некалендарное имя) тощего человека *Сухан*. Фамилия *Созонов* образована от календарного имени *Созон* (из древнегреческого ‘спасающий’). Фамилия *Кузнецов* (одна из самых частых в России) считается также одной из самых «уральских» фамилий, фиксируется в Прикамье с конца XVI в. («*Житель Соли Камской Неклюд Иванов сын Кузнец, 1574; крестьянин Орлогородка Осипко Мелентьев сын Кузнецов, 1647*»). Фамилия *Дёмин* восходит к уменьшительной форме *Дёма* для канонических имен *Дометий*, *Диомид* (через общеупотребительную форму *Демид* ‘Божий совет’ и *Дамиан* — через форму

Демьян, предположительно от греч ‘покорять’; ‘укрошенный’). Отнесённость к уменьшительной форме следует понимать как показатель того, что основатель рода *Деминых*, скорее всего, был человеком из простого сословия. Фамилия *Еремеев* восходит к крестильному имени древнееврейского происхождения *Иеремия* (букв. ‘возвышенный Богом’). На Урале отмечается с XVII в.

Имена

До настоящего времени в речи жителей сохраняется специфическое, типичное для коми-пермяцкого языка варьирование русских имен – *Палаг* Пелагея, *Пулкирья* Пульхерия, *Лина* Галина, *Педюнь* Федор, *Микит* Никита, *Дамьян* Демьян и пр. Отмечены в ареале редкие имена – мужское *Иасон*, женские *Еливерия*, *Дия*, *Веналина*. Обращение к столь редким именам соотносится со старообрядческой практикой выбора старинных имен, укорененных в древних священных текстах. Так, имя *Иасон* носил один из апостолов и учеников апостола Павла (к его деяниям относилось строительство храмов и «приумножение стада Христова»). Имя *Еливерия*, вероятно, связано с мужским именем *Ливерий*. Его носил римский святитель, ревностный поборник Православия. Аналогично имя *Дия* соотносится с именем преподобного Дия, прославившегося даром чудотворений. Имя *Веналина* представляет, вероятно, трансформацию имени *Веналий* (*Ювеналий*), преимущественно употребляемого в церковной среде и среди монахов (женщинам имя *Веналина*, *Ювеналия* могло даваться лишь в отдельных случаях, только при монашеском постриге).

Как и в целом в коми-пермяцкой антропонимике, в лупьинской речи функционирует своя система антропонимических формул. Принятое в деревне именование женщины по супругу может быть оформлено следующим образом: *Анна Опонь Миколика*. Это обозначение выделяет *Анну* как жену Михаила (*Миколика*) и указывает на отчество Михаила (*Опонь*, т.е. *Афанасий* – оно указывает на отнесенность к отчеству тем, что стоит в препозиции к личному имени, аналогично формам типа *Прол Гриш*, т.е. Григорий Фролович, *Игё Миш* Михаил Игнатьевич). («По отцу всегда почти здесь зовут. Игнат Анна — Анна

Игнатьевна, Микит Владимир – Владимир Никитыч, Микит Ефру – Ефросинья Никитична, потому что Ефру – Ефросинья. Василий Матвеевич — Матвей Вась, Иван Абрамович был старичок — Абрам Вань. Иван Дементьевич что ли был, ну — Дамьян Иван»). Частотны, впрочем, и именованья по матери: Пенка Надя – дочь Аграфены Петровны («Вот меня зовут по матери – Пенка Надя. Потому что, наверно, папа умер, мне было десять лет, поэтому — по матери. Мою мать звали Петра Пенка, тетю Надю — Петра Надя»).

Коллективные прозвища

В крае до сих пор сохраняется память о коллективных прозвищах жителей тех или иных деревень. Коллективными прозвищами считаются нетопонимические названия жителей тех или иных мест. Обычно они носят характеризующую функцию и употребляются в условиях неофициального общения. В таких названиях подмечаются особенности нравов, род занятий, манера одеваться, привычки и обычаи жителей конкретной деревни.

Жителей Мысов в прошлом называли *мысовские бояра* («Их называли бояра. Потому что они любили красиво, нарядно одеваться. Считали себя главными среди всех»). Прозвище *Боярин* известно и как личное – оно могло быть дано по чертам характера, поведения – например, важному или избалованному человеку (в русских говорах глагол *бояриться* означал ‘важничать’). Впрочем, иногда название *боярин* намекало на желание лучшей жизни (в олонецких говорах в прошлом крестьяне называли себя *боярами* в надежде на будущую безбедную жизнь).

Жителей д. Сойга пренебрежительно называли *баня тупкӧт* (букв. ‘банная затычка’). Такое прозвище связано с использованием при протапливании бани по-черному для затыкания окна-дымохода старой одежды (прозвище намекало на грязнуль, а также могло соотноситься с характеристикой того, кем все помыкают).

Интересным примером формирования прозвища (причем, уже в более позднее время) является название приезжими женщин коми-пермячек '*Красные чулки*' — за обыкновение носить по старому обычаю яркие чулки с красным орнаментом. Название '*Красные чулки*' получает и разъезд на узкоколейной железной дороге на Кебраты и Гайны (примерно в 6 км от Мысов). Название ему было дано из-за того, что здесь на поезд обычно садились местные женщины-работницы. Как описывает Ю. Арбат в очерке «Я снова пробираюсь в Мысы», «Раньше тут разъезда не было. А пассажиры всегда ждали, большей частью женщины-работницы. И них по коми-пермяцкому обычаю чулки красные. Ну, машинист и говорил помощнику: «Красные чулки нас ждут». Это название утвердилось, даже в документах так пишут...».

Жителей Лупьи в прошлом звали *баранниками*. Прозвище никак не связано с известным переносным использованием слова *баран* — 'глупый, упрямый человек'. Местные жители считают, что название лупьинцы получили из-за пристастия к игре в бараньи (овечьи) кости («В лодыжки» — разновидность игры в бабки). Отметим, что территориальное прозвище *баранники* было в прошлом известно и на других территориях Урала (жителей с. Кашино в Челябинской области, например, называли *баранниками*, т.к. они участвовали в перегоне больших стад овец).

На самом же деле прозвище соотносится с распространенным на Лупье в прошлом обрядом жертвования барана. Обряд в прошлом был не только мусульманским, баран издревле почитался как жертвенное животное у многих язычников. Ю. А. Арбат-Яковлев в очерке «В плену болот» так описывает обычай, который дал жителям деревни Верх-Лупьи это прозвище: «Наверное, когда-то местные язычники приносили кровавые жертвы своим сердитым богам. Говорят, что это восходит к тем далеким временам, когда здесь жила чужь. Потом языческое смешалось с христианским. Из Верх-Лупьи накануне крещенья стали привозить икону Ильи-пророка, а из Мысов — Николы-угодника и в гайнской церкви служить молебны. Вечером начинали «святить» баранов, которых приводили сюда из самых отдаленных коми-пермяцких

селений, порой даже за сотни верст. Ночью всех баранов закалывали, варили в котлах или жарили на кострах. Потом их раскладывали в церкви, и начиналось пиршество. Шкуры продавали, а всю выручку клали в церковные кружки».

Как отголосок язычества характеризует данный обряд жертвоприношения барана Афанасьев¹, который также дал подробное описание обряда: «Хотя население Верх-Лупьи было и православное, но некоторые пережитки язычества сохранились. Порядок жертвоприношения заключается в том, что каждое хозяйство, благополучно закончившее хозяйственный год, считает своей обязанностью осенью в период с 1 октября до 15 ноября отблагодарить бога. Глава семьи давал обещание принести в жертву богу теленка, поросенка, овцу или барана. Безусловно, такое воздаяние приводилось более зажиточной частью населения. Договорившись между собой об очередности приношения, поэтому ни одно из воскресенья, ни одного церковного праздника в указанный выше период времени не проходило, чтобы обет не выполнялся. Накануне праздника или воскресенья закалывалось животное, а в праздничный день все его мясо сваривалось и приносилось в часовню, где проходило моление, и раскладывалось на специально устроенные столы. После моления все принесенное мясо подалось присутствующими в часовне. Шкура и сбой заколотого животного оставались в пользу хозяина. Естественно, посещающих такое моление всегда было много, независимо от пола и возраста, только бедная часть населения, не имеющая возможности из своего хозяйства приносить подобную жертву богу, считала участвовать в таком празднике неудобным».

Родовые и личные прозвища

Распространенной до нашего времени традицией является использование наряду с именем личных прозвищ, в том числе и передающихся по наследству из рода в род. Как и в других традициях, прозвища подмечали особенности

¹ Афанасьев. Предания старого прошлого по народному образованию в Чердынском уезде. – Фонд Лунегова И.А. Чердынский краеведческий музей, н/в 1110/1085 (Ч.1).

характера человека (*Модей* – «нудный человек», *Кэрт ныр* – букв. ‘железный нос’ — род с твердым характером), его внешние черты: *Кузь голю* (‘долгоношество все’), *Кузь Ёгор* (‘мужчина высокого роста, два метра’), *Точила плешь* (‘лоб высокий’), привычки: *Тойесь тулуп*, букв. ‘вшивый тулуп’ (*Дед в возрасте более 100 лет, зимой и летом носил тулуп*), вкусовые пристрастия: (*Гуша* звали всю семью («Любили пить густой квас»); *Баля гос* – любили еду, приготовленную на овечьем жире, *Дуб* («Всегда недосол»). Прозвище могло подмечать особенности речи: *Деда-мать* («Старик Николай был, так ругался»), *Калмак Иван* («Он служил в Калмыкии, вернулся домой, любил калмыцкие слова вставлять»), *Каруш* – дед, который всегда ходил в одной рубахе и на улице громко кричал («Как каркал»); род занятий («Бабушка чертила, людей лечила, и прозвище Кирург дали»).

Нередко в основу прозвища ложился тот или иной особый, необычный случай. Так, прозвище *Бес Ирина* связано с поверьем, что женщину еще ребенком унес леший («Год была у лешего, но нашли. Живая. Мать, видимо, выругала: «А, пусть леший несёт». Ее леший уносил, она рассказывала. Она маленькая была, ребенок. Она там на дереве сидела, людей всех видела, а они ее не видели»). Прозвище *Курсу* было дано одному из мужчин, который в драке откусил сопернику ухо. Возможно, прозвище связано с глаголом *курчавны* ‘кусать, откусывать’ и звукоизобразительным *курс-курс* о хрусте, хрумкании.

Метафорические по происхождению прозвища содержат уподобления растениям: *Пикан* («Маленький ростом был»), насекомым: *Деб* – мошка («По слабой силе»), *Лудук* («Вонючий, как клоп»). При этом реализуются как универсальные символические коннотации (в названии колючих, задиристых по характеру — *Ёриш*, шустрых — *Чирк*, т.е. кузнечик), так и этнически отмеченные соотношения. Так, называние лукавых, хитрых *Лёлё* соотношением с улиткой связано с тем, что «улитка быстро прячется», кличка *Пучей* (короед) выбирается для работающих, но нечистоплотных, *Гэрд лэдзь* (овод) – для людей высокого роста, сильных, крепких. По птицам назван род *Воронов Курк* («Курк зовут – черный ворон, любят мясо с душком»). Прозвища могут отмечать

характерные черты натуры: *Балакня* – («Много болтают языком»); *Йэй* («Прикидывались дурными, чтобы не работать»), от *йёй* ‘дурак; сумасшедший’; *Швыч* – хитрый, скользкий, *Быздиль* – плакса, *Разбой* – похож на разбойника). Неясна природа прозвища *Майбыр* – по местным толкованиям, род с этой кличкой «все постоянно мерзнут», тогда как по коми, сев. к.-п. *майбыр* ‘счастливчик’ (а по данным Рогова, так называли оспу – скорее всего, из эвфемических побуждений, как задабривание). Особенно много прозвищ (в том числе и родовых), соотносящих человека с животным: *Лось* – род с длинными ногами; *Ош* – сильные, крепкие, как медведи; *Кэчь* – трусливые, как зайцы.

Встречаются в более позднее время прозвища либо славянского происхождения, либо русифицированные. Так, прозвище *Шипулька* связано с отпрозвищным старым русским личным именем *Шипуля* (упоминается в Новгородских писцовых книгах; в Словаре старых слов отмечено слово *шипуля* ‘тот, кто молча, втихомолку что-нибудь делает; тихоня, медлительный’). Прозвище *Скорчик*, возможно, связано с коми *скӧр* ‘сердитый’, включает русский уменьшительный суффикс –чик.

Зоонимы

В использовании кличек животных отмечается обращение как к родному, так и к русскому языку. («*Масть всякую я держала – и черную, и белую, и пятнами, большинство красную. Называла Сливка, Машка. Майя – телочка родилась в мае, Марта – в марте потому что*»). При этом образованные от русских основ клички подвергаются трансформациям под воздействием родного языка: телка *Серук* – по серой масти, *Певра* – потому что родилась в феврале. Образованы от слов родного языка клички *Визюк* (возможно, от коми *визя* ‘пёстрый’), *Бучур*. Последняя кличка относится к бычку («*Бычок крепкий, в теле*»), вероятно, связана с глаголом *бучкыны* ‘много пить’. Клички лошадей *Чёрнуко*, *Недушка*, или *Недка* содержат указание на цвет (*Недка* от русского

гнедой). Кличка жеребца *Орло* представляет собой приспособление слова *орёл* к фонетике родного языка (устранение мягкого звука [р']).

В традиции выбора клички для собак учитывается масть и окрас: *Галтус* (имеющий на шее светлую полосу, напоминающую галстук), *Килька* («*Потому что рыжая*»); характер: *Шальной*, *Ласка*, *Жулик*. Любопытны сугубо «природные» именованья, особенно часто применяемые для охотничьих собак (*Тайга*, *Волчок*, *Соболь*, *Метелька*). Оригинальна основанная на глагольной форме кличка охотничьей собаки *Вижу* (в русской традиции обычно используется форма повелительного наклонения глагола — *Терзай*, *Пылай*, *Догоняй*).

Гидронимы Лупья

Лупья. Река *Лупья* — левый приток Камы, начинается у границы Республики Коми и течёт в южном направлении. Происхождение названия связывают с коми-перм. *лоп* ‘валежник’ или манс. *луп* ‘коряга’ и *я* — ‘река’ (из угорских языков). По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, в названии использован мансийский компонент *я*, который заменил общепермское *ю* ‘река’. Следовательно, буквально Лупья – это заваленная деревьями река (она действительно течет преимущественно в лесистых берегах). Аналогично с мансийским формантом –*я* ‘река’ созданы названия *Вадья* (приток Колвы, Чердынский район; от *вадь* ‘глубокое место на реке’), *Манья* (река в Свердловской и Тюменской областях — от манс. *мань* ‘маленький’), *Бадья* (река в Пермском крае, Кировской области, Республике Удмуртия – предп. от коми *бадь* ‘ива’). Реки с названием Лупья, Лупью (и одноименные, названные по гидрообъектам населенные пункты) есть также в Кировской, Архангельской областях.

Леман. Название притока Камы *Леман* (в его устье находится *Леманское* озеро) имеет неясное происхождение. Слово, естественно, никак не связано с названием озера *Леман* на территории Швейцарии и Франции (второе название *Женевского озера*; по некоторым версиям, от лат. «лем-ан» ‘большая вода’),

сомнительна также его связь со словом тюркского происхождения *лиман* ‘широкая река в низовьях’ и *лиман* ‘озеро, морской залив, в который вышла река’. Возможна связь названия с финским *lemi* ‘сырой луг, болотистая почва’, использование форманта *-ман* (устойчиво фиксируется в ряде пермских названий, в том числе гидрообъектов – *Чикман, Юрман, Солман*). Также оно может быть мотивировано словом *леман*, которое известно как русское диалектное (уральск., сиб.) название черта (по мнению Д. К. Зеленина, *леман* есть табуистическое преобразование финноугорского *лемб*, *лембой* ‘черт’, известного и в русских говорах – как олонецк., арханг.). Название «чертовыми» озер, болот, гор – достаточно распространенная топонимическая практика, в этом случае обычно характеризуется гиблое место.

Лячкан. Название небольшой речки, ручья *Лячкан* между д. Пурга и д. Сойга («*Тут речушка есть, Лячкан, вот в этом ручейке, говорят, золото находили*»). Считается особым, мистическим местом. («*Место чудное – крутой подъем и темный лог. Во время перевозки леса большие машины с лесом в определенное время тут глохли и не заводились, сами по себе распрягались лошади и стояли как вкопанные*»). Название скорее всего связано с коми-пермяцким словом *лячкан* ‘то, чем можно хлопать’ (родственным ему по происхождению является русский диалектный глагол *лячкать*, который известен в разных значениях: сарат. ‘жевать’, олонецк., пермск. ‘болтать, пустословить’; от него образована также отпозвищная фамилия *Лячканов*). Вероятно, слово является звукоподражанием и соответственно использовано для названия ручья как «говорящего», шумного.

Люм. Название лесной речки, впадающей в р. Лупья, вероятно, связано с коми-пермяцким названием черемухи *лем* (к-п. орф. *льӧм*). Одноименная река (и стоящее на ней село с таким же названием) есть в Удмуртии.

Сочь. Приток Лупьи; на реке расположены населённые пункты Мыс-Лес и Верхний Будым. Название распространено на других финноугорских территориях (р. *Верхняя Сочь* в Республике Коми, бассейн реки Печора; также и село *Сочь-Устье*). Поэтому оно, скорее всего, не связано с русским

диалектным (волог.) *сочь* ‘лицо’ а также *сочь* ж. р. ‘ягодный сок’. Предположительно может иметь отношение к коми *сос* ‘рукав, ручей, ответвление’. Возможно, хотя и маловероятно также соотнесение с зырянским *соч* ‘сестра’, к.-п. сев. *соч* ‘троюродная сестра’ (название реки «родственницей» трудно объяснимо, ср. славянское р. *Сестра*, где, как в гидрониме *Истра*, исходно содержится индоевропейский элемент *-стр-* ‘течь’).

Височь. Река Височь - приток Лупьи. Возможно, название содержит компонент *вис* ‘проток, канал, соединяющий озеро с рекой; болотная протока и *сочь* (возможно, из коми *сос* ‘рукав, ручей, ответвление’, см. объяснение названия *Сочь*).

Кебраты. Название озера *Кебратского (Кебраты)* местные жители связывают со словом *кедр* и *ты* ‘озеро’, т.е. «озеро у кедров». (*«Не Кедраты пишут, а Кебраты, «б» только поставили...»*). Фактически же название озера и одноименного посёлка (возник в конце 1946 года), по версии А. С. Кривошековой-Гантман, связано с коми *ты* и *кебра*, букв. ‘озеро посреди болота в глухом лесу’ (ср. карельское *корби* ‘болото, заросшее соснами’; известно, впрочем, и близкое рус. *кобра* ‘заболоченная влажная местность с еловыми и сосновыми зарослями’). Известен также приток Вятки река *Кобра*. Компонент *ты(м)* сопоставляется также с угорскими данными, где соответствующее слово (манс. *tō*, венг. *tó*) означает озеро.

Баля-ты. Название буквально означает ‘овечье озеро’. Озера с таким названием известны, в частности, в Карелии. Возможна связь с обозначением озера как водопоя для овец или с использованием озера для выделки (вымачивания) овечьих шкур.

Малегшор (Мальегшор). Название речушки, находящейся между д. Тошиб и д. Мысы, а также бывшего хутора. (*«Малегшор еще есть там, тоже речушка маленькая. Когда была железная дорога, с Малегшора речка-то шла. Там был хутор, жили в двух домах староверы – русские. Позже к ним перевез дом из д. Мысы на лошади зимой Златин Николай Иванович. Между Малегшором и Еныбом стояла русских староверов — Федорова избушка.*

*Откуда они приехали, неизвестно»). Скорее всего, название связано с русским диалектным *малега, малек* ‘небольшой сосновый бор на сыром низменном месте, низкорослый нестроевой лес’. В названии также использован коми компонент *шор* ‘лесной ручей’.*

Аньшор. Ручей, возможно, назван по связи со значением слова *ань* ‘женщина’ и указывает на то, что он имеет отношение к женским занятиям (например, полоскание белья). По местным же объяснениям, назван за свою красоту, поскольку находится в очень живописном месте (от местного *ань* ‘кукла’, т.е. «как кукла красивый ручей», отмечено и в детской речи).

Пашкыбшор. Ручей вблизи *Пашкыба* (поля Пашки), места в конце д. Сойга.

Сойгашор. Ручей за д. *Сойга*; место за ручьем называется *Сойга шор сай*, где *сай* *послелог* со значением нахождения за чем-либо.

Шордыншор. Название ручья (шор), который протекает в месте около Шордына.

Ондрей-ключ. Распространенное название родника по хозяину, тому, кто его чистит, ухаживает за ним, чаще берёт воду.

Ойконимы Лупьи

Мысы. Помимо официального известно несколько других исторических названий поселка Мысы. Основное, современное название связано с его географическим расположением - поселение на мысу, где *мыс* – ‘выдающаяся острым углом высокая часть берега’. («*А Мысы-то, видимо, назывался, что он высокий. Так подъезжать начнёшь, он высоко-высоко на горе стоял*»). В коми-пермяцком чаще *мыс* - ‘гора круглой формы, большой холм’. Аналогичные названия известны в Усольском, Пермском районах. Исконным по происхождению считают название *Нёрыс, Нырыс* (ср. манс. *нёр* ‘гора’, *нырӧс/нӧрыс* ‘холм, возвышенность’). Деревня *Мысы* в прошлом также называлась по реке Лупье *Нижняя Лупья* (по отношению к *Верхней Лупье* в верховьях), а также была известна как деревня *Очьга*. Последнее название встречается в

Прикамье: д. *Очга* на р. Цыдве, д. *Очга-Жикина* (или *Очго-Жикино*) в Чердынском районе. Известна река *Очь* (*Очь-Ю*) в Республике Коми (относится к Двинско-Печорскому бассейновому округу). Название *Очга* предположительно может быть связано с гидроформантом *очь* из балт. -akis ‘источник’, к нему присоединён компонент *-га* с возможным значением ‘река’ (окончание *-га* из фин. -jogi, -joki свойственно финским субстратным гидронимам – возможно, и в топонимах *Пурга*, *Сойга*, хотя этимология гидронимов на *-га* до настоящего времени остается неясной или предположительной). По версии А. С. Кривошековой-Гантман, *Очга* – древнепермское имя (поскольку форманты типа *-га* отмечены в удмуртских древних названиях родов).

Название д. Мысы *Можь* или *Моень* (ланд-карта Екатеринбургского ведомства и соседних уездов в 1735 – 1736 гг.) имеет затемненный смысл (скорее всего, это ошибочное прочтение слова *Мысы*). Название *Лулено-Рыса*, деревня *Лулена* (по исповедным росписям Гайнской церкви от 1826 г.) содержит переогласовку названия *Лунья* с заменой [j] на [л] с отсылкой к глаголу *лунить* ‘подвергать наказанию’ (ср. с. *Лулено* в Орловской области).

Сойга. Название деревни является финноугорским и очевидно совпадает с вепско-чудскими названиями типа *Вичуга*, *Пертуга*. Дано по названию речки (букв. ‘болотная река’ — из вепского *со* ‘болото’ и ёги – ‘река’). Слово известно как гидроним (ср. река *Сойга* в болотистой местности Тотемского района Вологодской области). Известны также р. *Сойга* (приток Вычегды) и поселок *Сойга* в Ленском районе Архангельской области, поселок *Сой-Ю* в Республике Коми. Предположительно финноуг. *-га* имеет значение ‘приток, рукав’ (как в *Ладога*, *Няньга*, *Онега*, *Свияга*). Однако, по версии А. С. Кривошековой-Гантман, топонимы на *-га* типа *Сойга*, *Пурга* связаны с названиями древних родов.

Пурга. Название деревни местные жители связывают с её расположением на открытом месте («Почему *Пурга*? Наверно, ветер сильно гуляет там»). А. С. Кривошекова-Гантман указывает, что вероятнее, однако, связать названия не с

обозначением снежной бури, а с названием родов типа *Одога*, *Сойга*. Родовое имя *Порга* (*Пурга*) известно в удмуртском языке (за ним стоит самое крупное воршудно-родовое объединение удмуртов, следы которого выявлены в 166 населенных пунктах Удмуртии и за ее пределами). Ряд специалистов выводят удмуртский этноним *Порга* от названия фратрии обских угров.

Коно́пля. Название деревни связано с тем, что жители в прошлом сеяли на её месте коноплю — ценное сельскохозяйственное сырьё. Конопля чрезвычайно ценилась в хозяйстве — использовалась для изготовления холста (поскони), пеньки для веревок и конопатки домов, прочных, не боящихся влаги канатов, мешковины, сетей (рыбачьи сети, связанные из конопляных ниток, были прочнее льняных; кроме того, в них лучше, по поверью крестьян, заходила рыба).

Жемчужный. Поселок *Жемчужный* был построен между двумя старыми деревнями Мысы и Сойга (строительство посёлка началось в 1961 году). В духе времени он был назван идеализирующим словом, поскольку планировалось, что это будет целый город лесорубов (на вновь осваиваемых территориях внедрялись «красиво-романтические» названия типа *Светлый*, *Жемчужный*; последнее — от названия чего-либо, выделяющегося своими достоинствами, являющегося сокровищем, украшением чего-л.). Жемчуг известен в русской культуре как драгоценный камень, символизирующий элегантность и естественную красоту.

По бытующей среди жителей поселка версии, фамилию *Жемчужная* носила одна из приехавших строить поселок женщин-мастеров (*«Мастер была Жемчужная, которая начинала строить, послали. Женица красивая. Стройная такая. Но мы тогда не понимали еще... С Кудымкара ли... Фамилия Жемчужная. Поэтому назвали Жемчужный. А стала грязная, теперь уже не такая. Трактора тогда были, сапогами не пройдешь. Сейчас уже тракторов нет, обосновались хорошо. Это построила, начала строить школу там. Потом пришел другой, Вологжанин, и она уехала»* — зап. от Лесниковой Марии Терентьевны, 1952 г.р.). Народная версия не лишена смысла, поскольку

фамилия *Жемчужный* существует (и родственные – *Жемчугин, Жемчугов, Жемчужников*). Она образована от прозвища или мирского имени *Жемчуг* (упоминается как новгородское имя XVI в. в "Ономастиконе" Веселовского). Впрочем, форма фамилии (*Жемчужный*) воспринимается в русской среде скорее как цыганская или артистическая.

Кебраты. Поселок на Каме, был создан в 1947 году. С 1966 до января 2006 г. был центром сельского совета. Название дано по близлежащему озеру (см. выше).

Мыс-Лес. Поселок и река, приток р. Сочь. Русское слово *лес* выполняет в названии роль топоформанта (ср. деревня *Варлов-Лес* в Республике Карелия).

Шордын. Поселок спецпереселенцев, был построен в 1931 году ссыльными из числа раскулаченных крестьян из Белоруссии и с Украины. С 1933 до 1957 г. здесь существовал колхоз «Красный Октябрь». Название поселка дано по месту нахождения (*шордын* букв. ‘место у ручья’).

Верх-Будым. Строительство лесного посёлка развернулось в 1949 году. Вероятна, хотя и не ясна близость названия посёлка к венгерскому топониму *Буда*. По одной из версий, слово *Буда* славянского происхождения, родственно многочисленным славянским словам с корнем *-буд-*, означающим разного рода строения, дома, селения (отсюда же словац. *Budín*, хорв. *Budim*, серб. *Будим*, укр. *Будинок*). Возможно использование в названии и форманта *-ым*, который считается древним (допермским) угорским или тюркским субстратом, част в гидронимии.

Керос. Название посёлка (основан в 1930 г.) происходит от коми слова *керэс* (орфографически *керёс*) ‘гора’.

Мёдгорт. Название легендарной деревни, родины богатырей Пера и Мизи переводится с коми как ‘другой дом’ — так обычно называли новое место жительства, куда переезжали из других деревень (обычно из-за нехватки пахотной земли).

Шудгашорсай. Бывшая деревня в верховьях Лупьи. Название создано по аналогии с топонимами типа *Сойгашорсай, Савиншорсай* (с послелогом *сай* со

значением нахождения за чем-либо). Учитывая наличие компонентов *шуд* 'счастье', -га предположительно как показателя 'приток, рукав', приблизительно название можно перевести как 'место за счастливым ручьем'.

Харино. Хутор, выселок (старое название также *Харин*), известен с 1886 г. Название происходит от фамилии *Харин*, образованной, в свою очередь, от различных форм церковного мужского имени *Харитон* (с др.-греч. 'щедрый').

Лугдын. Урочище и лесоучасток (поселок), ныне месторождение графия в окрестностях Кебрат. Название произошло от заимствованного русского *луг* с использованием форманта *дын* 'место', букв. – 'место за лугом'.

Еныч. Название хутора *Еныч* (ныне не существует) весьма загадочно. Скорее всего, хутор назван по ручью: гидронимы на *-ыч, -ич* хорошо известны в Верхнем Прикамье и в бассейне Печоры (*Селыч, Илыч, Сумыч* и др). Многие исследователи отмечают невозможность точного определения происхождения топоформанта *-ич (-ыч)*. Предположительно название может означать нечто вроде «источник, место начала бога» (поскольку название *Сеныч* расшифровывается иногда как 'угол, источник родников'). Вполне вероятно и образование под влиянием русского языка: с использованием заимствованного компонента *-ыч* со значением принадлежности, как в русских отчествах (т.е. хутор «божий»).

Еныб. Урочище на реке Лупье, в прошлом, до войны, также существовала небольшая деревня (выселки в четыре хозяйства), находилась на северо-востоке между деревнями Конопля и Тошиб. Название можно связать с известным на севере обычаем хождения жителей на могилы родителей с корзинами и пестерями с различной снедью и подарками в виде полотенец, поясков, денег. Таким образом, название отмечает место как божественное, священное («богово поле»). На поле могла быть установлена деревянная статуя Бога (*Ена*). Эти же места могли быть осмыслены так, если использовались при крещении язычников православными миссионерами. Кроме того, название могло быть связано с тем, что поле на этом месте было особенно плодородным.

Ойконимы с коми формантом *ыб* (- *иб*, -*об*, -*еб*) ‘поле’ широко распространены на севере Прикамья.

Коса-Сотчим, Коса-сотчӧм. Выселки (ныне не существуют). Буквальное значение названия – «косинская гарь». Компонент *коса* от коми-пермяцкого *коса*, *кось* ‘мелкое место в реке, намытая водой узкая полоса’ (из коми *кос* ‘сухой’). Компонент *сотчем* связан с коми *сотны* ‘жечь, палить’, отмечен во многих топонимах республики Коми и Урала.

Ручиб. Выселки (хутор), ныне не существуют. Название связано с *руч*, коми-пермяцким обозначением лисы и *ыб* ‘поле’. Возможно соотношение с прозвищным именем (родовое прозвище *Руч* отмечено у коми-пермяков — слово как прозвище могло характеризовать хитрого).

Паškyб. Деревня (ныне не существует). Буквальное значение – «поле Пашки». (*«Там жили, деревню так называли Паškyб. Счас тоже ямы только. У меня дедушка был с Паškyба, у матери отец. Тут Паškyб дереvушка, тут кладбище, прямо через дорогу. Вокруг поля бор, его называют Паškyб-яг. Теперь в этом месте собирают рыжики»*).

Тошиб. Название выселок (просуществовали до 1979 г.). Образовано от *тош* ‘борода’, *ыб* ‘поле’ либо от формы имени Антон - *Тоша*.

Ягдын. Поселок, находится в 5 км от д. Мысы в бору, расположенном на правом берегу р. Лупья. (*«В старину тут жили русские старообрядцы, позже появились переселенцы. Еще позже здесь был Ягдынский лесоучасток»*). Буквально переводится с коми как ‘место у бора’.

Данькодын. Бывший хутор. Названо место, вероятно, по личному имени первого поселенца *Данько* (из *Даниил*).

Писаряг. Название поселения, существовавшего до 1952 г. Очевидно, дано по отнесенности соснового бора к человеку, который был писарем (коми *писар*). Название достаточно типично (ср. п. *Писаряг* Усть-Куломского района республики Коми).

Микротопонимы

Рай. Название «полуострова» в районе озера Кебраты, которое является старым руслом реки Камы. Местное название полуострова может быть связано с фин. *raja* ‘граница, рубеж’ и одновременно соотноситься с русским *край* (т.е. самая удаленная от центра часть, край селенья, земли); упрощение *кр/р* произошло, поскольку для коми языка в начале слова не характерно стечение двух согласных.

Алистар мельнича. Место на реке названо по когда-то стоявшей здесь мельнице (в свою очередь, называлась по хозяину: *Алистар* - форма имени *Аристарх* из греч. ‘предводитель лучших’).

Педёв-мельница. Мельница на реке Аньшор, ее построил и владел ею некто *Педёв* (возможно, от *Педя*, коми-пермяцкой формы имени *Федя*).

Гайнатуй. Поле. От названия *Гайны* и коми *туй* ‘дорога’ («*По этой дороге ездили на лошадях, возили груз, прямая дорога, вела прямо в районный центр*»).

Керасмыс. Поле. От коми *керас* ‘гора’ и *мыс* ‘большой холм’. Ср. в коми языках: *керас* ‘вырубка’, а *керӧс* ‘гора’.

Попыб. Поле, буквально ‘поле попа’ («*Может, поп там был, один жил, там его участок*»).

Зэрнаыб. Поле. Название может быть связано с названием птицы (от *зэрна* ‘канюк’; вероятно, также и прозвище владельца). Название *Зерна* дано реке, протекающей в Пермском крае, Кировской области, Республике Удмуртии.

Бадырку. Поле. Название загадочно. Возможна связь с мар. *бадыр* ‘зрелый, сильный’ (ср. тюркск. *батыр*) и финноуг. *ку* ‘камень’ (манс. *ку*, венг. *kő*). Возможно, поле могло каким-то образом соотноситься с сюжетом о бросающих камни (как Пера и Мизя) богатырях.

Ермуш. Название части поселка Жемчужный, болотистого, сырого места (район ул. Молодежной). Загадочным образом совпадает с распространенным

среди языческой мордвы именем (родовой фамилией) *Ермуш* (аналогичные фамилии — *Норуш, Паруш, Сайгуш, Якуш*).

Пашкыбьяг. Название кладбища. Образовано из *Пашкыб* ‘поле Пашки’ и *яг* ‘сосновый лес, бор’.

Тыла-яг. Название леса в долине р. Аньшор, связано с коми *тыла* ‘новина, подсека, росчисть, выжженное место в лесу’ и *яг* ‘сосновый бор’.

Аньшорьяг. Название соснового леса – по реке *Аньшор*.

Градояг. Возвышенность недалеко от бывшей деревни Мыдгорд. Название содержит русское *гряда* ‘полоса вскопанной земли’ и *яг* ‘сосновый бор’ («Градояг километров пять отсюда, в этом самом Мыдгорде, старожилы рассказывают, что и сейчас можно увидеть следы огорода богатыря: «Там три гряды сделано было, как в огороде гряды, но пошире. Это Градояг назывался, гряды были»).

Джуджыдяг. Гора, возвышенность. От коми *джуджыд* ‘высокий бор’, *яг* ‘сосновый бор’.

Лемпалог. Лог недалеко от д. В. Лупья. Возможно, от *лямпа* (известно в Прикамье как название притока р. Улс), в связи с коми-пермяцким *лямпа* ‘лыжа’ (как указание на изогнутое).

Паньчкин. Место в лесу. Название неясного происхождения. Возможно, содержит формант *-ин* с семантикой указания на место (ср. в названиях типа *Дзитбьяин* ‘лесная глушь’, *Курганаин* ‘курганное место’, *Ошкаин* ‘место *Ошки*’, *нюрин* ‘болотистое место’). В этом случае вероятна, хотя и слабо доказуема связь с формой *панчик* от *Пан* ‘дух лесов’. Примечательно, что с местом связано немало преданий о лешем («Паньчкин, там у лешего дорога, ходит он там. Пойдём туда, придём, там пельменями возле колодца пахнет, блинами, и пар идёт. Такое чудное место»).

Лёкнюр. Болото недалеко от В. Лупьи. Букв. ‘злое болото’. («Там болото, а полянка есь, на полянке раньше коронили»).

Лималог. Лог, находится между п. Жемчужный и д. Сойга. Букв. ‘лог Лимы’ (*Лима* – имя женщины, которую жестоко убили в этом логу).

Остапнюр. Букв. ‘Болото Остапа’. (*«В лесу вот дорогу теряют, под низом у нас это было болото — Остапнюр. В Остапнюр терялись раньше»*).

Люба кулан нюр. Букв. ‘болото умершей Любы’. Болото, на котором погибла женщина по имени Люба (*«Пошла за ягодами и не вернулась»*).

Вась видзь. Покос вниз по реке Лупья. Букв. ‘покос Василия’, от *видз* ‘луг, покос’.

Педь видзь кэж. Покос на лугах. Букв. ‘Покос Федора у излучины’ (места, где река Лупья делает поворот), от к.-п. *кёдж* ‘излучина’.

Никон вис. Место на реке Лупья, где ставили морды. Букв. ‘загородки Никона’ (*вис* ‘загородка, запор в протоке для ловли рыбы мордами’).

Приложение 3. Русские диалектные заимствования в живой лупьинской речи

БАХИЛЫ, БАКИЛЫ. Мн. Мужская кожаная обувь. *Бакилы да что раньше носили, дёготь мазали. Смазывали, чтобы не лопались. Кожа — лосиная, и коровью обрабатывали. Бахилы мужчины носили, они ниже колена и выше были.*

БАЛАБОЛ, БОЛОБОЛ. Колокол для животных; то же, что ботало. *Болобол слышно, корова в лесу ходит.*

БАСИТЬ. Украшать. *Рубаху сошьёшь. Ещё басишь тут, с полосками сделаешь. А тут брызжи на рукава.*

БАСИТЬСЯ. Наряжаться, наводить красоту. *Не басилась я. Пермьки еще лесу будут кому красить-то? Куда пойдёшь.*

БЕЛЬЁ. =На б е л ь е. Эвфем. О месячных. *Тысчалистник маленький, беленький, в лесу растет, не знаю, как название, по-женски если на билле много идёт, его пить.*

БЛУДИШКА. Медведь-шатун. *Медведи сначала гуляют, а уж потом в тайгу уходят, в берлогу ложатся. А есть блудишки — они под валежину только ложатся.*

БОЛЬ. Болезнь. *В белом платье, маленькая показалась. Ничего не сказала мне, подошла койку и ушла обратно. И потом я заболела. Перед болью я её видела.*

БОЛЬШЕНЬКИЙ. Достаточно взрослый. *Он большенькой да понимает да.*

ВЕЖАНЬКА. Крестная мать. *Назавтра-то косу у меня расплели, вежанька расплетает, и шишку делала, как причёску, сзаде.*

ВИТЕЛЬ. Рыбачья снасть в виде большой плетёной морды. *Вители, это длинные такие, плетёные. Делали, лён обрабатывали, пряли, из льна плели. Как сетка. С обеих сторон делают плетёнки с ниток, а потом делают высокие такие палки, на палки привязывают с обеих сторон. Тожже как морды делают, туда рыба попадает. Там как мешочки делают в середине.*

ВОЛНЯНКА. Гриб волнушка. *Волнянки, сыроежки, рыжики, белянки берём. Кульбики тожже солили, ели.*

ВОЛЫНЬ. Поле на месте выкорчеванного леса. *Бороны делают — сучья большие, крепче чтобы. Пашут уже волынь.*

ГАРКАТЬ. Кричать. *В Вознесение ходим, утром ходим, вечером ходим Богу молиться. Гаркают: «Кристос воскресь»!*

ГОДНЫЙ. Хороший. *Ружьё-то годное держал. А раньше, рассказывали, такое ружьё было, как выстрелит, расступается.*

ГОРОД. =М о г и л е в г о р о д. Тот свет. *Когда умирают люди, потом живут там в городе — Могилев город. Дым едят.*

ГУМАНОК. Кошелёк. *Гуманок какой-то был у бабушки старый, в нем деньги.*

ГУНЯ, ГУНЬКА. Верхняя одежда в виде пальто. *Гуньку шили. Ткут такими нитками простыми, и ткут шерстяным. Как пальтишко сошьют. Шерсть пряли, потом ткали, потом ногами топтали, шерсть тогда мягкая, вот из этого.*

ДАВАТЬ. =С по кой не да в а т ь. Беспокоить. *Один друг здесь работал мастером. Пришёл ко мне, говорит, бери у меня собаку, людям покой не даёт, кусает.*

ДЕЛАТЬ. Эвфем. Колдовать. *Колдуны собирают верес и всякие такие. Тебе так сделают, шиш встанешь с койки-то, будешь лежать. Что-нибудь нальют, выпьешь, вот тебе и будет. Да везде у нас полно!*

ДОЛБИТЬ. Бить, трамбовать. *И печку начнут долбить, тоже слова скажут.*

ДОМ. =Н и д о м (у), н и ж и р (у) т е б е. Проклятие, недобрый посул. *Прокляли вот эту птичку-то, что-то пакость сделала эта кукушка. Тебе по не дом не жыр не видать, где хочешь, там и расти детей.*

ДУДОШНИЦА. Женщина-игрок на пэлянах. *Две дудошницы были, сёстры.*

ДУПЕЛЬ. Долбленный сосуд из ствола дерева. *Посуду старики делали из дерева. Из осины, середину продолбят, дно вставят. Большие дупли сделают.*

ДУША. =Д у ш а не п р и з н а е т. Не принимает душа; нет желания. *Скотину бабушка не ела, овечку или корову. Не могла, не признавала душа, и всё. Она себе варит кашу, суп да, вот. А лесной привезут когда, птичку или что, вот это ест. Лося тоже ела.*

ЖВАК. Аппетит, способность к жеванию (у животных). *Скотина заболевает, что-то ходишь, спросишь у старухи, траву дали, поишь. А лыко-лыко — жвак если, не жвакует. Лыко дадут тоже старухи. Раньше старухи знали и были, а сейчас мы ничего не знаем. Лыко — вкус-то горький, сразу слышно это. Аппетит у коров появляется.*

ЖЕНИХ. =Ж е н и х п а с т у х о м б у д е т. Шутл. Слова, которые говорились девушке, которая чесала волосы вечером. *Если волосы чешешь, вшей вычесываешь вечером, а не днем, говорили — жених будет пастух.*

ЖЁРДКА. Ловушка на мелкую боровую дичь. *Здесь приманок. Сюда как рябок побежит, головкой сюда, шеей, петельку раз, и повиснет. И готово. Быстро душится. Только гrrrrк, и готово. По-пермяцки жёрдка это*

ЗАХМАТКА. Суеверие. *Закматки есть — приметы. Я не верю.*

ЗНАМЯ. Предмет, символизирующий согласие на брак (при сватовстве). *Свататься — знамя просит женик. Знакомишься, да придёт, знамя просит, если желаешь ты замуж выходить. Я носовой платок вышила мужику, он мне платок дал. Это знамя как называется, вот эту дал, мене он платок дал, а я носовой платок вышила, дала, когда сватается.*

ИВАН. =И в а н Г а р н о з о в и ч . Леший. *Леший — Иван Гарнозович, звали так.*

ИГРАТЬ. Колдовать. *Колдуны по-всякому играли, колдовали.*

КАПЛЯ. =Г о р ь к а я к а п л я . Спиртное (водка, самогон). *Водка, самогонка, опием горькая капля любит он.*

КАПНУТЬ. Сообщить тайком. *Никто ничего не знал, а потом отцу-то капнула тётка-тэ. «Ой, — говорит, — звери. Девчонку-то таку испортили».*

КАШНИЦА. Участница праздника в честь рождения ребенка, праздника каши. *У меня родня-то большая — братья, сестры, тётки. Перву рожала Райку, дак двадцать две кашнича были.*

КЛЮЧЕВИНА. Болото или сырое место, образуемое ключом, не имеющим выхода на поверхность. *Ключевины где выходят, в ключевинах росли нежные-нежные такие желтые тоже цветы, малюсенькие, тоже от сердца, говорили.*

КОЛЕЕРЕЗ. Устар. Спец. Приспособление в виде плуга для нарезания колеи в дороге-ледянке для вывозки леса. *Колея сделана лёд. Чуть будет портиться — режут колеерезом, а сзади поливают, чтобы намёрзло.*

КОРЗИНА, КОРЗИН. Накидка, верх повозки из плетеных виц и сама повозка. *Корзин был, запрягали — это плетеный верх санки.*

КРАСНОКОРОНКА. Трава зверобой; то же, что русское диалектное краснокорёнка. *Зверобой у нас называли краснокоронка, ноги красные, этот корень.*

ЛИСТВЕНКА. Хлеб, испеченный на капустных листьях; то же, что русское диалектное листянка. *Лиственки хлеб на капустных листьях, пекали.*

ЛОМАТЬ. =Л о м а т ь л о б . Усердно молиться. *Старик, который молитвы знает, все утро лоб ломает, до обеда, с кадилом ходит, чтобы в дом болезнь не пришел. Везде ходит, в голбец, на чердак залезет, в амбаре помолится, во всех углах.*

ЛЫЧ, ЛЫЧИК. Охотничья ловушка типа силков. *Я тоже лычками пользуюсь, ловлю. В позапрошлый год пятьдесят штук поймал рябчиков на этих лычках.*

ЛЯГУШКА. О девушке, долго не выходящей замуж. *Она у меня последняя, лягушка, тоже замуж не хочет.*

МАЛЯМУТ. По суеверным представлениям, представитель древнего народа чуди. *Рассказывали, что маленькие люди, чуди, здесь жили, в лесу, в земле. Малямуты. После Перы уже. Вредные были эти люди, обманывали, работать не хотели, воровством занимались. Нечистью их тут звали, изгнали. Говорят, что в землю ушли совсем.*

МЕДВЕДЬ. Спец. Приспособление для валки деревьев. *Один пилит, а когда валить, то пика — медведем называли. Тут упор, конец железный, шесть длинный, метра, может, три. Плечом как бы упираешься и толкаешь дерево.*

МИРОН. О внебрачном ребенке. *Чурка, мирон — так называли внебрачных.*

МОРЁНКА. Хмельная брага. *Водки не было в нашем крае, самогонку не умели делать, брагу токо́ крепкэ́й, морёнку.*

МРАЧИТЬ. Доводить до потери рассудка. *Если молитвы-то не знаешь, могут умрачить лешаки-то.*

МУРАШИК. =К а к м у р а ш и к . О бедном. *Деньги не были, как мурашки жили раньше.*

НАШ. =Н а ш и м - в а ш и м . Шутл. Двуручная пила. *Не были пилы моторные, «нашим-вашим» пилишь весь день.*

НЕМОГЛЫЙ. Слабый, хилый. *И вот она когда немоглой совсем стала, сын-то забрал в Гайны.*

НОРТ. Охотничьи легкие санки; нарточки. *Норт — они типа санки. Длинные только. Полозья, наверно, с мой палец, чтобы тоненькие были. Мясо таскать охотнику.*

ОВЫДЕННЕ. Повседневное. *Овыденне не носили хорошую одежду-то.*

ОДНОДВОРОК. Поселение в один двор. *Жили раньше на куторах в однодворках, единолично.*

ОКНО. =К о ш а ч ь е о к н о . Небольшое отверстие в полу. *Дырка в полу, кошачье окно называется, кошка в голбец ходит.*

ОСЛЯДЬ, ЭСЛЯДЬ. Заготовленные для сплава деревья. *Я лошадям работала, эслядь возила из лесу.*

ПАГОЛЁШКИ. Длинные шерстяные вязаные носки (чулки) типа гетр. *Когда мы девочки были, работали без штанов. Чулки наденешь, тут такой, паголешки называется, закрывает ноги, а выше ничё нет, голзёй.*

ПАСПОРТ. Напечатанная на бумаге особая молитва, которая кладётся в гроб умершему. *Паспорт в гроб умершему под рукой кладут, молитва.*

ПАУЖИН. Обед в поле. Семён, он паужин крадёт во время жатвы. *Пройдёт, и больше паужин не берём, с него паужин больше не носим.*

ПЕНЬ. =К а к с м о л я н о й п е н ь . О имеющем крепкое здоровье. *Раньше люди были как смоляные пни, не болели, а теперь слабые.*

ПЕРЕХОДЧИВЫЙ. Способный переходить на другого, заразный (о болезни). *Золотуху тоже не велели лечить, сама проходила. Она переходчивая, эти коросты.*

ПИЛА. =Д о м н а я п и л а . Большая пила для разделки брёвен на плахи, тёс. *Крышу крыли, вручную брёвна пилили. Стропила, туда бревно высоко положут. Внизу человек, и верку человек. Домная пила называлась.*

ПОГАНИТЬ. =П о г а н и т ь с в о ё л и ц о . Позориться. *Она поганила мужику своё лицо — другим мужиком гуляла.*

ПОДЛУЧИННИК. Корытце, нижняя часть светца для сгоревшей лучины, углей. *Какие-то еще у нас в Мысах подлучинники были, туда суют. Туда таз, чтобы падало.*

ПОДПЛАВ. Спец. Соединенные вместе еловые и березовые бревна для сплава по реке. *Березу с елкой связывать. Пучки делали вместе, подплав считался: береза, елка, всё.*

ПОДСАНОК. Санки, дополнительно цепляемые к саням для вывозки леса. *Нарочно сани такие длинные — подсанок и сани. Возили до речки. Грузили вручную.*

ПОМЕЧЬ. Коллективные хозяйственные работы; то же, что помочь, помочи. *Помечь делать если — картошку копать да што — позовёшь соседей, они помогут.*

ПОСУДКА. Бутылка со спиртным. *Чем платить — посудку мне купишь да и ладно, поллитровочку.*

ПРАВБАБУШКА. Прабабушка. *Я же говорю, сейчас правбабушка я уже три раза, внуки, внучки растут у меня, правнучки.*

ПРОГАЛ. Отверстие. *На зайца делают яму. Выроют с человек рост. Потом брёвна, прогал оставляют. В прогале вешают сучки осинового. А вот будет играть, ну, грысть будет эти сучья, и попадёт в яму туда.*

ПРОКЛЯНУТЬ. =С к в о з ь з е м л ю п р о к л я н у т ь. Положить сильнейшее проклятие. *Мать говорит: «Если ты за даниловского выйдешь, я тебя сквозь землю проклянущу».*

ПУСТИТЬ. =Н е л ю б к у п у с т и т ь. Суев. Отвратить колдовством от кого-л. *Мужа испортили – нелюбку пустили, сильно бил, не любил меня.*

РУБАШНОЕ. Эвфем. О месячных. *У дяди подруга была, напоила рубашным. Выжимала, кипятила и напоила. Поставила кипятить и оставила, вышла. Другая женщина, родственница, увидела: что-то кипит. Посмотрела: там красное. В подпол вылила. Воду с золой намешала вместо этого подруга, всё равно потом напоила. У дяди живот болел, болел, и умер.*

СВЕСЬЯ. Сестра мужа для жены, реже сестра жены. *Свесья — сестра мужу, своячина.*

СЕМЁН. =С е м ё н п а у ж и н к р а д ё т. Шутл. О сокращении светового дня с Семенова дня в сентябре. *Семён, он паужин крадёт во время жатвы. Большие паужин не берём, не носим. Не кушаем в поле-то.*

СЕЧЕНКА, СИЧЕНКА. Квашеная капуста из верхних рубленых листов кочана. *А зимой едим капуста, да сичанка, сколько бочку делаешь да. Репу, да редьку да.*

СЗАДЕ. Сзади. *Назавтра-то косу у меня расплели, вежанька расплетает, и шишку делала, как причёску, сзаде.*

СМОТРЕТЬ. =О д и н г л а з с м о т р и т (н а) К о м и С С Р , второй на Тимшер. Шутл. О крайне пьяном. *Я такой квас умею делать: один глаз Коми Асэсэр смотрит, второй на Тимшер. Такой пьяный квас.*

СОЛОЕЖКА. Любитель солёного. *Солоежки мы – говорят, пермяк соленые уши, с отцом соленое всё любим.*

СОЧИЛЬНИК. Дерево с крупным стволом. *Раньше так у нас гробы делали — сочильник что ли долбили. Стараются смолистое, чтобы сок был, листовенница.*

СПЛАВ. =Г л у х а́ р н ы й с п л а в. Сплав леса в самодельных баржах-глухарях. *На Каму сплавливали. Глухарной сплав еще был, глухари делали, лошадьми-то возили. Раму сделают вот так палки... из бревен. Столбы ставят. В речке лед, прорубь сделают, столбы туда ставят, и там погружают. В эту раму.*

СТАРОЛУНЬЕ. Время, когда месяц идёт на убыль. *Старолунье мы говорим, чтобы было, когда надо лес рубить.*

СТОГОВАТЬ. Метать сено в стога. *Где косят, гребут, стогуют сено.*

ТОВАРИЩ. Шутл. Палочка, трость для ходьбы. *Сама — вот этой палочкой нынче и ходила, товаришем.*

ТОПЧАНКА. Топчан. *С правой стороны стояла топчанка, а с левой стороны голбец, тоже спали.*

ТОШТОБЫ. =Д е д у ш к а Т о ш т о б ы . Суев. Мифический персонаж, которым пугали маленьких. *Кто не слушает, дедушка Тоштобы придет, заберет — пугали маленьких.*

ТРУБОЧИСТ. Участник летней хороводной (уличной) игры. *Трубочисты-то были, ходили по улице играли, всякие частушки пели. Как труба ходишь дак, называли трубочистом.*

УЛЕДИ. Мн. Грубая кожаная обувь типа тупоносых катаных котов, обрамленных кожей, с ушками для продевания привязок. *Раньше-то мы носили только уледи, сами их шили, а сейчас ведь ботинки носят.*

УСКОТЬЕ. Падеж скота. *Она мне говорит — ускотье, скот, говорит, у тебя не будет.*

ХОДИТЬ. =Н а р а з м á ш н ы х х о д и т ь . Плавать на лодке с шестом. *По-всячески ходили. На размашных ходил вверх по течению. И шестом толкались.*

ХОДИТЬСЯ. Дружить. *Мы ходились с ней долго да, так при пьянке она сказала худое, и всё.*

ХРИСТОС. =Х р и с т о с (в) д о м . Возглас-оберег (при разговоре в доме о нечистой силе). *Кристос дом, что попало болтаем да, не надо же поминать кудое.*

ЦВЕТЬЁ, ЦВЕТТЁ, ЧВЕТТЁ. Святочное время, а также время цветения хлебов летом. *Что зимней январь месяц цветтё, что летом юль месяц цветтё, когда рожь цветёт, когда вся трава цветёт, это тоже цветтё называется. Гадали в Чветтё – сядем на перекрестке в круг, керуг головешкой обведем по снегу, палку поставим, за её держимся. Слушаем. Кто-то крикнет – и все испугаются, убегут.*

ЧАРКНУТЬ. Безл. Ударить (о молнии). *Чаркнул чё-то, близко было, и стог-от сгорел.*

ЧУПОРШНИ. Мн. Вязаные тапочки для умершего. *Шёркают лён, кто чешет, кто прядёт. Из этого делают кудель. Потом тапэчки шьют и саван. Или шерсть. Тапки чупоршни.*

ЧУРКА. Неодобр. О внебрачном ребенке. *Я ведь тоже чурка, тоже нагулянная. Чурка-палка.*

ЧУРОШНИЦА. О родившей вне брака. *Чурошница – которая родила без мужика.*

ШИШИБАР. Растение репейник, чертополох. *Шишибар — лопух. Это от кашля, от сдыканне-то. Она не вредный, она очень короший лекарство. Корень-то надо заваривать, кипятить да пить.*

ШИШКА. Уложенные в пучок, но не заплетенные волосы. *Назавтра-то косу у меня расплели, вежанька расплетает, и шишку делала, как причёску, сзаде.*

ШОРОМ. Укладка снопов в скирду. *Шоромом ложили снопы. Потом увозили на сушилку, сушили.*

Приложение 4. Лупьинская речь. Тексты

Коми-пермяцкие тексты

Об одежде

Кор войнат вӧлі, да ми вӧлі межасӧ косялам лопатан да сӧччӧ кӧдзам лён. Лёныс быдмас, сійӧ дӑргайтам и потом косьтам, вартлам, сійӧ ся нярьялам нярьянӧн. Эся сия кудель ловас. Кудельсӧ эся мамэ зувалас, пыркӧтас, эся печкам. Сія, мама, ачыс печкас бурсӧ, чтобы вӧснитик сия вӧлі матерьялыс. А миянлӧ кыжжыксӧ тшӧктӧ печкыныт.

Сія опӧть ловас ултісь беллӧ — торковой дубас, а эта ковтаэт да мый вурас вӧснитиксис, да эся краситас мамэ. Краска кытіськӧ батьӧ вӧлі босьлыллӧма до войны.

Велдӧрас киссем гуняэз да мый.

Гунясӧ коркӧ керлыллӧмась тожӧ асьныс. Вурунсӧ печкасӧ, сійӧ эся кыйлӧмась таdzi кыянӧн сійӧ ся талясӧ кокнаныс, и сия ся чистиччас вуруныс,

грезьыс, и сыись эся шѳраласѳ. (Логинава Мария Кирилловна, 1929 г.р., род. в д. В.-Лупья).

Перевод: Когда была война, мы раскапывали («разрывали») межи лопатами и сеяли там лён. Лён вырастет, его выдернем, потом сушим, бьем, потом его мнешь мялкой. Потом кудель будет. Мама кудель потом обчешет, оттреплет, потом прядем. Мама сама хорошее спрядет, чтобы был тоненький материал. А нам даст потолще прясть.

Это будет нижнее белье — дубас из отрѳпья, а кофты сошьет из тонкого, потом покрасит мама. Краску откуда-то отец покупал до войны.

Сверху гуни с пуговицами.

Гуни когда-то тоже сами шили. Шерсть пряли, потом ткали, потом ногами топтали, шерсть тогда чистая, вот из этого отрезают.

О болезни корюшка

Эся висьлісѳ корушкан, корнат. Корнас кѳ, нем ос кол лечитны. Корушкас лѳгасьѳ. Сія ачыс прѳдитѳ. Сійѳн ос кол сыьлны не, йѳктыны не, некод ос кол матькисьны мужиккезлѳ. Ос кол шумитны. Шумсис лѳгасьѳ. Корушкас гѳрт только этадзи, поснитик гѳрт прышиккез кыдз чужѳмас и киэзас и мый. Эся температура ѳна лоѳ. Лечитны кѳ понан, ся кулѳ. Лечитѳмсис кулѳ. Сія ачыс продитѳ корыс.

Менам Кебратын олѳ ныл. Да сія два года вѳлі, а зонка рѳдиччис тѳлькѳ мисеч ли мыйли вѳлі, и корушкан деревняс висьлісѳ, быд кага висьліс, быд челядь. Миян тожѳ висьліс. Шумитны понісѳ, каша ылѳ локтісѳ, и сія нывкатѳ миянлісь корушкас чуть эз вий. Температурас искѳ сідз ни ыджыт. (Мизева Александра Кирилловна, 1932 г.р., родом из д. В.-Лупья).

Перевод: Еще болели корюшкой, корью. Если болеешь корью, ничем не нужно лечить. Корюшка сердится. Она сама проходит. С ней нельзя петь, плясать, мужикам нельзя материться. Нельзя шуметь. От шума сердится. Корюшка — красное такое, как маленькие красные прыщики на лице, на руках,

езде. Потом температура поднимается. Если будешь лечить, умрет. От лечения умирает. Она сама, корь, проходит.

У меня в Кебратах есть дочь. Ей года два было, мальчик родился, месяц только был, в деревне корюшкой болели, все дети болели, все ребята. У нас тоже болел. Начали шуметь, на кашу пришли, и девочку нашу корюшка чуть не убила. Такая высокая температура поднялась.

Охота на глухаря

Эшö дозмөрös. Кодыр ток сылөн койö тулыснас. Чижгö, кыз катша. Тэ раз-два султыштан, султан. Кор кыш-кыш керö, сэк шаг, два удитны верман. Бөр дугдö. Если кылас, дак лэбзяс. Сэки подойдёш матöжык. Адззан, лыян, и усяс. Мукöдыс сем, восем килограмм весөн. Баранъез кыз сьöd дозмөр.

Лэч, сiя сьöлалö. Эстөн пу, эстөн пу, счö көртулөн вачкан. Учöтик көртуллэз эз вöлö, а öнi көртул то эм а. Көртулөн вачкан бедь, бедьас этшöм душжка. Сэчö то сисö сиялан. Си вöлли, öнi провöлöчка. Эчö бедьас рэбина көртыштан. Сьöлас бөр сэчö локтас. Аха. Эчö мышкырчас, сёяс рэбинасö, мөдöрас котöртас. Кыз котöртас, сiдз и шедас, пекляс, джагалас, öшöччас. Чöссö и лэчсö сияльны сентябын, Прол лун бöрын. (*Лесников Константин Маркелович, 1925 г.р., д. Сойга*).

Перевод: Еще глухари. Когда ток у него, токует весной. Трещит, как сорока. Ты раз-два, встанешь, стоишь. Когда кыш-кыш делает, тогда шаг, два отойти можешь. Перестает. Если услышит, так взлетит. Тогда поближе подойдешь. Увидишь, выстрелишь, и упадет. Некоторые по семь, восемь килограмм весом. Как бараны черные глухари.

Силки, это на рябчика. Тут дерево, тут дерево, тут гвоздь забьешь. Маленьких гвоздей не было, а сейчас есть. Забьешь гвоздем палку, на палке такая дужка. Сюда волос натянешь. Раньше волос был, теперь проволока. Привяжешь к палке рябину. Рябчик сюда назад пойдет. Ага. Наклонится сюда, съест рябину, к другой побежит. Как побежит, так и попадёт в петлю, умрет, повесится. Силок и ловушку ставить в сентябре, после Фролова дня.

История о медвежатах

Мунамö визира кузя. Адззам: ош берлога. Ме муні. Поныс юрсö суюлас; да бөр чеччыштас. Вот ош берлога адззимö. Не пишаль, нем абу съöраным. Но öтiкöс ыстiм пишальла. Муніс пишальла гортö, километров шесть гортсянь. Ваис пишаль и пон вайöтiс. Понъез понісö увтны. Эг и казялö, кыз чеччыштiс ошыс, петыштiс гусис. Ме лыйи, ранитiс. Мөдчид лыйи. Эг вермö вийны. Сiдз и муніс вирөн. Не местаö веськалі. Понöй быцца лун эз лок гортö, век вöччис. Потом локтiс жö. Видзöтiм, гуас пырны ыджыт коода пöрöма, кöспу. Сы ултö гарысьöма ошыс. Ме пыри. Дзескыт меным кажиччис осьтаыс сылөн. Адзза — сэччан нявзöны куйима ошпiяннэз. Ох, ме бөр сэтiсь петыштi. А потом, вöлі учöджык меись, поцанкодь, сiйö мөдöтi сэччö. Сiя öтiк ош миянлö чапкис, мөд ош чапкис, куйимöт некыз оз сеччы. Вöлі тотарин. Сiя ползьöма, мыр йылö кайöма, гачсö сiталöм. Потом лэччис. Куфайкаас каттис ошпiяннэтö и котöртö одзаным. Сяс пö миянös вöтас и виялас ошыс. Гортö вайи и бочкаö пуктi и недель мында видзи. Дук тöкö, сiталöны, йөл, кыз поннэз шляпкöны-сёйöны. Öтiкö öтiк другыслö сетi, мөдсö мөд другыслö сетi, куимöццö аслым коли.

Нiя быттiсö. Тётка вöли сэччань Сойгас. Тёткалөн вöлі зон. Сылö зоныслö сетi. Лёк сiя вöлі. Быдмис, да мый тётка керö, квас гудыртö мый, öтлан гудыртö квассö: и чеччыштас лабичас и öтлан бергöтö. Потом мачөн орсны велаліс. Мачөн поніс орсны челядыскöt. Потом йöйалны поніс. Кычöкö мунöмась, кольöмась, став занавесаэсö öшынісь кульöма, косяллöм. Ся нерад лоисö. Ся кычöкö нуötісö, узалöмась вöлі. А мөдсö тожö тотариныт сетöма, Глазов вöлі начальник. Сiя быттiс тожö ыджытöдз нин. Поніс ветлötны. Эстөн Конöпляс столовöй улдöрас двукэтажнöяс. Адззö эд ветлötлö да, что сэтөн столовöяс эм мыйэскö пызана. öшынсö пазьнитас, пырас, ви сёйöма килограмма два ли мый ли. Эшöна абу пötöма, пэтöм да стөн керкуас öлісö старушкаэз, буканка нянь вöлöм..

Кипран Вась оліс Сойгас. Сія чеп ылын сійö видзис. Кыдз чеп ылісь мунас, сёрно мыйкö керас, воштасяс. Сія велötіс и ноллötіс тшакла, сісьмöm грибьез да мый да, пукты ставсö наберукаат, кытшöмö ваяс, кöть сісьмöm, кöть абу. А то лөгасьö. Öтiк сусеткалісь, мыйкö челядь равзöны, равзöны. Сія локтöма, пырöма, сёртни, калегасö куча тэчöма, луксö кучаззö тэчöма. (Лесников Константин Маркелович, 1925 г.р., д. Сойга).

Перевод: Идем по длинной просеке. Видим: берлога медведя. Я пошел. Собака голову засунет да обратно выскочит. Вот нашли берлогу медведя. Ни ружья, ничего с собой нет. Но одного отправили за ружьем. Пошел за ружьем домой, километров шесть до дома. Принес ружье и собаку привел. Собаки начали лаять. Мы и не заметили, как медведь встал, вышел из ямы. Я выстрелил, ранил. Еще раз выстрелил. Не смогли убить. Так и ушел, истекающий кровью. Не попал в нужное место. Собака целый день домой не возвращалась, все гналась. Потом вернулась же. Смотрим, у входа в яму большая колода опрокинута, сушина. Под ней медведь выкопал себе берлогу. Я залез. Мне узкой кажется его вход. Смотрю — там пищат три медвежонка. Ох, я обратно вышел. А потом, был поменьше меня, вроде пацана, его туда отправил. Он одного медведя нам выбросил, другого выбросил, третий никак не дается. Татарин был. Он испугался, на пень забрался, в штаны наср...л. Потом слез. Закутал медвежат в фуфайку и бежит впереди нас. Сейчас, мол, нас догонит медведь и убьет. Домой принес и в бочку посадил, и продержал почти неделю. Запах такой, срут. Молоко как собаки лакают-пьют. Одного одному другу отдал, другого другому другу, третьего себе оставил.

Они вырастили. Тётка там в Сойге жила. У тетки был сын. Ему отдал. Злой он был. Вырос, и что тетка делает, квас мешает, вместе квас мешает: запрыгнет на лавку и вместе мешает. Потом научился играть в мяч. Начал в мяч с детьми играть. Потом дурачиться начал. Ушли куда-то, оставили, все занавески с окон содрал, порвал. Уже не рады стали. Потом куда-то увели, продали. А другого тоже татарин отдал, Глазов был начальник. Он тоже вырастил, уже большой был. Начал ходить. В Конопле столовая внизу в

двухэтажном здании. Видит ведь, ходит да, что в столовой есть что-то на столах. Окно разобьет, зайдет, масло съел килограмма два. Еще не наелся, там в доме старушка живет, булка хлеба была...

В Сойге жил Кипран Вась. Она на цепи держал. Как с цепи уйдет, всё равно что-то натворит. Он научил и водил за грибами, гнилые грибы да что, класть все в набирушку, принесет какие-то, хоть гнилые, хоть нет. А то сердится. У одной соседки, что-то дети кричат, кричат. Он пришел, зашел, репу, калегу, лук в кучу наложил.

Дед Яшка

Оліс Яшка дедö. Торгуйтліс. Пышнина принимайтіс. Джөк, порок ваялліс, паськөм, көмкөт. Сылө кыйсисö, сдайтісö, сія нуис Чердынью, здайтіс сійö мөд богаччезлө. Вот и оліс. Вөлі мөсьез, вөльез, баляез. Мөсьез куйима, вөльез кыка вөлісö, баляез штук тритцэтъ. А беднөйжык оліссес, көдна дышөсь деревняас, сылө отсалісö. Сія вердіс нійö, нянь сетіс, көмкөт, паськөм. Пашняыс вөлі сылөн двенатцетъ гектар, виль пос сайын. Сійö бергөтіс, и горт дынас вөлісö. Работниккез уджалісö: пөтөсь, кодөсь вөлісö. Потом воліс коммунизма, колхозьез. Сэк өтік морт продал нійö, шуис самөй трудяшшөй народ. Нія мырьесö бергөтлісö квагаэзөн, көдзисö, гөрисö, вот и олісö. Нянь вөлі сусек тыр. Сэсся и раскулачитісö, нуөтісö, ок төд, кыччө. Вөлі өтік ныл. Нылыс муніс жөник сайö, и муніс кытчөкө Свердловскö, сэчань куліс. өні абу некин, дук. Иньыс куліс өтыс, мөдыс тожө куліс, некин абу. Керкуйэз эшö сулалөны, мөд мортъез олөны. Лавкаэз вөлісö, часөвня стрөйтліс. (*Лесников Константин Маркелович, 1925 г.р., д. Сойга*).

Перевод: Жил дед Яшка. Торговал. Пушкину принимал, порох привозил, одежду, обувь. Для него стреляли, сдавали, он увозил в Чердынь, сдавал это другим богачам. Вот и жил. Были коровы, лошади, овцы. Три коровы, две лошади было, овец штук тридцать. А бедные жители, кто ленивый в деревне, ему помогали. Он кормил их, хлеб давал, обувь, одежду. Пашня у него была 12 гектар за новым мостом. Её вспахивал, и у дома была. Работники работали:

сытые, пьяные были. Потом стал коммунизм, колхозы. Тогда один человек продал их, назвал самый трудящийся народ. Они пни выворачивали *квагами* (=вагами. – *Сост.*), сеяли, пахали, вот и жили. Хлеба было полный сусек. Потом раскулачили, увели, не знаю, куда. Была одна дочь. Дочь замуж вышла и уехала куда-то в Свердловск, там умерла. Сейчас нет никого, ни души. Одна жена умерла, другая тоже умерла, никого нет. Дома еще стоят, другие люди живут. Магазины были, часовню строил.

Русалка

Мужикыс пондас уточкаэн чери кыйны. Кыяс, кыяс, кыяс. А видно мыйкё китручисё, иньыс потому что знала, чтобы чери шедіс. А видимо кытшöмкё молитва сія знала. И сылö каждой лэтчемись..., каждой лэтчем бидон тыр век сія кыйö. Ачис квастайчис, что тöдö иньыс и сія кытшöмкё молитва лыдьяс, и сылö чериыс шедö. И вот сія кыяс, кыяс, и бидоныс уже тырö ни, и сылö петас ю шерсис, ю мян – Лупья, ю шерсяс пö сія петас ыджыт чочком морт пö Кузь юрсиа, сэтшöм мича, красавича, джынöдзос, джын тушас петас и шуас: «Чери-т эшö колö, оз?» Сія ползяс, сія ся чапкас вугурсö, бидонсö кватитас и гортас мунас. И через год, вроде, он умер.

Русалканас и шуисö. Кыз но эшö шуисö сэтшöмсö? Чёртөн и шуисö, чёрт пö васис петöм, бес, вабес. (*Лесникова Клавдия Федоровна, 1921 г.р., д. Сойга*).

Перевод: Мужик начнёт удочкой рыбу ловить. Ловит, ловит, ловит. А видимо что-то хитрили, потому что жена знала, чтобы рыба шла. Видимо какую-то молитву она знала. И ему каждый раз, как пойдёт ..., каждый раз он полный бидон наловит постоянно. Сам хвастался, что знает жена, и она какую-то молитву прочтёт, и рыба попадает. И вот он ловит, ловит, бидон уже наполняется, и к нему выходит посреди речки... Речка у нас – Лупья, посреди речки выйдет большой белый человек с длинными волосами, такая красивая, такая красавица, на половину, половина тела выйдет, и скажет: «Рыбы еще

надо, нет»? Он испугается, он потом бросит удочку, схватит бидон и домой уйдёт. И через год, вроде, он умер.

Русалкой и называли. Как же еще такого называли? Чертом и называли. Черт, мол, из воды вышел, бес, водяной бес.

Рассказ о бесах

Кык инька олёмась, томыникось керкаын, вот. Кык монь допустим олёмась керкаын. Но матушкаыс кулём, батюшкаыс кулём, так. Кольчёмась кык монь, а мужиккес война вылө мунёмась, вот. Но допустим Турциякөт воуйтёмась 1870-ых годах, так. Но и мый, ния видзчисьёны, вот кабы менам мужикө локтіс, ме бы сылө пирөггесө пöжалі и ольсаси бура и мый. Мөдыс шуө, о, ме бы тожө тагсө гөтөвиті. Видзөтөн кө, мужиккезныс. Ой, менам мужикыс. Мөдыс — ой менам мужикыс. Стряпайтёны, пызан сайө пуксьөтёны. Мый нө сёйёны и өмсиныс киссьө киө. Что за чертовщина. Видзөтасө, өтікыслөн кокыс мөсөвөй, мөдыс вөлөвөй. Ния пырёмась, этө бессэз, бессэз пырёмась. Ния ползясө, чожжык петук нылөн вөлөм, да петуксө пондасө гильөтны да гильөтны. Да петукыс кукареку керас. Сэсся бессэс пышшасө вообще кытчөкө. Петух оказывается выручает тожө мортсө. (*Златин Иван Григорьевич, 1936 г.р., д. Мысы*).

Перевод: Две женщины жили молоденькие в доме, вот. Две снохи, допустим, жили в доме, но матушка умерла, батюшка умер, так. Остались две снохи, а мужья на войну ушли, вот. Но, допустим, с Турцией воевали в 1870-х годах, так. Но и что, они ждут, вот кабы мой муж вернулся, я бы пирогов ему настряпала и постелила хорошо, и что. Другая говорит — о, я бы ему тоже хмель приготовила. Смотрят, мужики. Ой, мой муж. Другая – ой, мой муж. Стряпают, за стол сажают. Что это – едят, и изо рта высыпается в руки. Что за чертовщина. Посмотрят, у одного нога коровья, другая лошадиная. Они зашли, это бесы, бесы зашли. Они испугались. Быстрей, петух у них был, да петуха щекотать да щекотать. Да петух кукареку сделает. Потом бесы убегут вообще куда-то. Петух, оказывается, тоже человека выручает.

Русские тексты

Зырянские девки

У нас тут 20 километров, 25 — Эська была деревушка по Лупье, до Дзёли больше. Эська, нету сейчас. А Дзэль есть. Оттуда невест брали. Приезжали они сюда, наглые такие девки, о-хо-хо. Она к тебе сама придёт, и всё. Я еще в армии не был, пришли ко мне, к матери. Мать — старушка, полы мыли. Придут к тебе: «Ночевать буду с тобой». Не стесняются никого. Я больше стесняюсь, чем они. И дома, если поедешь в гости туда, дома они при отце могут привести кавалера. Здесь таких не было порядков. Тут уже стеснительные. Одежда чуть другая: ходили в сарафанах, чулки. Интересней, чем наши. Старухи у нас носили кокошники. Я вот как помню, уже не носили. У меня и у матери был, но, как уже помню, она не носила. Кокошники-то были, а брюк-то у них не было. Штанов не носили, и нижних бельей не было. Какой там, у них сарафан, и все. Зимой работают женщины в лесу по снегу, так они надвязывали чулки сюда добавок. Называли паголёшки — до сюда уже вязанные. По снегу лезят без всего. (*Зап. от Н. И. Мизева, 1938 г.р., д. Конопля*).

Чем питались

Я два класса только сама училась, потому что тогда война была, мать везде посылают, на лошади ездила кругом, а я дома была. Учителя которые приходили домой, чтобы училась я, потому что хорошо было учусь, грамота была, но тогда у нас была корова, и дома надо все делать. Такой разве хороший жизнь была? Дрова иногда не было, топить чтобы. А кушали... всякой кушали, например, репу посадишь, это теришь. Если немножко мука есть, туда положишь, лепёшки делаешь, и кушаешь. Пекли их. А сейчас белый хлеб не могу, например, я кушать. Вот я уже старая, да не могу. Тогда жизнь такая была, мучались небось. А по праздникам тогда чего наготовишь, ничего и не было. Чуть-чуть лепешки пожаришь, и всё. Всякую кушали траву. Пикан-то

кушали, сейчас у меня желудок болит. Пихта, кору-то обдерем, да сушим, молотим-то. Как будто посмотреть-то мука, а это разве хорошее, вкусное? Что только не ели... Потом когда я большая стала, везде стала работать, так и получше стало. (Зап. от Лесниковой Матрены Ивановны, 1931 г.р., пос. Жемчужный).

О Лешем

Одну девочку таскал Леший. Не год, не три года, а сколько-то месяцев ли что ли. Искали. Она, говорит, лазит на дерево, возле ей ходишь, а её не видишь. Голос не подает. Это, говорит, будто у ей отец говорит не дает говорить. Потом как-то поймали же. Сейчас живая. Такая стала полная, так кормил хозяин-то. Как жила у него, не смеет говорить. Не разрешает, видно. Как будто свой отец так делался, и был леший. Мать говорила по это... лешакнула, дак вот он её и взял. Так-то ругаться не надо на маленьких-то, да и вообще не надо. Как-то лешему гостинцев делают, в лес унесут и на дерево ли что ли положат, не знаю. Яички крашеные ли что ли... пояс ли что ли, пирог ли, не знаю. Некоторые, которые любит, возьмет, а если не любит, кинет тебе же. Эта которая очень знала, в Верхолупье жила женщина. Анна звали. Она все знает, и как его зовут. Сейчас я не помню, как зовут его. Иван ли что ли. Ох... Не помню. Как-то звали, да ой, не помню уж сейчас. Там в Верх-Лупье которая бабушка-то жала, там не спала, ничего. Ложится в одно место, а утром встанет — в другом месте живет уже, спит. Мар Панна была эта женщина (Марья Павловна. – Сост.). Кто его увидит, что он такой большой. Сам, говорит, меня много раз поминают, я, говорит, только дома не бываю, все на дороге. Если кто поминает, а он дома, это, видно, утащит.

Если в лесу заблудился, надо все равно выходить. Как-то бродят, бродят, все равно выходят. За ягодами идешь, на солнышко ли глянешь, на дерево смотришь, одежду переворачивают. (Зап. от Лесниковой Матрены Ивановны, 1931 г.р., пос. Жемчужный).

Про соборную воду

Всякие были, по-разному, кто как умеет. Байку одну и ту же могут рассказать все по-разному. Один человек так расскажет, другой так. И воду, наверное, так же берут. Один человек скажет — так берут, другому передали так, третий услышал так. Каждый по-своему сделает. А я воду беру: тоже без солнца же надо утром рано. И когда идешь, надо идти одной. И когда чувствуешь какой-то страх или что, может же в этот день казаться что-то, может и с головой случиться что-то. Неправильным человеком будешь, и все. Мама моя говорила: бери палочку, палочка — это товарищ. Вот я закрываю двери все время, выйду куда-то к соседям, палочка стоит. С этой палочкой нынче поди ходила. Ведро взяла это, ведро. Иконки положила в мешочек. Пошла, а люди уже идут некоторые, с людьми не надо разговаривать, в этом, видимо, вся суть, сила. Здраваться нельзя, говорить ни с кем нельзя, пусть встретились, рядышком пройди, смотри себе под ноги. Как будто никого нету, и все. Ну, пришла к ключу, бабушка моя учила меня здраваться с водой. Крестишься и говоришь: «Здравствуй, водица-водица, божья помощница, дай мне добра да здоровья, не на год грядущий, а на век векущий». И что в первую очередь — умываешься. Ты, говорит, сначала умойся. Потом черпнула я воду, в ведро, помыла иконки, снова ведро зачерпнула полное. А когда домой пришла, немножко вылила в трехлитровую банку. А иконки у меня соборные: три иконки. Двенадцать полный-то. А видимо делили, да еще неправильно — три иконы. Вот собор туда опустила на три дня. В воде подержать иконы — очень грех. Вот. Этот тоже мне мама говорила, но именно видимо держать, большая сила из этого что ли, поэтому до двенадцати дней никогда не держи, это очень сильно, а три дня — это самое то. Три дня подержала да... у меня немножко еще есть, трехлитровая банка была. Подружка Ольга приходила, Ольге давала. Умываются потом этой водой, ребят поят маленьких, младенцев. Выходить за водой можно и в Пасху, а можно и в четверг. В четверг хотя говорят, что ходят колдуньи только злые, да ведь это Чистый четверг. Дак ведь если колдунья ходит, она ходит себе. А ты себе ходишь, приносишь не для худого ведь. И вот

именно четверг очень много худого могут делать. Он и Чистый, хороший четверг и вот для этих, черных магов, он для них приятный, а для простого люда опасный. Вереск приносишь тоже в Чистый четверг. Если в Чистый четверг иногда лень вставать, идешь утром в пасху. Тоже вереск, перед веточкой крестишься, тоже с лесом здороваешься. Как с водицей. Тут лес-батюшко. По-коми так выр-батюшко. «Здравствуйте, выр-батюшко». По-коми же мы обращаемся. Вот и ломаешь. Вереск когда ломаешь: «Одну веточку дай мне для добра и здоровья». Другую веточку ломаешь, говоришь: «Дай мне, принеси мне добро в дом». Третью веточку ломаешь для скотины. Одну веточку ложу подпол, другу веточку выше дверей, куда заходишь, а третью веточку я всегда в сарай. Так целый год и лежит, а потом когда новые привяжу, старые собираю, в печке сжигаю. Яйца пасхальные когда вот пожар, если сильный ветер, чтобы этот пожар-то удержать, надо, наверное, какие-то слова тоже знать, просто, наверное, яйца не кидаются. Яйца кидаешь вверх, чтобы огонь только вверх шел. И действительно, огонь уже только вверх идет, хоть и ветер. Яйца сильные тоже. Я их просто ложу в чуланчик-то, иногда стухнут все яйца. Иной раз слышу вонь, где-то шелкнуло. Воняет, кину на улицу. В Чистый четверг прибираются, моют, прибирают, стирают. Еще этот вереск иногда в некоторых семьях, раньше. Сейчас не делаем. С русской печи заслонку брали, ложили на середину дома, туда этот вереск ложили, поджигали, каждый член семьи должен был пройти кругом через этот вереск. Наверное, тоже какие-то слова говорили, чтобы этот вереск дал добра, да здоровья, долгой жизни. А такое я никогда не видела и не делала, но слышать слышала.

Яйцами еще играют, один раз видела — старухи в пасху-то. У вас яйцо на руках, у меня яйцо. Я тебе даю: «Христос воскрес». Ты мне даешь: «Воистину воскрес». Три раза, потом целуются три раза, вот это видела. Яйца вообще всем близким можно дарить, хоть стам человекам, если желание есть. Пасха она пасха и есть именно. Яйцо вон красным окрашивается. Красный — цвет крови, здоровье наверное там, что-то такое, связано со здоровьем. Сейчас всякие, а раньше поди только красные были. Пекли так. Куличи да что не делали у нас-

то. Рыбный пирог могли испечь, картофельные шанежки, потом из ячневой крупы шанежки. По-коми: шидеса пирог. Это шанежка из ячневой крупы. Их продают часто, до сих пор делают, в магазинах я видела. Сладкие шанежки тоже стряпают. Моя матушка стряпала. Просто тоже, как картофельная шанежка, только сверху ягоды, варенье. Или ягода брусника, может, с сахаром сделанная. Помазывается сверху. По-коми: ягода-шаньга. (*Зап. от Мизевой Надежды Михайловны, 1963 г.р., п. Жемчужный*).

О конце света

У нас тоже говорили, этот старик, он уже умер. Он и знал всё. Много он говорил. Он говорил так: ты, говорит, молодая и грамотная, ты всё будешь помнить. Будет война, нынешнюю он говорил, должен война быть нынче всемирная, в живых и мёртвых вместе будут. И труба будет большая, там будет огонь гореть. Праведливые люди будут бежать, негрешные, а грешные будут гореть. Стоять будут как очередь, и будут по очереди пускать грешных и негрешных. А там, говорит, будет лужайка гореть. Будут, говорит, первобытные люди. Через трубу которые пройдут, которые не сгорят, они будут первобытные люди. У него, видимо, книга было, и читал, и знал он.

А я во сне видела это трубу, которую он говорил. Вот большая чёрная труба бы. Я очередь стала. В этой стороне малый и большой стоит с трубы, и этом стоит. А мене, мыся, тоже надо стать, через трубу пройти. Вот и я тоже стала. Стала, подошла, в конце стоит старик. Бородатый старик. Я котела зайти, он говорит: «Тебе неположено туда зайти, неположено». Меня отдвинул старик-то. И розбудилася. (*Зап. от Мизевой Марии Ильиничны, 1921 г.р., п. Кебраты*).

Женщина в белом

Четыре часа дня в августе. У меня с собой были нуки, нук и нучётка. Вышли на улицу. Идёт женщина в белом из проулка. В Сойге мы деревне жили, от кладбище перулок. От кладбище идет женщина. Женщина идёт, и идёт ко

мне. Я говорю: вон бабушка идёт. В белом платке, как уплаталась. Не уплаталась она, не в платке, а наверно было полотенце у ей, платок ли. Идёт. Полотенце до сих пор, пальцы только вот так видно. В белой рубашке, зелёном сарафане, белом партуке. Горошками сарафан. Мы стоим с детишками. И пришла она вот так, как эта стенка. Я испугалась. Лицо-то маленькое, кругленькое. Я говорю: это не наш. Мы зашли в ограду. Зашли, вышли, ее уже нет. Она потерялась куда-то, нету. Везде искали, нигде не нашли. Кто она была такая? А потом сказали, это, говорит, ангел, Бог. Почему, мол, ангел ко мне вышел? Потому что, говорит, ты безотведная женщина, старательная, всем помогаешь. Если она была ангел, то делалась бы такая же, как птица, чистая, или воробей, или кем-нибудь делалась. Вороной или сорокой всё равно бы не делалась, какая-то бы маленькая птичка» (Зап. от Мизевой Марии Ильиничны, 1921 г.р., п. Кебраты).

Улица в д. Сойга. 1948 г.

Улица в д. Сойга. 1948 г.

Д. В.-Лупья. Женщина в гуне и в платке.

Лупьинки

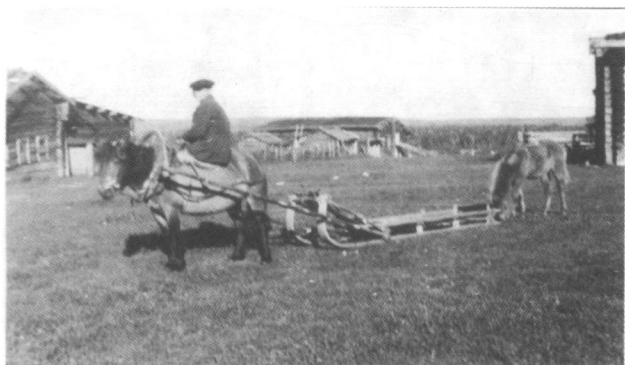
Д. В.-Лупья. Молодой крестьянин
в накомарнике с гармонью
и две женщины в кокошниках.

Молодая женщина в кокошнике
и платке.

Д. В.-Лупья. Подружки. 1948 г.

Д. В.-Лупья. Летом на санях. 1948 г.

Д. В.-Лупья. Охотник Степан Андреевич Мизёв
в лузанах и с нартами

Д. В.-Лупья. Охотник с крошнями. 1948 г.

Д. В.-Лупья.
Пилят плахи домной пилой. 1948 г.

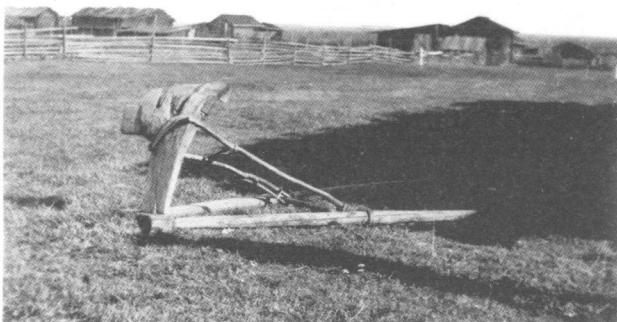
Д. В.-Лупья. Веяние зерна.
1948 г.

Д. В.-Лупья. Мельница. 1948 г.

Боро́на-суковатка

Д. Сойга. Со́ха гор. 1948 г.

Д. Сойга.
Со́ха гор с двумя рамками-лемехами. 1948 г.

Д. В.-Лупья. Жилой дом
под односкатной крышей и амбар.

Д. В. Лупья. Дом и двор со взвозом.

Д. В.-Лупья, жилище, гнутые ободья. 1948 г.

У амбаров. В.-Лупья. 1948 г.

Амбар на столбах в д. Лупья. 1948 г.

Д. В.-Лупья. Амбар на столбах.

Кокошники.

Мужчины в колпаках.

Мужской и женский костюмы.

Запоны, узорные чулки.

Запоны (вид сзади), лапти, коты, бахилы с чулками.

Охотники со снаряжением.

Рекруты.

Мужчины в колпаках.

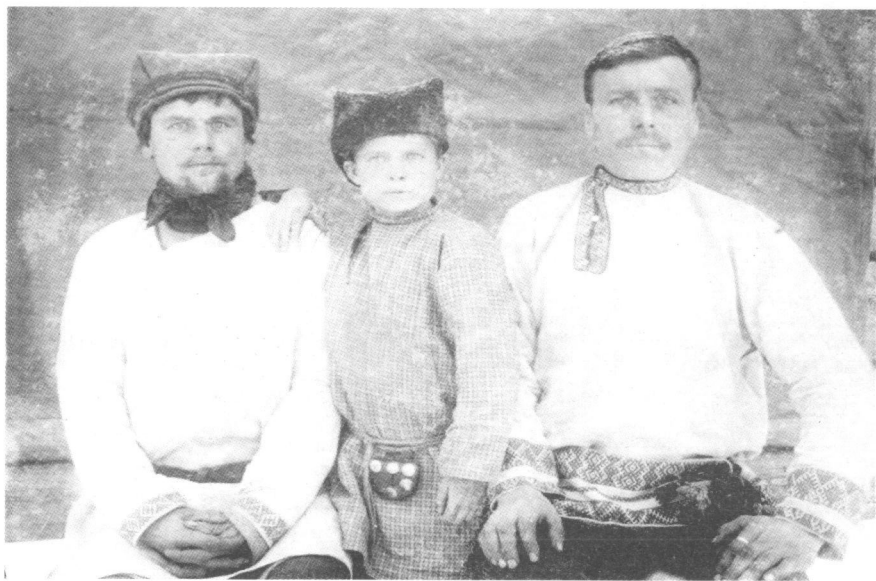
В платках и кокошниках.

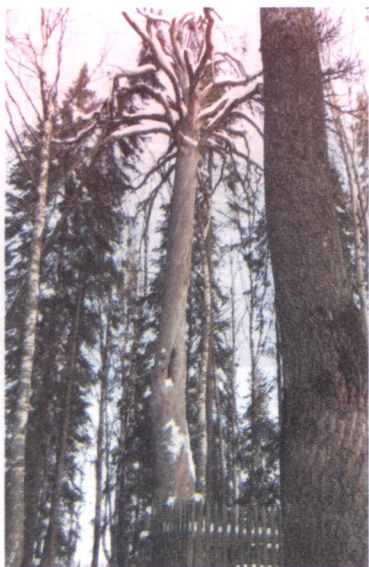
Женщины в сарафанах с передниками и кокошниках,
охотники в лузанах.

В лузane и шабурах.

Д. Мысы. Александр, Петр и Василий Еремeeвы.

Вещая сосна

Вид на кладбище

Камень, котóрым, по преданиям, играли Пера и Мизя.

Вид на Мысы

На околице

Таёжная Лупья

п. Жемчужный, Мизева Н. М.

п.Жемчужный, Златина Н.П.

В доме у Лесниковой К.Ф.

п. Жемчужный, Лесникова Р.Е.

д. Конопля, Созонова А. К.

д. Сойга, Мизева, А.И.

п. Жемчужный, Лесникова М.Т.

д. Сойга, Лесникова К. Ф.

д. Мысы, Мизева А.Н.

Научное издание

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА

Выпуск VIII

Голева Татьяна Геннадьевна
Подюков Иван Алексеевич
Пономарева Лариса Геннадьевна
Черных Александр Васильевич

ЛУПЫНЦЫ; ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

Этнолингвистический сборник

Редакционная коллегия:
Белавин Андрей Михайлович
Лобанова Алевтина Степановна

Редакторы *О.В. Вязова, М.Н. Афанасьева, М.Г. Коровушкина*
Технический редактор *Е.Н. Свалова*
Дизайн *Д.И. Вайман*

ИБ № 468

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 1806 от 11.03.2009.

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001.

Подписано в печать 12.12.11. Формат 60х90 1/16

Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Набор компьютерный

Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 11,8

Тираж 300 экз. Заказ № 8037.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (3422) 386-312

«Издательский дом «Типография купца Тарасова»»
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 27
тел. (342) 212-44-53

